

Андрей Мелехов
1941. Козырная карта вождя. Почему Сталин не боялся
нападения Гитлера?

«Андрей Мелехов. 1941. Козырная карта вождя – почему Сталин не боялся нападения Гитлера?»: Яуза-пресс; Москва; 2012
ISBN 978-5-9955-0383-5

Аннотация

Послушать официальных историков, поведение Сталина накануне войны было полнейшим безумием, если не сказать суицидом. Разведка буквально кричит о скором нападении Гитлера, немецкие самолеты постоянно нарушают границу, выявлено сосредоточение вражеских войск у наших рубежей, генералы умоляют привести войска в боевую готовность – однако Сталин до последнего отказывается принять меры, обрекая Красную Армию на страшный разгром и поставив СССР на грань полного краха... Но ведь кремлевский тиран не был ни психом, ни самоубийцей! Почему же он так долго медлил? Почему не боялся нападения Гитлера? Да потому, что имел в рукаве высшую козырную карту и был абсолютно уверен, что сможет остановить немецкое нашествие, даже если фюрер решится нанести упреждающий удар! Что это был за козырь? На чем базировалась вера Сталина в собственную неуязвимость? Какой сюрприз он приготовил своему «бесноватому» союзнику? И почему, вопреки ожиданиям, эта «неубиваемая» карта была бита?

Основываясь на открытиях Виктора Суворова и развивая его идеи, эта сенсационная

книга разгадывает главную тайну Второй Мировой и дает убедительный ответ на «проклятые» вопросы, над которыми историки бьются уже более полувека!

1941: Козырная карта вождя – почему Сталин не боялся нападения Гитлера?

*Посвящается простым солдатам Великой войны —
Якову Базаркину и Петру Терехову*

Предисловие Виктора Суворова

Где-то на изломе веков один хороший приятель похлопал меня по плечу и выразил сочувствие: через пару лет грянет новое тысячелетие, и никого больше вопрос о начале Второй Мировой войны интересовать не будет.

Почему-то многим представлялось, что в новом веке у людей интересы будут совсем другими. Сам я, кстати, в этом тоже был твёрдо уверен, но ошибся, как и мой хороший приятель. Интерес к войне не угас. Наоборот – ярость сражений, накал страстей растут.

За первый десяток лет нового тысячелетия книг о начале войны выпущено столько, что упомянуть все, тем более – их прочитать, просто не получается. А второе десятилетие грозит быть ещё более плодотворным. Среди массы публикаций о начале войны, среди этого мощного потока, есть книги, которые пропустить нельзя. Одна из этих книг настолько выламывается из общего ряда, что мимо неё пройти мы все не можем и не имеем права.

Представляю: Андрей Мелехов «Большая война Сталина».

Меня лично книга потрясла объёмом материала. Только тот, кто сам пробовал искать, находить, сортировать информацию о начальном периоде войны, способен оценить вклад Мелехова в наше общее дело. Ведь его книга – это энциклопедия! Где ещё найти столько кропотливо собранного, с любовью по полочкам разложенного материала о том периоде? Ни Академия наук, ни Институт военной истории Министерства обороны за 70 лет, которые прошли с момента германского нападения, не сделали ничего подобного. А тут – об армиях и корпусах, о дивизиях и бригадах, о генералах и штабах, о танках и самолетах, о пушках и снарядах, о количествах и качествах.

Но это первое впечатление. А когда вникаешь в тексты, то проникаешься ещё большим уважением к человеку, исполнившему воистину титаническую миссию. Кто бы, например, додумался сверять переводы дневников Геббельса? Додумался Мелехов. **И показал, как даже маленькие небрежности могут приводить к значительным искажениям исторической правды.**

Книги Мелехова – не нудный академический трактат, а обстрел объекта с разных направлений перекрёстным огнём. Одну и ту же ситуацию он показывает с точки зрения боевого командарма и с точки зрения артиста цирка, из вагона уходящего на войну эшелона и из кабинета Генерального штаба. И что удивительно: с командного пункта армии, которая тайно перебрасывается к границе, и с арены цирка, с приграничного аэродрома и из палаты тылового госпиталя открывается все та же картина. Описание судьбы женщины-стоматолога или артиллерийского лейтенанта объясняет нам гораздо больше, чем сто томов научных изысканий академических институтов.

Андрей Мелехов ставил перед собой почти непосильную задачу. Он её успешно решил. Совершенно сознательно не берусь пересказывать его книгу. Её надо читать. Её аршином не измерить, глубин её не исчерпать.

От автора

С ранних лет я питал интерес к истории Второй Мировой войны (именно так – с большой буквы, как это делают во всём мире, я буду называть её в моей работе). Её страшный каток проехался и по нашей семье. Мой дед Яков Базаркин был ранен на Курской дуге – так, что потом год пролежал в госпиталях. Мой дед Пётр Терехов – наводчик противотанкового орудия («дуло длинное – жизнь короткая») – умер от ранения в грудь в полевом госпитале в том же 43-м. Пётр Петрович никогда не видел своего сына – моего отца, который родился спустя два месяца после его ухода на фронт. Возможно, именно поэтому Михаил Петрович и собрал целый шкаф военных мемуаров, исторических исследований и художественной литературы, посвящённых этой теме. Взрослея, я по мере сил пополнял отцовскую библиотеку. Надо сказать, что ещё в юности, читая воспоминания советских полководцев – Родимцева, Катуква и Жукова, касавшиеся начального периода Великой Отечественной войны, досадуя на Сталина, из-за недальновидности которого немцам удалось застать Красную Армию врасплох, я часто ловил себя на мысли, что упускаю что-то очень важное...

Чем объясняла неудачи 1941 года советская, а вслед за ней и зарубежная историография? «Стандартный» набор причин хорошо известен практически каждому:

1. На СССР напали внезапно, без объявления войны.
2. Красная Армия была не готова к отражению нашествия, в ней шли реорганизация и перевооружение.
3. Её командование было ослаблено предвоенными репрессиями и качественно уступало немецкому.
4. Привычно упоминают параноидального волюнтариста Сталина, не слушавшего предупреждений Зорге/«Красной капеллы»/Черчилля и мудрого, но не имевшего необходимых полномочий Жукова, являвшегося в то тревожное время начальником Генерального штаба. Сразу вспоминаются знакомые штампы – вроде «Не поддаваться на провокации...» и «Малой кровью, на чужой земле...»

Совершенно случайно, примерно в 1994 году, я купил на книжной раскладке две книжечки в бумажном переплёте – «Ледокол» и «День М» Виктора Суворова (Владимира Богдановича Резуна) – бывшего офицера Главного разведывательного управления советского Генштаба, вынужденного бежать на Запад. Очень кратко напомним об основных положениях его работ, всколыхнувших профессиональную историческую общественность – как российскую, так и зарубежную:

– Сталин сделал всё, чтобы привести к власти Гитлера и развязать новую Мировую войну; после взаимного истощения воюющих капиталистических хищников советский диктатор планировал напасть на фашистскую Германию и «освободить» Европу, совершив со всем континентом то, что в итоге получилось сделать только с его восточной и центральной частью;

– напав первым, Гитлер случайно упредил Сталина на две недели: советский «День М» приходился на 6 июля 1941 года;

– неудачи начального периода войны – результат гигантского скопления советских войск перед границей и незаконченного развёртывания перед началом агрессии (примерно половина советской группировки находилась на марше или в эшелонах, следовавших к западной границе);

– вопреки сочинённым советскими историками уже после войны сказкам, Красная Армия имела подавляющее количественное (а порой и качественное) превосходство в танках, самолётах и артсистемах. Хватало у неё и вполне подготовленного личного состава, а также грамотных молодых командиров. Вопреки устоявшемуся мнению, предвоенная чистка офицерского корпуса пошла ей на пользу, избавив от часто бездарных и полуграмотных «красных маршалов».

Не приходится удивляться, что труды Резуна-Суворова вызвали резкую реакцию подавляющего большинства советских, английских, американских и израильских историков, десятилетиями получавших степени, зарплату и гонорары за изложение совершенно иной

версии событий. В 1995 году, во время учёбы в американской аспирантуре, мне довелось побеседовать на эту тему с пожилым военным историком из университета Манкато (Миннесота). Я был удивлён его бурным профессиональным неприятием работ Виктора Суворова. И это при том, что он не привёл никаких значимых возражений против теории Резуна, чем вызвал скепсис уже с моей стороны. Как выяснилось впоследствии, подобное отношение «профессиональных» историков по обе стороны океана оказалось довольно типичным. Это, кстати, сводит на нет обвинение сталинистов и «патриотов» в том, что Резун сочинил свои «пасквили» по указке некоего абстрактного «Запада». Американские, английские и большинство немецких официальных историков (а также официальных лиц: это я понял из разговора с нынешним немецким послом в Украине – кстати, историком по образованию) относятся к нему примерно так же, как и официальные российские. Не найдя весомых контраргументов – по крайней мере таких, что убедили бы в неправильности его выводов вашего покорного слугу, – профессионалы исторической науки, тем не менее, обильно полили Суворова грязью. «Дилетант», «предатель», «лжец», «ревизионист» – это, пожалуй, типичный набор характеристик, которыми его награждали защитники «канонической» версии истории Второй Мировой войны.

Будучи скептиком по натуре, я полтора десятилетия шёл к формированию собственного окончательного мнения по поводу изложенного в «Ледоколе», «Дне М» и других книгах Резуна-Суворова. Сейчас, когда у меня появилось свободное время, я решил попробовать повторить в «домашних условиях» то, что сделал сам Владимир Богданович, воспользовавшись исключительно опубликованными, широко доступными источниками. Я из принципа использовал только те книги, которые имеются в моей не самой, наверное, богатой домашней библиотеке, а также Интернет. На создание трёх книг, составивших аналитический цикл «Большая война Сталина», я потратил два года.

Суть поставленного мной эксперимента заключалась в наглядной демонстрации (или наоборот – отрицании) одного простого факта: **чтобы проверить правдивость утверждений Резуна-Суворова, совсем не обязательно иметь привилегированный доступ в закрытые архивы Российской Федерации. Нужно просто ещё раз внимательно перечитать работы, изданные большей частью ещё в советское время.** Для чистоты эксперимента я не касался упомянутых выше книг Суворова три года – чтобы избежать фактора «подсознательной подсказки» при чтении тех же источников, что использовал и он сам.

На каком-то этапе «погружения в тему» я обнаружил целый набор чрезвычайно странных фактов, касавшихся последних предвоенных дней и первых часов войны. Анализ этих фактов привёл к появлению гипотезы, пытающейся объяснить некоторые действия (и бездействия) советского руководства с точки зрения нормальной логики. Свою версию я назвал «козырной картой». Несмотря на органическую связь данной работы с другими книгами цикла, она стоит особняком и способна, пожалуй, вызвать наибольшие споры в среде профессиональных историков и любителей истории. По-видимому, именно данный – условно «сенсационный» – аспект «козырной карты» и повлиял на выбор издателя в том, что касается очередности выхода моих книг, посвящённых Второй Мировой войне.

Часть первая **ГЛАВНАЯ ЗАГАДКА БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ**

«День М»: когда СССР намеревался напасть на Германию и её союзников?

Читая множество современных публикаций на тему начала Великой Отечественной войны, я с удивлением убедился в том, что большинство авторов – включая и тех, кто утверждает, что не согласен с Виктором Суворовым, – **уже не спорят о том, что Сталин намеревался напасть на Германию**. По-видимому, как учат знатоки диалектического

материализма, в какой-то момент количество приводимых Суворовым и сторонниками его теории фактов вызвало некий качественный сдвиг, и представители «традиционных» воззрений – как в России, так и на Западе – вдруг заговорили об агрессивных планах бывшего до этого вполне «миролюбивым» Сталина как о чём-то данном и давно известном. В процессе они как-то забыли, кто это «данное» им, собственно, первым и «дал» – Владимир Богданович Резун (Виктор Суворов). Согласившись с ним в главном, сталинисты, «защитники исторической правды» и примкнувшие к ним недоучившиеся и недочитавшие профессора из Англии, США и Израиля организованно и вполне по-военному отошли на запасные позиции.

Теперь они придерживаются несколько модифицированной теории: да, СССР готовился ударить по Германии, но сделать это планировал в 1942 году. Их логика: летом 1941 года наступать было никак не возможно: не было завершено перевооружение авиации и мехкорпусов новыми самолётами и танками, а все 303 дивизии ещё только предстояло доукомплектовать рядовыми, политруками и младшим командным составом. К тому же сначала надо было бы дожидаться начала германского вторжения на Британские острова. Некоторые «серьёзные» историки – как, скажем, англичанин **Крис Белами** – «опускают планку» до декабря 1941 года – когда якобы ожидалось вступление в войну Соединённых Штатов (см. «Absolute War», с. 117). С этими господами и товарищами я спорить более не буду: соответствующие контраргументы были представлены в другой работе цикла «Большая война».

Альтернативная точка зрения заключается в том, что Красная Армия собиралась напасть в августе—сентябре 1941 года. Так, известный немецкий историк **Иоахим Хофман** в своей книге «Stalin's War of Extermination. 1941–1945» привёл мнение генерал-майора Малышкина, сообщённое им фельдмаршалу Леебу. Малышкин считал, что «Россия напала бы примерно в середине августа силами 350–360 дивизий» (здесь и далее перевод с английского мой, с. 85). Для меня эта теория является сомнительной. Прежде всего, нападать на Германию и её союзников осенью Советскому Союзу было не с руки: точно так же, как и тем – нападать в то же время года на СССР. Автобаны Германии были, разумеется, получше, чем «автотрассы» в Советском Союзе, и танки БТ по ним вполне бы проехали. Но ведь осенью пришлось бы месить грязь также на румынских и польских дорогах, которые, как я подозреваю, были совсем не германского качества. Гораздо сложнее пришлось бы советским «освободителям» и в осенних Карпатах. Да и затевать ещё одну зимнюю войну с финнами – после того как те только что продемонстрировали своё умение (и неумение Красной Армии) вести таковую – тоже было сомнительной идеей. Кроме того, каждый день сидения в холодных сырых лесах сотен тысяч военнотружеников ударных группировок неминуемо сказывался бы на их физическом состоянии и моральном духе. Другой важный аргумент – нелётная погода, которая часто стоит над большей частью Центральной, Восточной и Западной Европы со второй половины октября. Облачность могла в значительной степени ограничить использование фронтовой авиации и временно свести на нет предполагаемое (достигнутое после внезапного удара по немецким аэродромам) советское господство в воздухе.

Также Сталин не мог не учитывать и финансовые соображения: сам факт весенней мобилизации 1941 года, тайно проводимой в СССР, означал огромные потери для экономики страны, поскольку из народного хозяйства накануне весенних полевых работ были вырваны не менее 800 тысяч пар рабочих рук молодых и здоровых мужчин. И это – вдобавок к примерно пяти миллионам военнотружеников, уже проедавших народные деньги к началу упомянутого весеннего призыва. Каждый день их «непродуктивного» содержания «под знамёнами» стоил огромных средств. Столь многочисленная (примерно 5,5–5,7 миллиона человек) армия в мирное время – непозволительная роскошь даже для очень богатой страны. Скажем, по словам историка **Анны Нельсон**, летом 1940 года – спустя почти год после начала Второй Мировой войны! – личный состав армии США насчитывал не более 500 тысяч человек. Это было меньше, чем в шведских, испанских, голландских и португальских

вооружённых силах – не говоря уже об армиях таких государств, как Германия, Франция и Советский Союз («Red Orchestra», с. 175). СССР же богатым отнюдь не являлся, а его до убогости нищее население постоянно жило в ожидании очередного голода.

Наконец, мы знаем, что как минимум 248 советских дивизий (порядка четырёх миллионов человек, которые превратились бы в пять миллионов после доукомплектования в течение 2–3 дней вслед за объявлением открытой фазы мобилизации) самое позднее в первой декаде июля должны были оказаться в западных военных округах СССР. Я говорю о 171+ дивизий первого стратегического эшелона, тайно собиравшихся в лесах на самой границе к 1 июля, а также о минимум 77 дивизиях второго стратегического эшелона, совершавших ещё более тайную передислокацию из внутренних округов на рубеж Днепра и Западной Двины. Если бы «День М» планировался на начало осени, то и очередная фаза тайной мобилизации, осуществлявшаяся – согласно воспоминаниям генерала **И.И. Людникова** – уже с середины марта («Дорога длиною в жизнь», с. 5), и полномасштабная переброска миллионной группировки войск из глубины страны, происходившая с середины мая, начались бы несколько позже – скажем, в мае и начале июля соответственно. Понять это достаточно просто, зная дату окончания реального «предударного» развёртывания Красной Армии, осуществлявшегося весной – летом 1941 года. Как мы знаем из изданной ещё в советское время монографии «Начальный период войны» под общей редакцией **С.П. Иванова**, полностью закончить развёртывание намечалось к **10 июля 1941 года** (с. 211).

Почему генерал Малышкин (и некоторые другие) считали именно так – что СССР должен был напасть на Германию и её союзников ближе к осени, я не знаю. Тем более, что буквально на тех же страницах И. Хофман привёл свидетельства других советских офицеров, называвших гораздо более ранние даты. Скажем, взятый в плен в начале войны капитан Красько (адъютант командира 661-го стрелкового полка 200-й стрелковой дивизии), на допросе 26 июля 1941 года показал, что «в мае 1941 года среди офицеров господствовало мнение, что война начнётся **сразу после 1 июля** » (« Stalin's War of Extermination. 1941–1945», с. 83).

Третья точка зрения – **Виктора Суворова**, озвученная им в знаменитом «Дне М». Напомню: он считал, что, как скоро затеянное Советами развёртывание войск второго стратегического эшелона должно было закончиться к 10 июля, то, по логике, Красная Армия должна была напасть на Германию, Румынию, Финляндию и, возможно, Венгрию, не дожидаясь его окончания – **в воскресенье 6 июля 1941 года**. Существует и другая – условно «производная» от неё дата «Дня М»: скажем, **Игорь Бунич** считает, что нападение планировалось всё же на 10 июля – после полного окончания развёртывания первого и второго стратегических эшелонов. У меня имеются определённые сомнения по поводу обеих дат – и 6, и 10 июля. После недавнего прочтения «Разгрома» стало ясно, что такие же сомнения появились и у самого Владимира Богдановича (см. **В. Суворов**, «Разгром», с. 212). Поясню причину своего скептического отношения.

Во-первых, уже **17–21 июня**, как было продемонстрировано в других книгах «Большой войны», почти к самой границе (а порой и к самым пограничным столбам) были выдвинуты (или выдвигались) все боеспособные механизированные соединения Красной Армии – мехкорпуса, отдельные противотанковые бригады РГК, а также артполки всевозможного подчинения. Подобные переброски перед началом внезапного нападения делаются за **один-два дня** до начала самих «событий». **Интересно, что немцы сделали то же самое и сделали практически в то же время – с 18 по 21 июня**. 19 июня в «предвоенную» готовность № 2 был приведён и Военно-Морской флот СССР. По словам Игоря Бунича (к сожалению, он не сообщил об источнике информации), **одновременно моряки получили предупреждение: ждать объявления «военной» готовности – № 1, а флотская авиация была приведена в полную боевую готовность** («Фатальная ошибка Сталина», с. 823).

Во-вторых, обратим внимание на приподнятую милитаристскую суету, царившую субботним утром 21 июня 1941 года в Кремле и военных учреждениях, описанную некоторыми источниками. В частности, об этом писал якобы «ушедший на войну» 21 июня

редактор «Красной звезды» **Д.Ортенберг** («Июнь—декабрь сорок первого», с. 5). В этот день высшее политическое руководство СССР почти непрерывно заседало и принимало важные решения в отношении неизбежно предстоявшей войны. Например, были приняты решения о создании Группы армий резерва Главного командования под руководством С. Будённого и об образовании Южного фронта (с созданием управления на базе командования Московского военного округа). Все высшие военные руководители – нарком обороны Тимошенко, начальник Генштаба Жуков, замнаркома обороны Мерецков – собирались выехать в приграничные округа. Отметим также, что Мерецков таки выехал в Ленинград ещё до начала войны, а Жуков вылетел на Украину после обеда 22 июня.

Адмирал **Н.Г.Кузнецов** абсолютно прав, утверждая, что, по заведённой Сталиным практике, подобные выезды ВИПов происходили накануне начала «крупных операций» (см. «Накануне», с. 266). Ключевое в этом нечаянном признании слово – «накануне». Скажем, если бы ещё находившиеся в Москве немецкие (или, скажем, японские, румынские или турецкие) дипломаты узнали, что все главные советские военные – министр обороны Тимошенко, его заместитель Мерецков, начальник Генштаба Жуков и пр. – вдруг исчезли из Москвы, они наверняка пришли бы к выводу: «Жди беды!» О том, что ехать в западном направлении они и их помощники собирались совсем не в связи с предстоявшим (и якобы «внезапным») нападением немцев, я подробно говорил в других работах цикла. Мой вывод: «крупная операция» должна была начаться в считанные дни (а то и часы) после отъезда упомянутых военных и партийных контролёров-надзирателей из Москвы. Иначе подобный отъезд мог послужить для немцев той самой «провокацией», которой так боялся Сталин: они могли бы ускорить нанесение упреждающего удара, что называется, «с испугу».

В-третьих,стораживает большое количество высших советских военных и шпионских руководителей, не спешивших домой в субботу вечером 21 июня – **ещё до получения звонков** о возможности немецкого вторжения (на самом деле, это слово пока даже не произносилось – во всех случаях речь шла о «провокациях»), которые, как утверждает адмирал Н.Г. Кузнецов, раздались **лишь около 23.00** по московскому времени – после возвращения Жукова и Тимошенко с совещания у Сталина. В своих кабинетах сидели не только всполошившиеся после получения последних разведданных Тимошенко и Жуков (см. «Воспоминания и размышления», с. 235). На службе, согласно мемуарам Георгия Константиновича, в эту ночь находились **все** командующие фронтами (бывшие начальники приграничных округов – Ленинградского, Прибалтийского, Белорусского, Киевского и Одесского). В своих офисах сидели нарком флота Н.Г. Кузнецов, а также все прочие флотские начальники (см. «Накануне», с. 298). Не торопились к жёнам главком Северного флота **А.Г. Головкин** (см. «Вместе с флотом», с. 24), глава диверсантов НКВД **П.А. Судоплатов** (см. «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы», с. 185), его начальник Меркулов и руководство Разведупра. Военные разведчики, по словам **А. Колпакиди** и **А. Севера**, вообще проводили в ночь с 21 на 22 июня загадочные «штабные учения», в ходе которых «отрабатывались вопросы организации разведки при возможном нападении Германии» («Разведка в Великой Отечественной войне», с. 35). Соответственно, начальник Разведупра Голиков, его замы и весь аппарат военной разведки должны были находиться на службе – точно так же, как и их коллеги из НКВД. Интересно отметить, что, по словам тех же авторов, несмотря на ночные учения в выходные дни со столь красноречивой тематикой, «внезапное нападение 22 июня 1941 года гитлеровской Германии на Советский Союз застало советскую военную разведку неподготовленной к работе в условиях войны» (там же, с. 34). **А. Колпакиди** и **А. Север**, похоже, и в голову не пришло, что эти два утверждения, помещённые к тому же на соседних страницах, являются по сути **взаимоисключающими**. Впрочем, это далеко не единственное абсурдное несоответствие между словами и конкретными делами, которое ваш покорный слуга встретил при анализе описаний различными авторами событий 21 и 22 июня 1941 года. На каком-то этапе я просто перестал удивляться подобным откровенным несуразностям. Но вернёмся к вопросу о «великом сидении» в ночь с 21 на 22 июня...

Судя по словам Жукова, Кузнецова и прочих мемуаристов, на службе в ту субботнюю ночь находились не только сами начальники, но и их подчинённые – сотрудники Наркомата обороны, Генштаба, Главного штаба флота, руководящих структур спецслужб и т.д. Думаю, не будет преувеличением сказать, что вместо заслуженного за напряжённую предвоенную неделю отдыха, на своих рабочих местах оказались **сотни** (если не тысячи) руководящих лиц и штабных работников Красной Армии, флота и секретных ведомств. Всё это «великое сидение» происходило якобы «по наитию» – мол, некое нехорошее предчувствие одновременно охватило всех этих и многих других, явно бывших в курсе происходившего, номенклатурных начальников (в том числе и гражданских, находившихся, к тому же, не только в Москве, но и в «провинциях») **вне зависимости** от того, что собирались совершить немцы в летнюю субботнюю ночь с 21 на 22 июня.

То, что «великое сидение» не могло быть результатом «плохого предчувствия», одновременно охватившего руководство нескольких огромных ведомств, подтверждает в том числе и факт уже упоминавшихся загадочных ночных учений Разведупра. Дело в том, что подобные учения должны были быть **заранее запланированы**. Если бы Голиков посмел собрать свою шпионскую контору в ночь с субботы на воскресенье **вдруг и просто так**, его бы тут же арестовали и поставили к стенке – как задумавшего военный переворот «троцкиста». Та же участь наверняка постигла бы и минимум половину его подчинённых – как уже бывало при Ежове. Интересно, что в реальность германского нападения все советские «сидельцы» так и не поверили вплоть до начала бомбардировок городов/баз/аэродромов и германской артподготовки на границе: иначе откуда бы взялось многократно описанное (см. другую работу данного цикла – «22 июня: никакой внезапности не было!») «изумление», охватившее **всех** этих вполне грамотных, хорошо информированных и, по их собственным признаниям, давно ждавших начала Большой войны генералов и адмиралов?.. Напомню, что состояние «ошеломлённости» продолжалось вплоть до позднего утра 22 июня – пока из Кремля, получившего германскую ноту-меморандум об объявлении войны, не последовало соответствующее милостивое разрешение: «Можно воевать по-настоящему!» Правда, ставились и ограничения: далеко в глубину вражеской территории залетать по-прежнему запрещалось. Даже после посылки в штабы фронтов этой долгожданной шифровки Сталин с Молотовым ещё несколько часов пытались выйти на связь с представителями германского руководства по специальным каналам радиосвязи.

Как скоро мы упомянули о ночных учениях Разведупра, посвящённых теме «отражения германского нападения» и проводившихся **в ночь с 21 на 22 июня 1941 года**, считаю нужным поговорить и о нескольких других похожих (и, соответственно, возможно связанных друг с другом) фактах, попавшихся мне на глаза при прочтении работ различных авторов. Фактов этих столько, что они заслуживают отдельной главы.

Учения Красной Армии 21–22 июня 1941 года

Начнём с того, что наибольшее количество свидетельств подобного рода, имеющих в моём распоряжении, касаются авиации Прибалтийского Особого военного округа (к слову, превратившегося в Северо-Западный фронт ещё до начала войны). Скажем, согласно **Р. Иринархову**, в ночь на 22 июня большинство частей ВВС Северо-Западного фронта проводили некие «**плановые ночные полёты, которые закончились под утро**» («Красная Армия в 1941 году», с. 451).

Историк **М. Солонин** сообщает по этому поводу следующее: «Свидетельствует Н.И. Петров, лётчик-истребитель 31-го ИАП: «...Перелетели мы с аэродрома Каунас на аэродром Кармелава, это уже было за 3 дня до 22 июня 1941 г. Перед перелётом с аэродрома Каунас до нас было доведено, что будут проходить **окружные учения ВВС Прибалтийского ОВО**. По прибытии на аэродром Кармелава всё было по возможности приведено в боевую готовность...» («Разгром 1941. На мирно спящих аэродромах...», с. 409).

Историк Д. Хазанов делится ещё одним интересным фактом, касающимся странных событий в Прибалтике. Оказывается, что «**в ночь на 21 июня и в следующую ночь** (прим. автора : т.е. **в ночь с 21 на 22 июня**) многие бомбардировочные полки выполняли тренировочные полёты с учебным бомбометанием» («Сталинские соколы против Люфтваффе», с. 47). «На руку нацистским лётчикам, – сетует историк на несообразительность советского командования, – был следующий факт: несмотря на нависшую угрозу начала войны и необходимость в связи с этим обеспечения повышенной боевой готовности, генерал Ионов (прим. автора: *командующий ВВС округа*) приказал многим частям ВВС ПриОВО не прекращать учебно-тренировочный процесс: **последние полёты завершились лишь к рассвету 22 июня** . Поэтому большинство бомбардировочных полков подверглись ударам на аэродромах, когда производился послеполётный осмотр авиационной техники и дозаправка её топливом (прим. автора: *интересно, зачем – чтобы, заправившись, вновь лететь на «учебное бомбометание»?*), а лётный состав отдыхал после ночных полётов» (там же, с. 52). Правда, возможно, по той же причине ближнебомбардировочные полки оказались в высокой степени готовности и уже в 4.50 утра бомбили Тильзит и другие цели в Восточной Пруссии...

Впрочем, эти причитания выглядят странно в свете других утверждений уважаемого историка. В частности, Д. Хазанов подтверждает то, что мы и так уже знаем из других источников, которые были процитированы в книге «22 июня: никакой внезапности не было!»: «Мероприятия, проведённые советским командованием в Прибалтийском Особом военном округе (ПриОВО), **опровергают тезис о полной внезапности вражеского вторжения**. Примерно за 10 дней до начала войны (прим. автора: *т.е. 12 июня*) войска округа были подняты по тревоге, проведены учения с выводом в лагерь, в ходе которых проверены боеготовность объединений и соединений, взаимодействие родов войск, умение командиров управлять ими. Отрабатывались вопросы прикрытия госграницы, противовоздушной обороны, **защиты войск от ударов авиации противника и др.** » (там же, с. 43). О том же пишет и историк Р. Иринархов: «...все отданные командованием Прибалтийского Особого военного округа распоряжения свидетельствуют о том, что его руководство **было прекрасно осведомлено о дате нападения вооружённых сил Германии** и пытались проводимыми мероприятиями повысить боевую готовность своих войск» («Красная Армия в 1941 году», с. 405).

Поверить в полную некомпетентность командования ПриОВО в целом и руководства ВВС округа в частности не дают и некоторые подробности, касающиеся жизненного пути генерала Ионова. «Командовал ВВС ПриОВО, – делится ими Д. Хазанов, – генерал-майор А.П. Ионов, стоявший у истоков русской военной авиации, отмеченный за храбрость на полях (прим. автора: *скорее, в небесах*) Первой Мировой войны тремя (!) Георгиевскими крестами, многими другими орденами и медалями. Приняв Советскую власть, прапорщик и военный лётчик Алексей Ионов вскоре начал службу в 1-м авиационном отряде» («Сталинские соколы против Люфтваффе», с. 46). Что ж, личность для тех времён и впрямь неординарная: в июне 1941 года Ионов оставался, пожалуй, одним из немногих бывших царских офицеров, ещё не выгнанных из Вооружённых сил и не расстрелянных Сталиным (впрочем, к стенке его так поставили – уже после начала войны). Интересно, что генерал-майор авиации Ионов вступил в ВКП(б) лишь в 1938 году: по-видимому, бывшему авиатору императорской России икалось его «неправильное» социальное происхождение. В ПриОВО он служил с декабря 1940 года – сначала на должности замкомандующего ВВС округа, а с 10 мая – командующим. Иными словами, Ионов не просто являлся опытным офицером-лётчиком, он был к тому же прекрасно знаком с положением дел и будущим театром военных действий. Тем не менее, **старейший советский авиатор** , заработавший три «Георгия», летая ещё на «муромцах», прекрасно знавший – вместе с остальным командованием округа – о **точной дате германского вторжения** , почему-то допустил досаднейший промах, не обеспечив перебазирования фронтовой авиации с приграничных аэродромов в тыл округа.

Опровергает тезис Д. Хазанова о том, что именно недалёкость, нерасторопность и «растерянность» командования ВВС ПриОВО привела к разгрому его авиации в первый же день войны, и информация о том, что **никакого разгрома 22 июня на самом деле не было**. Скажем, ссылаясь на ВИЖ (1988, № 7, с. 48), историк Р. Иринархов приводит любопытнейшие данные: «За 22 июня авиация округа лишилась 98 боевых машин. А за три дня боевых действий (22–24.06.41) её потери составили 921 самолёт, в основном это были истребители» («Красная Армия в 1941 году», с. 405). Предлагаю вчитаться в эти цифирки, откопанные российскими военными историками в не успевших «улетучиться» документах. Ведь они – ни много ни мало – означают, что **в роковой день 22 июня никакой катастрофы «на мирно спящих аэродромах» как минимум в Прибалтике не произошло**: из 1200 боевых самолётов ВВС ПриОВО (данные Д. Хазанова, см. с. 45 «Сталинские соколы против Люфтваффе») были потеряны 98 единиц техники – **или 8% от общего её наличия**! Причём эта цифра – 98 – включает и повреждённые самолёты, которые можно и нужно было впоследствии подлатать и вновь ввести в строй. А вот в последующие два дня – когда ни о какой «внезапности» речь уже не шла – были потеряны 823 самолёта, или по 411 штук (**34,5%** от первоначального числа) в день! Надо отметить также, что 22 июня далеко не все советские самолёты в Прибалтике были «уничтожены на земле»: минимум половина из них погибла «как положено» – в бою с германской авиацией и зенитчиками. Да и лётчики с наземным персоналом во время немецких бомбёжек и штурмовок почти не пострадали. Не буду останавливаться на подробностях развенчивания очередного советского мифа: вместо этого рекомендую читателю ознакомиться с книгой М. Солонина – «Разгром 1941. На мирно спящих аэродромах...».

Предлагаю обратить внимание на то, что «совами» накануне войны стали не только авиаторы ПриОВО. Существуют факты того, что страсть к учениям в ночь с 21 на 22 июня охватила военлётов и других приграничных округов. Так, М. Солонин цитирует воспоминания очевидца, служившего в 87-м ИАП (16-я смешанная авиадивизия, аэродром Бугач в районе Тернополя): «...с **21 на 22 июня наиболее опытные пилоты полка до 3 часов отрабатывали ночные полёты**. Не успели заснуть – тревога! Около 4 утра завязались первые воздушные бои...» («Разгром 1941. На мирно спящих аэродромах...», с. 385).

Странные вещи происходили и в Белоруссии: по воспоминаниям лётчика-штурмовика В. Емельяненко, «как раз на 22 июня на Брестском полигоне (*прим. автора: фактически на границе!*) **намечалось крупное опытное учение**» ВВС Западного фронта, детали которого накануне войны заместитель командующего авиацией фронта Науменко согласовывал с начштаба 4-й армии Сандаловым (сборник А. Драбкина «Мы дрались на Ил-2», с. 302).

М. Солонин цитирует воспоминания В. Рулина, являвшегося в начале войны комиссаром 129-го истребительного полка 9-й смешанной авиадивизии ЗапОВО (Белостокский выступ): «...**Неожиданно 21 июня** в Белосток (т.е. в штаб 9-й САД. – *Прим. М. Солонина*) вызвали всё руководство полка. В связи с **началом учения в приграничных округах** предлагалось рассредоточить до наступления темноты всю имеющуюся в полку материальную часть, обеспечить её маскировку. Когда в конце дня с совещания в лагерь вернулся командир полка, работа закипела. Все самолёты на аэродроме рассредоточили и замаскировали...» (там же, с. 346).

Отметим попутно: В. Рулин свидетельствует, что **все описанные выше (и ниже) учения являлись не изолированными эпизодами рутинной работы по выполнению плана боевой подготовки, а частью сложного процесса, охватившего (или постепенно охватывавшего) все приграничные военные округа СССР**. Так или иначе, мы смогли убедиться в том, что **самые опытные и обученные экипажи западных военных округов СССР (ибо только такие летают по ночам) в ночь с 21 на 22 июня 1941 года занимались учениями с никому до сих пор не ведомой тематикой в ситуации, когда их вышестоящие командиры были прекрасно осведомлены о планах Германии и даже о точной дате нападения последней**. Я уж и не говорю о пресловутых приказах из Москвы:

«не провоцировать» и «не поддаваться на провокации». Как, скажем, отнеслись бы немцы к тому, что на их головы ночью кто-то случайно (или совсем не случайно) сбросил бомбы?..

Но лётчиками упомянутые учения не ограничивались... Приведу ряд имеющихся у меня релевантных фактов в отношении Западного Особого военного округа. Кстати, то, что я (пока) не привожу данных по другим округам, совсем не говорит о том, что то же самое не происходило повсеместно: уверен, что соответствующая информация со временем неизбежно попадётся мне на глаза.

– «Днём 21 июня генерал Оборин (*прим. автора: командир 14-го мехкорпуса ЗапОВО*) с группой командиров провёл внеплановый строевой смотр частей дивизии (22-й танковой)... 22 июня некоторые танковые подразделения должны были участвовать в показательных учениях на Брестском полигоне» (*прим. автора: немцам, что ли, они собирались «показывать»?..*). (Р. Иринархов, «1941. Пропущенный удар», с. 55). Напомню, что там же – на Брестском полигоне (и фактически на глазах у немцев!) – собирались проводить некие «опытные» учения и лётчики.

– «61-й танковый полк (*прим. автора: 30-й танковой дивизии 14-го мехкорпуса Оборина*), проводивший (в ночь с 21 на 22 июня) **ночные стрельбы**, присоединился к главным силам на час позднее» (там же, с. 56).

– «До 21 июня 1941 года в соединении (*прим. автора: 28-м стрелковом корпусе ЗапОВО*) проводилось **командно-штабное учение** на тему «Наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды», после окончания которого его штаб сосредоточился на полевом командном пункте в районе Жабинки» (там же, с. 25). Заметим, что по пути в германские земли 28-му корпусу как раз и пришлось бы преодолевать ту самую пограничную «речную преграду» – Буг.

– «Основные силы (*прим. автора: 6-й Орловской Краснознамённой стрелковой*) дивизии дислоцировались в казармах Брестской крепости, гаубичный артполк – во внешнем форте Ковалёво (6–8 км юго-западнее крепости), а два батальона 84-го стрелкового полка на **22 июня** находились на артиллерийском полигоне южнее Бреста, готовясь к **показным армейским учениям**» (там же, с. 29). Речь, по-видимому, идёт о тех же «опытно-показательных» учениях, в которых планировали участвовать танкисты Оборина и авиаторы округа.

– «Однако никто из генералов ничего не мог изменить за оставшееся время. Заранее запланированное в ЗапОВО **командно-штабное учение** должно было завершиться в воскресенье» («Сталинские соколы против Люфтваффе», с. 72). В данном случае уважаемый Д. Хазанов попытался убедить нас в косности и зашоренности командования всего Западного Особого военного округа: мол, «Какие такие немцы? Какой такой павлин-мавлин?.. Забыли, что ли: у нас план боевой и политической подготовки!...»

То, что советские генералы были отнюдь не дураками – или, по крайней мере, были не все и не в такой обидной степени – говорит нижеследующее свидетельство Р. Иринархова: «...**20 июня** он (*прим. автора: начальник Белорусского погранокруга генерал-лейтенант Богданов*) отдал приказ о принятии дополнительных мер по усилению охраны госграницы» («1941. Пропущенный удар», с. 146). Первым пунктом приказа значилось: «1. **До 30.06.41 г. плановых занятий с личным составом не проводить ...**». Кроме того, тем же приказом **до 30 июня** запрещались выходные дни и вводился особый (по сути усиленный) порядок охраны границы. В частности, в ночные наряды полагалось брать ручные пулемёты, а на службу ночью должен был заступать весь личный состав застав за исключением сменившихся в 23.00. Приказ также предписывал немедленно вернуть на линейные заставы весь списочный состав, находившийся на учебных сборах. Командованию 86, 87, 88 и 17-го погранотрядов было приказано **21 июня и в ночь на 22 июня 1941 года привести все подразделения в полную боевую готовность**» (там же, с. 147). Иными словами, как минимум в НКВД и как минимум с **20 июня 1941 года** твёрдо знали: грядёт нечто чрезвычайное, ради чего **были отменены все плановые занятия и учения**. И что произойти это «нечто» должно было в период с 21 по 30 июня.

Демонстративное снижение боеготовности 21 июня 1941 года

Усомниться в июльских датах предполагаемого нападения СССР на Германию заставляет и четвёртая категория фактов – тех, что свидетельствуют о **преднамеренном иоткровенно показном** снижении уровня боеготовности некоторых частей и соединений Советских Вооружённых Сил, которое произошло **именно 21 июня**. Напомню: в этот день вдруг было отменено состояние повышенной боевой готовности, в котором все войска западных округов находились ещё с **10 апреля 1941 года**. В субботу утром неожиданно отменили и казарменное положение для командиров, которые с середины весны безвылазно ночевали в казармах и лесных землянках вместе со своими подчинёнными. К семьям и в рестораны офицеры многих (но далеко не всех) частей одновременно отправились **во всех** округах.

Пардон, поправлюсь: на всех **фронтах**. Ведь управления всех будущих фронтов уже были на тот момент созданы и занимали (или уже заняли) свои заранее оборудованные передовые КП. Скажем, бывший в то время начальником оперативного отдела штаба Киевского Особого военного округа **И.Х. Баграмян** как раз и ехал в составе штабной колонны на фронтовой командный пункт в Тарнополе **в ночь с 21 на 22 июня** (см. «Так начиналась война», с. 85). О своих телефонных разговорах с **командующими фронтами** в ночь с 21 на 22 июня 1941 года (заметим, что ВЧ-связь работала без всяких перебоев), уже находившимися на фронтовых КП **до начала** немецкого нападения, пишет в своих мемуарах и Г.К. Жуков (см. «Воспоминания и размышления», с. 235).

В Прибалтике вдруг отменили приказ об эвакуации семей военнослужащих, а практически все командующие округами и флотами перед началом ночного «сидения» отправились в театры, клубы и прочие заведения, где их можно было легко увидеть (в том числе и агентам немецкой разведки). О подробностях этих «культпоходов», состоявшихся вечером 21 июня 1941 года, я поговорю чуть позже. Пока же перечислю несколько характерных фактов, касающихся, в частности, Западного Особого военного округа.

М. Солонин приводит воспоминания полковника Белова – бывшего командира 10-й смешанной авиадивизии Западного ОВО (одной из трёх, разгромленных немцами в Белоруссии в первые же дни войны): «...**20 июня** я получил телеграмму с приказом командующего ВВС округа: привести части в боевую готовность, отпуска командному составу запретить, находящихся в отпусках – отозвать в части... Командиры полков получили и мой приказ: самолёты рассредоточить за границы аэродрома, личный состав из расположения лагеря не отпускать...» («23 июня – «День М», с. 268). Далее следует поистине сюрреалистическое продолжение истории: **в 16.00 21 июня** из штаба округа пришла новая шифровка. Она отменила прежний приказ о приведении частей в полную боевую готовность и об отмене отпусков. Впрочем, Белов пишет, что даже не стал доводить это распоряжение до подчинённых. Подобное игнорирование непонятных и преступных по сути приказов, отдававшихся Москвой и (поневоле) ретранслируемых штабами округов – довольно типичная реакция командиров боевых частей. Впрочем, в других частях эти приказы всё же выполняли...

Вот, например, рассказ о ситуации в 13-м бомбардировочном полку 9-й авиадивизии, базировавшейся в той же Белоруссии (45 экипажей, 51 самолёт СБ/Ар-2 и 8 Пе-2). М. Солонин цитирует воспоминания очевидцев: «С рассвета до темна эскадрильи замаскированных самолётов с подвешенными бомбами и вооружением, с экипажами стояли наготове». И вот, в этой явно бывшей до 21 июня на чеку приграничной авиачасти «...на **воскресенье, 22 июня... объявили выходной**. Все обрадовались: три месяца не отдыхали!.. Вечером в субботу, оставив за старшего начальника оператора штаба капитана Власова, командование авиаполка, многие лётчики и техники уехали к семьям в Россю» («Разгром 1941. На мирно спящих аэродромах...», с. 409).

Похожий эпизод описал и ветеран С.Ф. Долгушин. В июне 1941 года будущий Герой

Советского Союза, генерал-лейтенант и начальник кафедры тактики в ВВИА им. Н.Е. Жуковского служил в 122-м истребительном авиаполку 11-й смешанной авиадивизии всё в той же Белоруссии (аэродром Новый Двор, в 17–20 км от границы). Прежде всего подчеркнём: речь вновь идёт о вполне боеготовой кадровой части ВВС. «...Самолёты И-16, которые мы в полку получали, были 27-й и 24-й серии с моторами М-62 и М-63. Буквально все они были новыми машинами, причём у каждого лётчика: 72 самолёта – 72 лётчика в полку. У всех своя машина, поэтому и налёт в часах у всех был большой, и лётная подготовка пилотов была сильной. Я начал войну, имея налёт 240 часов, и это – за 1940–1941 годы... Мы летали чуть ли не каждый день... Ведь И-16, когда им овладеешь – машина хорошая была! Догонял он и «Юнкерс-88», и «Хейнкель-111», и Ю-87, конечно, всё расстреливал. Драться, конечно, было сложнее с «мессершмиттами», но всё равно, за счёт маневренности, можно...» (там же, с. 434). Одним словом, не похоже, что С.Ф. Долгушин и его товарищи испытывали какие-либо комплексы по поводу своей «устаревшей» техники и уровня подготовки... Но теперь перейдём к описанию событий накануне войны: «...**Вечером в субботу 21 июня 1941 года** нас разоружили: приказали **снять пушки, пулемёты, боекомплект и поместить в каптёрки**. Я с ребятами своими посоветовался, и мы сняли пушки и пулемёты – мы вынуждены были. А патронные ящики оставили... Состояние такое – всё равно что голый остался... Мы спросили: «Кто такой идиотский приказ издал?! А командир полка Николаев разъяснил командирам эскадрилий (а те, в свою очередь, нам): «Это приказ командующего Белорусским военным округом Д.Г. Павлова». Накануне тот приезжал на наш аэродром вместе с командующим ВВС округа генерал-майором И.И. Копцом...» (там же).

М. Солонин обращает внимание на то, что издать столь необычный (если не сказать преступный) приказ командованию округа «помогли» неожиданно появившиеся товарищи из столицы: «...Перед этим была у нас комиссия из Москвы, прилетели они на Ли-2. Он так и стоял на аэродроме – немцы в первую очередь его сожгли, а они на машине уехали... Возглавлял её полковник, начальник оперативного управления ВВС. Ещё был М.Н. Якушин, который в Испании воевал. Он был инспектором ВВС...». С чего бы это, – задаёт вполне резонный вопрос М. Солонин, – в одном, ничем не примечательном строевом авиаполку **собралось столько высшего авиационного начальства?** » (там же). О том, что сами Павлов с Копцом никогда бы не отдали подобный приказ, говорит и то, что, как уже упоминалось выше, «20 июня 1941 года командиры авиационных соединений в связи с угрожающей обстановкой на границе получили распоряжение генерала Копца: «Привести части в боевую готовность. Отпуска командному составу запретить, находящихся в отпусках отозвать». **Но уже 21 июня**, – подчёркивает историк Р. Иринархов, – **это распоряжение было отменено...** » («1941. Пропущенный удар», с. 99).

Игорь Бунич сообщает, что все эти странные мероприятия осуществлялись согласно приказу, полученному из Москвы **заранее – ещё 16 июня** : «16 июня во все округа поступила совершенно неожиданная директива. В пятницу 20 июня и в субботу 21 июня разрешалось отпустить личный состав в увольнение. Офицеров – **до утра понедельника 23 июня**. С четверга **19 июня и до 23 июня** в авиачастях разрешалось произвести 25-часовые регламентные работы, в танковых и артиллерийских частях – парковые дни» («Роковой просчёт Сталина», с. 812). К сожалению, И. Бунич в свойственной ему манере не упоминает конкретный источник данной информации, а потому я пока отношусь к ней с известной долей осторожности. Не говорит он и о том, какова была «разнарядка»: то есть сколько частей и в каких округах предлагалось временно превратить в небоготовые. Любопытно отметить, что Бунич не стал «связываться» с этой «неожиданной» директивой и пытаться найти объяснение столь странным приказам Москвы, а также тому факту, что директива совершенно очевидно не касалась **всех** войск приграничных округов, **б о льшая часть которых наоборот приводилась в то же время в состояние повышенной боевой готовности и перебрасывалась ближе к границе**.

21 июня: последний культпоход

Отдельного упоминания заслуживает история о тяге к весёлому и прекрасному, внезапно одолевшей аккурат накануне войны командование Красной Армии и Военно-Морского флота. Почему-то **именно к субботе 21 июня 1941 года** в соответствующих городах и гарнизонах западных округов оказались на гастролях всяческие артисты и затейники. И **всех** сколь-нибудь высокопоставленных и заметных генералов с адмиралами одновременно потянуло в театры и клубы. Приведём несколько примеров:

«Даже вечером 21 июня 1941 года, – возмущается Р. Иринархов действиями командующего ЗапОВО, – руководство округа вечером спокойно отдыхало в театре (*прим. автора: по данным М. Солонина, руководство округа наслаждалось комедией «Свадьба в Малиновке» в минском Доме офицеров*), предоставив событиям развиваться в своём направлении. Во время концерта к командующему ЗапОВО подошёл начальник разведотдела полковник С.В. Блохин и доложил, что **на границе очень неспокойно**. «Этого не может быть, чепуха какая-то, разведка сообщает, что немецкие войска приведены в полную боевую готовность и даже **начали обстрел** отдельных участков нашей границы», – сказал Павлов (*прим. автора: надо понимать, обращаясь к генералу Болдину И.В.*) и, приложив палец к губам, показал на сцену» («Красная Армия в 1941 году», с. 412). Эта цитата Болдина звучит тем более странно в свете того, что именно Блохин с Павловым менее суток назад (в 2.40 ночи 21 июня) направили в Москву уже упоминавшуюся мною в других книгах данного цикла последнюю предвоенную разведсводку, в которой ясно говорилось: **«основная часть немецкой армии в полосе против Западного Особого военного округа заняла исходное положение»**. Интересно отметить, что, несмотря на эту свою якобы полную беспечность, после спектакля Павлов направился не домой и не в баню, а в штаб – ждать звонков из Москвы... То же самое, согласно И. Буничу, сделал после посещения футбольного матча на киевском стадионе «Динамо» командующий уже созданным Юго-Западным фронтом Кирпонос. Напомню, что штаб фронта в этот момент уже ехал на передовой КП.

М. Солонин приводит свидетельство командира 13-й бомбардировочной авиадивизии ЗапОВО Понынина Ф.П.: «...В субботу 21 июня 1941 года к нам, в авиагородок, из Минска прибыла бригада артистов во главе с известным русским композитором Любаном. **Не так часто нас б а ловали своим вниманием деятели театрального искусства**, поэтому Дом Красной Армии был переполнен» («23 июня – «День М», с. 270). Он же цитирует воспоминания командира 57-го танкового полка 29-й танковой дивизии 11-го мехкорпуса 3-й армии ЗапОВО Черяпкина И.Г.: «...Вечером 21 июня мы со всей семьёй были в театре. Вместе с нами в ложе находился начальник политотдела армии, тоже с семьёй. После возвращения из театра я **во втором часу ночи** был вызван в штаб дивизии, где получил приказ объявить в полку боевую тревогу» (там же, с. 271).

Не обошли артисты вниманием и другие армии того же округа. Так, начальник штаба 4-й армии Л.М. Сандалов вечером 21 июня отправился в Дом Красной Армии в Кобрине на концерт артистов Белорусского театра оперетты. Член военного совета 4-й армии А. Шлыков при этом уехал на другой концерт – артистов московской эстрады в Бресте, в 45 км от Кобрина. Уже к полуночи «культпоход» завершился сбором в штабе армии: **«Последнюю предвоенную ночь старший командный состав армейского управления провёл в помещении штаба армии. В нервном тревожном состоянии ходили мы из комнаты в комнату, обсуждая кризисную обстановку**. Через каждый час звонили в Брестский погранотряд и в дивизии...» (там же). Пограничники же, напомню, отнюдь не спали, а **целыми заставами**, взяв с собой ручные пулемёты, находились в нарядах на границе...

А вот свидетельство, касающееся культурно-массовых мероприятий в Киевском Особом военном округе. Процитируем комиссара 8-го мехкорпуса Н.К. Попеля: «...в субботу 21 июня сорок первого года, в гарнизонном Доме Красной Армии, как и обычно, состоялся вечер. Приехал из округа красноармейский ансамбль песни и пляски. После концерта, по хлебосольной армейской традиции, мы с командиром корпуса генерал-лейтенантом

Дмитрием Ивановичем Рябышевым пригласили участников ансамбля на ужин. Домой я вернулся лишь в третьем часу ночи» (там же). Это, заметим, тот самый мехкорпус, который только что – 19–20 июня – был выведен в район сосредоточения, а brave командир корпуса – Рябышев Д.И., согласно его собственным воспоминаниям, в самый канун войны занимался рекогносцировкой дорог возле пограничного Перемышля: (более подробно эти факты изложены в других книгах цикла)...

«В Доме флота, – рассказывает попавший в Севастополь накануне войны морской замполит **И.И. Азаров**, – был концерт» («Осаждённая Одесса», с. 11). «В Полярном, – делится своими воспоминаниями о 21 июня 1941 года бывший командующий Северным флотом А.Г. Головкин, – находится на гастролях Московский театр имени Станиславского и Немировича-Данченко. Сегодня вечером состоялся очередной спектакль этого театра. Показывали «Периколу». Когда мы втроём – член Военного совета Николаев, начальник штаба Кучеров и я – пришли в театр, зрительный зал был переполнен: всем хотелось посмотреть игру москвичей. **Наше присутствие сразу же было замечено ...**» («Вместе с флотом», с. 24). Последняя многозначительная фраза командующего Северным флотом особенно интересна: **кого, вы думаете, он имел в виду?..** Понятно, что флотское начальство в полном составе ходило в театр отнюдь не расслабляться: дел у них было по горло. «Хорошо, – делится с нами тогдашний непосредственный начальник Головкин – нарком военно-морского флота адмирал Н.Г. Кузнецов, – что ещё рано вечером (*прим. автора: 21 июня 1941 года*) – **около 18 часов – я заставил командующих флотов принять дополнительные меры**. Они связались с подчинёнными, предупредили, что надо быть начеку. В Таллине, Либаве и на полуострове Ханко, в Севастополе и Одессе, Измаиле и Пинске, **в Полярном** (*прим. автора: именно там якобы «развлекался» адмирал Головкин*) и на полуострове Рыбачий командиры баз, гарнизонов, кораблей и частей **в тот субботний вечер забыли об отдыхе в кругу семьи, об охоте и рыбной ловле. Все были в своих гарнизонах и командах ...**» Но, тем не менее, несмотря на все эти ценные указания, руководители Северного флота, у которых уже 19–20 июня над головой рвались снаряды зениток, всюду паливших по немецким самолётам-нарушителям, и которые сами отправляли теперь уже советские самолёты «висеть» над чужими портами (см. «22 июня: никакой внезапности не было!»), бросили всё и, тихо матерясь, пошли в театр – чтобы после демонстративного «культпохода» тихонько вернуться в свои служебные кабинеты и ждать «сами-знаете-чего»...

Главный советский мемуарист – Г.К. Жуков – даже счёл нужным написать на тему этих удивительных (и, надо понимать, принудительных для самих участников) «культпоходов» следующее: «После смерти И.В. Сталина появились версии о том, что некоторые командующие и их штабы в ночь на 22 июня, ничего не подозревая, мирно спали или беззаботно веселились. **Это не соответствует действительности**. Последняя мирная ночь была совершенно другой. Как я уже сказал, **мы с наркомом обороны по возвращении из Кремля неоднократно говорили по ВЧ с командующими округами Ф.И. Кузнецовым, Д.Г. Павловым, М.П. Кирпоносом и их начальниками штабов, которые находились на командных пунктах фронтов**» («Воспоминания и размышления», с. 235). Как интересно у «маршала победы» получилось! С одной стороны, попробовал на всякий случай соврать по поводу «веселья» – весьма, как мы видим, неуклюже. Из многих источников видно, что «развлекалово» (вернее, его имитация) действительно имело место – если не ночью, то абсолютно точно вечером. Причём «культурно отдыхали» советские военные на всём протяжении линии будущего противостояния с Германией. С другой – Жуков взял и брякнул: **«находились на командных пунктах фронтов»**. Вот те на: оказывается, **фронты-то в СССР всё же были созданы до начала «внезапной» войны!** И командующие этими фронтами в ночь с 21 на 22 июня находились не в мягкой постели (этой привилегии удостоили себя лишь Сталин И.В. и прочие «небожители» из Политбюро), а в своих штабах и/или на новых, оборудованных поближе к границе, передовых командных пунктах.

Так или иначе, даже краткое исследование вопроса показывает: 1) практически **все**

сколь-нибудь значимые советские военачальники на западных **фронтах** вечером 21 июня посетили какое-то культурно-**массовое** мероприятие, где их просто обязаны были увидеть агенты Абвера и СД с «местной пропиской». Подозреваю даже, что советской контрразведке во многих случаях были точно известны персоналии этих шпионов и что бдительные чекисты ставили себе галочки, отмечая их прибытие; 2) Г.К. Жуков, несмотря на массу независимых свидетельств, постарался этот поразительный факт «задавить» своим немалым авторитетом и в своих «размышлениях» откровенно соврал.

Возникает резонный вопрос: **зачем врал ?** М. Солонин резюмирует все вышеописанные мероприятия по демонстративному снижению боевой готовности Красной Армии, проведённые 21 июня 1941 года, следующей цитатой из воспоминаний генерала армии С.П. Иванова (именно под его редакцией в 1974 году вышла та самая хорошо известная монография «Начальный период войны»), являвшегося в первые дни войны начальником оперативного отдела штаба 13-й армии Западного фронта: «...Сталин стремился самым состоянием и поведением войск приграничных округов дать понять Гитлеру, что у нас царит спокойствие, если не беспечность. Причём делалось это, что называется, в самом натуральном виде... В итоге мы, **вместо того чтобы умелыми дезинформационными действиями ввести агрессора в заблуждение относительно боевой готовности наших войск, реально снизили её до крайне низкой степени ...**» (статья «Три плана товарища Сталина», сборник «Правда Виктора Суворова», с. 86).

В этой связи предлагаю задать себе следующий вопрос: помогли бы подобные «дезинформационные» меры, скажем, польской армии в конце августа 1939 года? **Зачем убеждать агрессора, готовящегося напасть на твою страну, в том, что твои войска не способны встретить его нападение ?** К чему совершать эти, казалось бы, необъяснимые действия – фактически, подобно не самой смелой собаке, падать перед немцами на спину и, дружелюбно помахивая хвостом, рассчитывать на милость известного своей свирепостью волкодава? Зачем «пугать ежа голой задницей»?.. Несколько позже мы поговорим о столь же странной загадке с «обратным» вектором: **ведь наряду с показным снижением боевой готовности одних соединений и частей, руководство Красной Армии одновременно осуществляло прямо противоположные меры, тайно повышая боевую готовность других ...**

Загадка одной листовки

Признаюсь: мне не даёт покоя фотография листовки об объявлении мобилизации, на которую я наткнулся в энциклопедии «**Великая Отечественная война 1941–1945**» (с. 452). Прежде всего поражает сухость документа. Приведу его полностью:

«Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северокавказскому и Закавказскому военным округам.

На основании статьи 49 пункта «л» Конституции СССР Президиум Верховного Совета СССР объявляет мобилизацию на территории военных округов – Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северокавказского и Закавказского.

Мобилизации подлежат военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно.

Первым днём мобилизации считать 23 июня 1941 года.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин

Москва Кремль

И всё. Документ поистине исторической важности был написан самым что ни на есть канцелярским языком и подписан «всесоюзным старостой» М. Калининым и А. Горкиным (о котором я никогда не слышал). Никакой тебе истерики, содержащейся, например, в бестолковой директиве Г.К. Жукова: «обрушиться...» и пр. Никаких тебе слезливых сталинских «братьев и сестёр...» Три коротких абзаца: всё по делу, чётко и конкретно. Ни малейшего упоминания о вторгнувшемся враге или начавшейся войне. Правда, интересно?.. Любопытно и иное: зачем вообще было печатать эту листовку? В СССР существовало общесоюзное радио. В Советском Союзе выходили центральные газеты, которые ежеутренне вывешивались для всеобщего прочтения на каждом предприятии, в каждой конторе и даже в каждом концлагере. Наконец, повестки во время весеннего тайного призыва 800 тысяч резервистов большей частью приносили посыльные из военкоматов: и ничего, справились! Зачем же листовки?.. Поражает и дата выхода Указа: **23 июня 1941 года**. Почему не 22 июня?! Ведь к утру следующего дня германские танковые клинья кое-где проникли на десятки километров в глубь советской территории. Чего тянуть-то?! Ведь каждый день промедления с объявлением всеобщей мобилизации после якобы внезапного нападения вероломного противника – это подарок агрессору и преступление против собственного народа! Мы ведь помним, что суть «молниеносной войны» как раз и заключается, помимо прочего, в том, чтобы **не дать противнику времени на проведение всеобщей мобилизации** ...

Возможно, ответы на эти вопросы содержатся в самой последней строчке документа, напечатанной совсем уж маленькими буквами – о дате выпуска листовки. Невооружённым глазом можно различить лишь «...июня 1941 г.». Вооружённым (любительским увеличительным стеклом) глазом можно разобрать лишь то, что число, указанное под «Москва Кремль» – это **не 23 июня** ! Моё личное мнение – **17 или 19 июня 1941 года**. Что это может означать? А то, что эту любопытнейшую листовку с объявлением о начале открытой фазы мобилизации именно с 23 июня 1941 года **отпечатали заранее**. И что, соответственно, это колоссальной важности событие (фактически объявление войны: предлагаю вспомнить цитату из трудов **Б.М. Шапошникова** – «*мобилизация есть война, и иного понимания её мы не мыслим*» – по книге «Воспоминания. Военно-научные труды», с. 542) **не предусматривалось как следствие германского нападения**. Вывод: **накануне 23 июня 1941 года должно было произойти нечто, что означало бы безусловное начало войны в перспективе нескольких дней**. Но начаться эта война должна была не по инициативе Германии.

Неожиданное косвенное подтверждение относительно сроков печати советских листовок я нашёл в книге **Елены Ржевской** «Берлин. Май 1945», которая процитировала следующий пассаж из дневников Геббельса (запись от **18 июня**): «Фюрер звонит мне ещё поздно вечером: когда мы начнём печатать и как долго сможем использовать три миллиона листовок. Приступить немедленно, срок – одна ночь. Мы начинаем сегодня» (с. 72). Скорее всего, речь идёт об обращении Гитлера к солдатам, зачитанном в ротах и батареях в 22.00 21 июня по берлинскому времени (см. **П. Карель**, «Восточный фронт», том 1, с. 7).

Любопытно вновь отметить уже описанные в других книгах цикла «Большая война» различия в русском варианте дневников Геббельса Елены Ржевской и английской версии Фреда Тейлора. Так, общая информация о печатании листовок в оригиналах дневников Геббельса, приведённая Ржевской, в целом совпадает с английским переводом Фреда Тейлора, сделанном, напомним, с фотопластин-копий, найденных после войны в лесу под Берлином. А вот данные по их количеству, упомянутые 19 июня, отличаются... Судите сами: «Нужно на первый случай отпечатать 20 000 листовок для наших солдат», – переводит с оригинала Ржевская (с. 73). «Первым делом необходимо отпечатать 800 000 листовок для наших солдат», – переводит тот же фрагмент Тейлор («**The Goebbels Diaries. 1939–1941**», с. 427). Как мы видим, различия не только смысловые: на порядок отличается и количество

листовок...

Из дневника Геббельса следует, что печатать свои листовки немцы начали **в ночь с 18 на 19 июня**. В результате, в частях Вермахта оказалось по одной листовке на роту: командиры зачитали обращение фюрера вечером накануне вторжения. Выходит, что обращение Гитлера к солдатам и советское объявление о начале мобилизации **могли печататься практически в одно и то же время**. Отметим также, что окончательное решение о нападении на СССР «бесноватый» принял **17 июня**, и что **18 июня** – практически одновременно! – как германские, так и советские мотомеханизированные соединения начали выход на исходные рубежи на границе.

Из всех этих фактов напрашивается вывод: Сталин предполагал, что **ранним утром 22 июня никак не позже ночи с 22 на 23 июня должно было произойти некое экстраординарное событие, после которого можно было бы начать открытую фазу мобилизации и – спустя несколько дней – войну**. При этом он не верил в то, что начало мобилизации должно было стать ответом на германское нападение. Как должна была начаться его Большая война? Думаю, существует ответ и на этот вопрос...

Как чекисты планировали «бороться с провокациями»

Воспоминания легендарного советского шпиона и диверсанта генерал-лейтенанта НКВД П.А. Судоплатова стали библиографической редкостью отнюдь не случайно. Это – безусловно поразительная книга человека, который, помимо прочего, лично убивал руководителей украинского подполья, организовал ликвидацию Льва Троцкого и, судя по его словам, во многом способствовал созданию советского ядерного оружия. Как следует из мемуаров Судоплатова, он – один из многих членов «ордена меченосцев», который не ждал войны. По его собственному признанию, ему «...и в голову не могло прийти, какая беда вскоре обрушится на всех нас. **Конечно, я чувствовал угрозу военной провокации или конфликта, но не в состоянии был представить его масштабы**. Я считал, что невзирая ни на какие трудности мы способны **контролировать события**» («Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы», с. 186). Это утверждение звучит тем более странно, поскольку исходит из уст человека, в круг обязанностей которого «входило курирование немецкого направления нашей разведки...» (там же, с. 195). В общем, ещё один «ошеломлённый» и «изумлённый»...

В своей книге П. Судоплатов поведал о многих захватывающих страницах доблестной борьбы советских разведчиков «за мир во всём мире». Здесь и описание внутренней «кухни» ОГПУ/НКВД/МГБ, и подробности сотрудничества с «органами» писателей, поэтов, послов и государственных деятелей, и детали всевозможных секретных операций по всему миру. Не забыл генерал-лейтенант подробно рассказать о своих страданиях в советских тюрьмах, о судьбах невинно пострадавших соратников-диверсантов и о советском «докторе Менгеле» – профессоре Майрановском, заведовавшем «Лабораторией-Х». Нашлось в его книге место ностальгическим воспоминаниям о швейцарских часах, заграничных костюмах, квартирах в центре Москвы и спецстоловых, исправно кормивших советскую номенклатуру в течение всей войны. В последних, кстати, вместе питались как творческие работники (вроде специально упомянутого К. Симонова с супругой – актрисой Серовой), так и их, если можно так выразиться, «пастухи» – из тех, что «с чистыми руками» и «горячим сердцем». Всего в книге – 686 страниц. Они насыщены действительно интересной, пикантной, а порой и просто шокирующей информацией. К таковой, например, относятся рассказы о так называемом «либерализме» Хрущёва, о по-воровски присвоенном Советским Союзом «испанском золоте», а также свидетельства об опытах с ядами, которые ставились «учёными» из НКВД на приговорённых к смерти. В целом воспоминания П. Судоплатова – одна из лучших документальных книг на «шпионскую» тему, когда-либо попадавших в мои руки. Её написал несомненный профессионал своего дела и преданный делу коммунистической партии человек (каким бы оно, это «дело», ни было). Я настоятельно рекомендую прочитать его

воспоминания всем, кто интересуется данной темой. Но есть и одно «но»... Из упомянутых 686 страниц предвоенному периоду посвящены ровно... **двадцать** . Характерно и название соответствующей главы: «Канун схватки с Гитлером и **противоречивость** предупреждений разведки». Её суть, как можно догадаться уже из названия, заключается в том, что «да, предупреждали», но предупреждали «противоречиво», а потому «и в голову не могло прийти». Лично мне на память тут же пришло близкое сотрудничество П. Судоплатова с ныне покойным советским военным историком Д. Волкогоновым... Так или иначе, помимо «противоречивости», есть в упомянутой книге и иные откровения. Остановимся на них подробнее.

Так, на с. 82 воспоминаний старого диверсанта выясняется, что «...старший майор госбезопасности Я.И. Серебрянский – создатель первого спецназа органов госбезопасности за рубежом, нелегального агентурно-диверсионного аппарата в США, Западной Европе, Палестине (!) в начале 1930-х годов». То есть речь идёт о том, что «миролюбивый» и никого зря не трогавший СССР планировал диверсии против других государств ещё до прихода к власти Гитлера! На с. 93 следуют дополнительные подробности о его «личном хозяйстве»: «Особая группа при наркоме внутренних дел, непосредственно находящаяся в его подчинении и глубоко законспирированная. В её задачу входило создание **резервной** сети нелегалов для проведения **диверсионных операций в тылах противника в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Китае и США в случае войны** ... В то время, о котором я веду речь (*прим. автора: 1938–1939 годы*), число таких нелегалов составляло около шестидесяти человек. Вскоре мне стало ясно, что руководство НКВД могло по своему выбору использовать силы и средства Иностранного отдела и Особой группы для проведения особо важных операций, в том числе диверсий и ликвидации противников СССР за рубежом».

Подготовкой диверсий на Западе занимались не только люди из центрального аппарата НКВД. Так, характеризуя качества вернувшегося из Испании диверсанта – капитана Прокопюка, – Судоплатов пишет: «...он вполне подходил на пост начальника отделения украинского НКВД, в задачу которого входила подготовка сотрудников к ведению партизанских операций на случай войны с Польшей или Германией» (там же, с. 166). Хочу подчеркнуть: слово «партизанский» в данном случае ничуть не означает, что «партизаны» из НКВД собирались действовать исключительно на своей территории. Собственно, уже в ходе Великой Отечественной войны советские партизаны нередко и в значительных количествах попадали на территорию других стран – в частности, Словакии.

А вот что сказал по этому поводу Берия, привезший Судоплатова на встречу с И.В. Сталиным в **марте 1939 года** : «По словам Берии, закордонная разведка в современных условиях должна изменить главные направления своей работы. Её основной задачей должна стать не борьба с эмиграцией, а **подготовка резидентур к войне в Европе и на Дальнем Востоке** » (там же, с. 105). Позже высказался и сам вождь: «Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил: «Троцкий, или, как вы его именуете в ваших делах, «Старик», должен быть устранён **в течение года, прежде чем разразится неминуемая война...** » Итак, Судоплатов, назначенный заместителем начальника иностранной разведки НКВД, получил и добросовестно выполнил приказ Сталина о ликвидации Троцкого, отданный в **марте 1939 года** . **Уже тогда – за пять месяцев до начала войны в Европе – Сталин знал, что эта война «неминуема в течение года».** Устранение Троцкого – не «борьба с эмиграцией», а мероприятие по подготовке к Большой войне: «...без устранения Троцкого, – продолжал Сталин, – как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну» (там же). Подумать только: какими эти испанцы ненадёжными оказались: не захотели родную страну в угоду Хозяину разрушать!

«Анализируя поступавшую в Союз информацию из самых надёжных источников

военной разведки и НКВД, – сообщает Судоплатов, – ясно видишь, что около половины сообщений – до мая и даже июня 1941 года – подтверждали: да, **война неизбежна**. Но материалы также показывали, что столкновение с нами зависело от того, урегулирует ли Германия свои отношения с Англией... В литерном деле «Чёрная Берта» есть ссылка на информацию, полученную от Филби или Кэрнкросса о том, что британские агенты заняты распространением слухов в Соединённых Штатах о неизбежности войны между Германией и Советским Союзом; её **якобы должны были начать мы, причём превентивный удар собирались нанести в Южной Польше**» (там же, с. 177). В свете воспоминаний советских военных, находившихся в той самой «южной Польше» (т.е. Западной Украине), приведённых мною в книге «22 июня: никакой внезапности не было!», становится ясно, что основу для подобных слухов создавали отнюдь не британские агенты, а сами товарищи Сталин, Тимошенко и Жуков.

«Папка с этими материалами, – продолжает П. Судоплатов, – день ото дня становилась всё более пухлой. К нам поступали новые данные о том, как британская сторона нагнетает страх среди немецких высших руководителей в связи с подготовкой Советов к войне» (там же). Основной посыл Судоплатова: вот они, поджигатели войны – лови их, лицемерных британцев! Получается, что именно из-за этих иезуитских происков Великобритании спецслужбы СССР (вместе с английскими!) «активно поддерживали заговор против прогерманского правительства в Белграде» (там же, с. 178). Правда, ничего хорошего из этого не вышло: «Мне приходится признать, – сокрушается бывший генерал-чекист, – что мы не ожидали такого тотального и столь быстрого поражения Югославии». Уже **«18 апреля 1941 года**, – продолжает он, – я подписал специальную директиву, в которой **всем нашим резидентурам в Европе предписывалось всемерно активизировать работу агентурной сети и линий связи, приведя их в соответствие с условиями военного времени. Аналогичную директиву по своей линии направила и военная разведка**» (там же, с. 179). Надо понимать, что **одинаковые** директивы отправлялись руководством **разных** советских спецслужб не потому, что начальник Особой группы НКВД Судоплатов договорился в ресторане «Арагви» с начальником Разведупра Генштаба Голиковым, а потому, что и тому, и другому (и всем остальным) так приказало высшее руководство страны, которое якобы запуталось в «противоречивой» информации, которую поставляли секретные агенты. Причём запуталось настолько, что **«было решено усилить наши резидентуры в Германии и Польше» и «направить в Берлин» «некоторых оперативников» из Италии и Франции**. Правда, «оперативники» эти оказались особого рода: они «не были достаточно подготовлены ни с точки зрения основ разведработы, ни с точки зрения владения искусством радиосвязи» (там же). А какими же «искусствами» они владели?.. Подозреваю, что боевыми: речь идёт о боевиках-диверсантах, которых планировалось использовать для дезорганизации работы германского правительства. Всё, чему учили таких парней, – это иностранные языки (впрочем, не всегда и не всех), взрывное дело, стрельба «по-македонски» и борьба самбо.

Масштабы заговора спланированной переброски боевиков-диверсантов в окрестности Берлина были такими, что советская разведка заранее готовила базы для их нахождения на германской территории. Об этом, как ни странно, сообщил другой отставной шпион – бывший глава политической разведки СД **Вальтер Шелленберг** – в главе своих мемуаров, названной «Братья Фитингоф». Вот её краткое изложение. Осенью 1940 года в гестапо обратилась молодая немка, прибывшая в рейх в рамках программы переезда этнических немцев из «освобождённых» СССР стран – в данном случае Прибалтики. Она «сдала» других «переселенцев» – тех самых братьев Фитингоф, завербованных (в числе многих тысяч других) НКВД перед отъездом на «историческую родину». Когда те были найдены и арестованы, выяснилось, что в их задачу входило приобретение (весьма недешёвое) целой гостиницы. Шелленберг, правда, почему-то решил (братья Фитингоф были слишком маленькой сошкой, чтобы знать об истинной цели задания), что отель этот должен был служить «явкой» для «курьеров» и своеобразным пунктом «отсева» поступающей

информации («Мемуары», с. 175). Любопытно, что деньги на покупку недвижимости братья получили через тайник в Лейпциге, в котором свёрток с рейхсмарками пролежал «по меньшей мере целый год». Иными словами, эти шпионские деньги попали в Германию и ждали своего часа **ещё в 1939 году**. Понятно, что целая гостиница для проживания тайных курьеров – слишком дорогое и подозрительное удовольствие. Скажем, если бы в ней всё время селили лишь советских шпионов-нелегалов, довольно быстро об этом пронюхали бы местные жители и, соответственно, гестапо. В самом Берлине это вообще было бы нереально: «Берлинские гостиницы, – пишет британский историк **Ричард Бассет** в своей книге «Главный шпион Гитлера», – комплектовали свои штаты почти исключительно информаторами и агентами Абвера и СД» (с. 129). Разумеется, в НКВД не могли так рисковать и селить всех тайно прибывающих из СССР курьеров-нелегалов в одном и том же месте: это было бы просто неразумно. К тому же, большинство курьеров вполне официально путешествовали под видом дипломатов и селились в «главных центрах русской разведки» (выражение Вальтера Шелленберга) – советском посольстве, торговом представительстве и прочих совзагранучреждениях. Но, если вспомнить, что накануне войны в Германию были переброшены дополнительные силы советских диверсантов, то наличие у НКВД (а возможно, и других спецслужб – в частности, Разведупра) подобных баз в окрестностях столицы Рейха было бы весьма логичным и ценным активом. В таких «тихих гаванях» можно было вполне спокойно разместить на некоторое время несколько десятков боевиков со всем необходимым оружием и снаряжением. В случае чего, персонал подобного «осовещенного» отеля вполне смог бы отбиться от гестаповцев и организованно уйти от преследования: сильная банда – это уже не банда, а «партизанский отряд». Показателен в этом плане настоящий бой, который в 1942 году – после уничтожения Гейдриха – приняла в осаждённой церкви горстка чешских диверсантов, заброшенных англичанами. Понятно также, что братья Фитингоф наверняка являлись не единственными тайными агентами СССР, скупавшими гостиницы в Германии. Во всяком случае, П. Судоплатов не жаловался на то, что массово прибывавших диверсантов было негде размещать. Интересно также отметить, что после начала войны эти оперативники **не спешили устраивать диверсии в глубоком тылу Рейха**. По крайней мере, Судоплатов ни словом не упомянул о совершённых его подчинёнными подвигах. А зря: мне, например, весьма интересно, **какую такую операцию в столице Германии – с участием целого подразделения отборных боевиков – планировали советские спецслужбы**. Промолчал он и об их дальнейшей судьбе. Судя по всему, советские диверсанты находились на территории Германии (в том числе и непосредственно в Берлине) **на протяжении всей войны**.

Свидетельство того, что это могло быть именно так, привёл, в частности, историк **Теодор Гладков**, описывая подвиги германского антифашиста-перебежчика Хайнца Мюллера. После соответствующей подготовки в спецшколе НКВД в Красногорске и индивидуального инструктажа на конспиративной квартире, Мюллера с напарником – Паулем Лемпе – в начале 1945 года путаным маршрутом через несколько европейских стран забросили в Берлин для организации диверсий на важных военных и гражданских объектах города («Тайны спецслужб III рейха», с. 410). С одной стороны, Гладков живо расписал все трудности, ждавшие нелегалов в фашистской Германии, где, по одному меткому выражению, «одна половина страны стучала на другую, а вторая половина, в свою очередь, на первую». Но оказалось, что не всё было столь безнадежно: кое-кто из «антифашистов» таки уцелел, и группа Мюллера—Лампе в итоге насчитывала пятнадцать членов (там же). То есть, несмотря на «плотный контроль» гестапо и крипо (криминальной полиции), на который сетует Гладков, не где-нибудь в Брюсселе или Марселе, а в **столице Третьего рейха** сталинского диверсанта Мюллера ждали **тринадцать** верных товарищей. Мало того, в его распоряжении имелись радист с радиостанцией и горы взрывчатки. Запасами последней он и воспользовался, взорвав, помимо прочего, артиллерийский склад в районе Восточного порта и склад с фаустпатронами у Рудольфплац. Понятно, что рацию и взрывчатку он не пёр на горбу из Москвы через пол-Европы, а получил у «товарищей» – на конспиративной базе,

созданной **задолго до этого** советской разведкой в самой столице Рейха. Несмотря на столь активную деятельность и обещанную за его голову награду в миллион (!) марок, Мюллер (и, судя по всему, его люди), как говорится, дожил «до победы». 25 апреля 1945 года он встретил атакующие войска Красной Армии, передав им ценную информацию о системе немецкой обороны, а после войны трудился на благо коммунистической ГДР. Предлагаю факт о подпольных базах диверсантов и шпионов, созданных советскими спецслужбами в Берлине и его окрестностях накануне войны, запомнить на будущее – когда разговор пойдёт о «козырной карте» Сталина.

«В мае и июне», – продолжает рассказ о «противоречивых» сигналах П. Судоплатов, – перед самым началом войны, мы начали обсуждать с ним (*прим. автора: «молодым подполковником Свободой»*) план формирования чешских частей в Советском Союзе, чтобы затем выбросить их в немецкий тыл для ведения партизанских (*любит он это слово!*) операций в Чехословакии... В мае ... я подписал директиву о подготовке русских и других национальных эмигрантских групп в Европе для участия в разведывательных операциях в условиях войны» (там же, с. 180). Чехами дело действительно не ограничилось: в частности, уже в это время начали формироваться польские части. Например, в «польскую» должна была превратиться 238-я стрелковая дивизия Красной Армии. Решение об этом Политбюро приняло **уже 4 июня 1941 года**, а закончиться процесс «полонизации» советской дивизии должен был к **1 июля**. Заметим, что подобные действия представляли собой прямое нарушение Пакта Молотова—Риббентропа и по своей сути являлись **откровеннопровокационными в ситуации, когда Сталин якобы панически боялся «провоцировать» и «быть спровоцированным»**.

Попутно П. Судоплатов развенчивает созданные советскими историками легенды о том, как руководители СССР якобы не верили своим разведчикам. «В отличие от генерала Ивашутина и других авторов мемуаров, – утверждает ветеран шпионского дела, – я не помню гневных пометок Берии на докладных записках агента Ястреб: «Это британская дезинформация. Найти, кто является автором этой провокации (*прим. автора: Черчилля, что ли?!*) и наказать». Я вообще не помню, – подчёркивает бывший генерал-лейтенант, – никакого агента с кодовой кличкой Ястреб. Кроме того, в разведке и службе безопасности не было традиций писать на докладных пространные замечания. Столь же невероятна и приписываемая Берии резолюция отозвать и наказать нашего посла в Берлине Деканозова, бывшего начальника разведки НКВД (!), за то, что бомбардировал его «дезинформацией». Те же люди заявляют, что Берия писал Сталину 21 июня, предлагая отозвать Деканозова, но это вообще было вне его компетенции, поскольку Деканозов перешёл на работу в Наркомат иностранных дел и докладывал непосредственно Молотову» (там же, с. 183).

По сути, Судоплатов говорит об **откровенном подлоге**. О странных бумагах, найденных в советских архивах (в частности, якобы написанном всё тем же Деканозовым донесении от 21 июня 1941 года), говорит и американский историк (и бывший шпион) **Дэвид Мёрфи** (см. «What Stalin knew. The Enigma of Barbarossa», с.152). Выходит, после войны кто-то подобным образом пытался «подретушировать» истинную картину событий... Кто?.. После прочтения мемуаров бывшего диверсанта не остаётся сомнений: больше всех в жизни он ненавидел Н.С. Хрущёва – человека, отправившего его в тюрьму и сломавшего ему жизнь и карьеру. Отсюда и мой вывод: намекая на послевоенную подделку документальных свидетельств, П. Судоплатов пытался «кинуть тень» именно на Никиту Сергеевича и его прихлебателей.

Поразительна и следующая информация ветерана НКВД: **«Окончательное решение о нападении Гитлер принял 14 июня 1941 года**, на следующий день после того, как немцам стало известно заявление ТАСС о несостоятельности слухов о приближающейся германо-советской войне. Как уже упоминалось, заявление ТАСС сначала было распространено в Германии и лишь на второй день опубликовано в «Правде» (там же, с. 197). Если данные сведения правдивы, то это означает, что Гитлер действительно до последнего момента колебался с отдачей окончательного приказа о нападении на СССР. Приказ этот, согласно Р.

Иринархову, был отдан фюрером **17 июня** и, если верить бывшему гитлеровскому генералу Мюллеру, поступил в германские штабы **18 июня 1941 года**. И что именно концентрация советских войск по другую сторону границы вкупе с неуклюжими попытками Сталина обмануть немцев могли стать пресловутой «последней каплей». До сей поры я считал, что подобное решение для самого себя «бесноватый» принял ровно за полгода до этого – ещё 18 декабря 1940 года – когда утвердил план «Барбаросса». Или, скажем, когда в начале июня 1941 года переброску на восток начали танковые и моторизованные дивизии Вермахта...

А вот ещё один штрих: «В отеле «Метрополь», – пишет П. Судоплатов, – Яковлев, Райхман и Рясной, координаторы контрразведывательных операций против немцев в Москве, перехватили двух немецких курьеров, перевозивших дипломатическую почту. Одного заперли в кабине лифта, в то время как второго закрыли в ванной комнате номера «люкс», где они жили. Когда курьер, находившийся в лифте, понял, что блокирован, он нажал на кнопку вызова лифтера. «Вызвали» его, естественно, работники контрразведки, которые за пять минут, имевшихся в их распоряжении, открыли его «дипломат» в «люксе» и сфотографировали содержимое» (там же, с. 184). Поразительное признание! В то время, как советским лётчикам запрещали сбивать (до поры до времени) самолёты-нарушители, а войскам приказывали, не «провоцируя» немецкую сторону, в то же время скрытно собираться в приграничных лесах, сталинская контрразведка проводила поразительные по дерзости операции против дипкурьеров Рейха. Если бы в процессе временной экспроприации секретной почты «возникли осложнения» и курьеры физически пострадали, то за одно это фюрер вполне имел полное право объявить войну обидчику, поправшему, пожалуй, одно из самых соблюдаемых правил международной дипломатии! Но вернёмся к содержимому германского чемоданчика...

«Среди документов, – делится отставной генерал НКВД, – находилось письмо посла Шуленбурга Риббентропу, в котором он писал, что может быть посредником в урегулировании советско-германских противоречий. В то же время Шуленбург докладывал, что инструкции по сокращению персонала посольства выполнены и дипломаты уезжают в Германию по намеченному графику. Хотя признаки приближающейся войны были очевидны, этот документ, позиция Шуленбурга и его высокая репутация подтверждали, что дверь к мирному урегулированию ещё не закрыта» (там же, с. 184). Что ж, возможно, Судоплатов и прав. Тем более, что, по словам **Виктора Суворова**, «Риббентроп разослал **15 июня** совершенно секретные телеграммы своим послам: намечаются крупнейшие переговоры с Москвой. Послы должны под величайшим секретом это сообщить кое-кому. Например, советник германского посольства в Будапеште, как особую тайну обязан был сообщить эту новость президенту Венгрии» («Ледокол», с. 221). Цель?.. Подобным опосредованным образом Гитлер хотел дать понять Сталину, что, прежде чем напасть, немцы выдвинут какие-то требования. Другое дело, что, как я продемонстрировал это в книге «22 июня: никакой внезапности не было!», *New York Times* об этих самых переговорах и вполне конкретных (вроде отвода половины советских войск от границы под германским контролем) требованиях написала ещё **15 июня** – **через день** после обнаружения в Германии Заявления ТАСС.

Но если это так, то следующий пассаж звучит просто ошеломляюще: «В тот день (прим. автора: **16 июня 1941 года**), когда Фитин (начальник внешней разведки НКВД и непосредственный шеф Судоплатова) вернулся из Кремля, Берия, вызвав меня к себе, отдал приказ об организации особой группы из числа сотрудников разведки **в его непосредственном подчинении**. Она должна была осуществлять разведывательно-диверсионные акции в случае войны. В данный момент нашим первым заданием было **создание ударной группы из числа опытных диверсантов, способных противостоять любой попытке использовать провокационные инциденты на границе как предлог для начала войны**. Берия подчеркнул, что наша задача – не дать немецким провокаторам возможности провести акции, подобные той, что была организована против Польши в 1939-м, когда они захватили радиостанцию в Гляйвице на территории Германии... Я немедленно

предложил, чтобы Эйтингон (*прим. автора: один из самых заслуженных советских диверсантов*) был назначен моим заместителем. Берия согласился, и в канун войны мы стали искать людей, способных составить костяк специальной группы, которую можно было бы перебрасывать по воздуху в районы конфликта на наших европейских и дальневосточных границах...» (там же, с. 185).

Приведу ещё один любопытный пассаж из книги старого диверсанта: **«20 июня 1941 года** Эйтингон сказал мне, что на него произвёл неприятное впечатление разговор с генералом Павловым, командующим Белорусским военным округом. Поскольку они с Эйтингоном знали друг друга по Испании (*прим. автора: там Эйтингон занимался тем же самым – убийствами и диверсиями*), он попросил дружеского совета у Павлова, на какие пограничные районы, по его мнению, следовало бы обратить особое внимание, **где возможны провокации немцев**» (там же).

Интересно, откуда командующий округом Павлов или вообще кто-либо из советских военных мог знать, **где немцы планировали осуществить свои подлые провокации?** Может, они там предупреждающий плакат вывесили? Например, такого содержания: «Уважаемые дамы и господа, здесь такого-то числа состоится провокация. Приглашаем посетить. *Юден вход ферботтен*». Правда, дико звучит?.. Как может военный знать, где и как на длинном – в несколько сот километров! – участке границы его собирается провоцировать германец?! Но дочитаем сей пассаж до конца: «В ответ, – сетуют Эйтингон с Судоплатовым, – Павлов заявил нечто, по мнению Эйтингона, невразумительное, он, казалось, совсем ничего не понимал в вопросах координации действий различных служб в современной войне. Павлов считал, что никаких особых проблем не возникнет даже в случае, если врагу удастся в самом начале перехватить инициативу на границе, поскольку у него достаточно сил в резерве, чтобы противостоять любому крупному прорыву. Одним словом, **Павлов не видел ни малейшей нужды в подрывных операциях для дезорганизации тыла войск противника**» (там же). Извините, но ведь Эйтингон пришёл к нему совсем за другим! Повторю начало пассажа: **«попросил дружеского совета у Павлова, на какие пограничные районы... обратить особое внимание, где возможны провокации со стороны немцев**». При чём же тут **«подрывные операции» в тылах немцев**? К данному загадочному параграфу я вернусь чуть позже...

Давайте зададимся вопросом: помогло бы наличие подобной группы **диверсантов** (таких обучают **убийствам и диверсиям**, а не борьбе с «провокаторами»: есть большая разница – такая же, как, скажем, между полицейскими отрядами SWAT в крупных городах США и армейскими «зелёными берегами») полякам 1 сентября 1939 года? Предположим, что в их распоряжении уже тогда имелись действительно прекрасно обученный для борьбы с террористами специальный отряд «Гром» и вертолёты «Блэк Хоук» – для оперативной переброски в район радиостанции на немецкой территории. И вот, нападение «польских» солдат (на самом деле – немецких заключённых, переодетых в польскую форму) началось. Каким-то чудом элитное подразделение поляков узнаёт о происходящем и... А дальше-то что?.. Летит спасать немецкую радиостанцию от нападения немцев? Уничтожает несчастных «провокаторов», и так уже приговорённых к смерти Гитлером? А заодно и эсэсовцев, которых послали «отбить» радиостанцию? А если бы хоть один из оперативников «Грома» попал в плен на чужой территории?.. Сильно бы это помогло Польше? Ещё неизвестно, стали бы правительства Великобритании и Франции объявлять войну Германии при наличии живых свидетелей подобных «антитеррористических» акций со стороны пусть даже и очень дружественной страны (в связи с этим можно вспомнить недавнюю войну России и Грузии). Но предположим, что произошло сразу несколько чудес. А именно: 1) у Польши уже тогда был спецназ «Гром» с вертолётами; 2) поляки узнали о точном месте и времени проведения провокации; 3) они смогли предотвратить акцию немцев, применив, скажем, усыпляющий газ; 4) после чего бесследно и без потерь унесли ноги с немецкой территории. И что?.. Помогло бы это Польше? Гитлер вновь приказал бы отсрочить нападение войск, уже вышедших на исходные рубежи для атаки? Любой здравомыслящий человек понимает: **чем**

бы ни закончились события раннего утра 1 сентября 1939 года в Гляйвице, Вермахт всё равно перешёл бы польскую границу – потому что таков был приказ высшего политического руководства Германии .

Или, может, подобный отряд и его успешные действия помогли бы финнам избежать Зимней войны, начавшейся после провокации, организованной советской стороной? Уверенно заявляю: ничего подобного! Красная Армия всё равно перешла бы финскую границу для «обуздания агрессора» и «освобождения братского финского народа»! Если какое-либо государство решило напасть на другое, оно всё равно это сделает: не мытьём, так катаньем. Можно предотвратить хоть сотню провокаций, но это не сможет остановить военную машину, уже приведённую в действие руководством страны-агрессора. И это не мог не понимать писавший свои мемуары П. Судоплатов – человек, который много лет работал в одной из самых сильных спецслужб мира, претворяя в жизнь решения самого коварного и жестокого диктатора всех времён и народов. Та версия создания упомянутой «зондеркоманды», которую предложил вниманию читателей бывший чекист-диверсант, – откровенная и явная галиматья. Но гораздо интереснее другое: **а зачем в действительности в самый канун войны был создан специальный мобильный отряд отборных диверсантов, деятельность которого курировалась лично Берией и тесно координировалась с руководством Красной Армии и ВВС?** Отвечаю: **именно для того, чтобы организовать советскую провокацию и найти формальный повод для начала войны с Германией .** Другого разумного объяснения этому судоплатовскому «псевдообъяснению» не существует.

Если принять мою гипотезу, то тут же становится ясным и контекст загадочного разговора Павлова и Эйтингона. Представьте, что накануне вторжения в Польшу к генералу Гудериану приходит знакомый эсэсовец-диверсант – скажем, «Большой» Отто Скорцени (на самом деле будущий любимец Гитлера тогда ещё даже не получил повестку и занимался бизнесом) – и просит «дружеского совета»: «Слушай, Гайнц (Хайнц), в каком тут месте поляки «готовят провокацию»? Кто из твоих танкистов готов пожертвовать жизнью для её «отражения» – во имя тысячелетнего Рейха и нашего любимого фюрера?» Нетрудно предположить и возможный «дружеский» ответ честного вояки, болеющего за своих подчинённых: «А не пошёл бы ты, *швайнихунд* , к такой-то матери!» На самом деле, в Германии подобный разговор был невозможен: там дорожили каждым солдатом, а в ходе «отражения провокаций» убивали исключительно заключённых. Дорожили ли жизнями своих военных Сталин и Берия? А вы вспомните начало Зимней войны с финнами и погибших в ходе «провокации» красноармейцев... А ещё можно вспомнить весь ход Большой войны, а также описанные Резуном-Суворовым послевоенные учения в районе Оренбурга под руководством «маршала победы» Г.К. Жукова – когда десятки тысяч советских солдат и офицеров **в мирное время** заставили пройти через эпицентр только что состоявшегося атомного взрыва... Я, кстати, встречал одного из выживших участников этих «манёвров». Ему ещё повезло: вылез на бруствер окопа посмотреть на взрыв и временно ослеп, а потому в госпиталь его отправили ещё до самоубийственной «атаки» по превратившейся в стекло земле...

Напоследок приведу слова Судоплатова, посвящённые первым часам начавшейся войны: «В **три часа ночи** (*прим. автора: за час до немецкого нападения?*) зазвонил телефон – Меркулов (*прим. автора: нарком госбезопасности*) потребовал, чтобы я немедленно явился к нему в кабинет. Там я застал начальников всех ведущих управлений и отделов (*прим. автора: в очередной раз ловлю Судоплатова на дезинформировании читателя: ранее он писал, что той ночью остался «на хозяйстве» в одиночестве*). Меркулов официально (!)объявил нам, что началась война: немецкие войска перешли границу... К девяти утра, заявил он, каждый начальник должен предложить конкретные мероприятия в соответствии с планом действий в условиях начавшейся войны» (там же, с. 187). Предлагаю в этой связи вспомнить уже приведённую выше информацию об отсутствии планов на случай обороны страны и у советских военных разведчиков. Как видим, несмотря

на раскинутые по всей оккупированной Европе сети диверсантов-нелегалов, «давно разведанные базы снабжения горючим танковых групп Гитлера» и ночное сидение в кабинетах в ночь с субботы на воскресенье, руководители спецслужб – точно так же, как и армейские генералы и флотские адмиралы – понятия не имели, что же им делать в условиях, когда **кто-то напал на них. Планы пришлось создавать заново.**

Главная загадка Великой Отечественной войны

Как уже говорилось выше, в целом проведённое мною на уровне домашней библиотеки аналитическое расследование пока полностью подтвердило правоту основных положений работ Резуна-Суворова. Сталин сознательно подтолкнул Гитлера к нападению на Польшу и развязыванию Второй Мировой войны. Делая это, советский диктатор преследовал цели установления (для начала) континентального господства в Европе и значительной части Азии. В период с августа 1939-го по июнь 1941 года в СССР проходила огромная по своим масштабам тайная мобилизация, в ходе которой «под знамёна» встали не менее трёх с половиной миллионов запасных, а экономика была в основном переведена на военные рельсы. В это же время были сформированы десятки дополнительных авиационных, танковых и моторизованных дивизий, а также сотни арtpолков. Фактически страна превратилась в полностью военизированное государство, вся деятельность которого была подчинена подготовке к неминуемому участию в Большой войне. Как минимум с лета 1940 года германский Рейх считался основным будущим противником Советского Союза, а Генштаб РККА постоянно разрабатывал и уточнял планы агрессивной войны против Германии, её союзников и пока нейтральных государств – вроде Турции и Ирана. При создании этих планов вопросам обороны страны внимания практически не уделялось. Сталин действительно собирался напасть на Гитлера и его союзников первым. Нападение планировалось в период между 22 июня и серединой июля 1941 года. Об этом говорят крупнейшее в истории человечества тайное сосредоточение личного состава и военной техники на западных границах СССР, фактические графики развёртывания армий первого и второго стратегического эшелонов, свидетельства очевидцев и обнародованные секретные советские документы той поры. Скорее всего, началу Большой войны должна была предшествовать громкая провокация, организованная диверсантами НКВД и ВВС РККА. Несмотря на некоторые остающиеся (по крайней мере, у меня) вопросы, я считаю, что подавляющая масса имеющихся в моём «домашнем распоряжении» фактов свидетельствуют в пользу основных тезисов Резуна-Суворова. **Я просто не могу объяснить эти факты иначе. В свете обработанной мною информации, прочие теории, пытающиеся объяснить события, происходившие в период с августа 1939-го по 22 июня 1941 года, нельзя назвать хоть сколь-нибудь состоятельными.** Вместе с тем, существует как минимум один аспект данной исторической проблемы, которому до сей поры не могли найти удовлетворительного объяснения.

Вот как выразился по этому поводу историк Марк Солонин в статье «Три плана товарища Сталина»: «Есть факт. На рассвете 22 июня 1941 г. нападение Гитлера на Советский Союз стало для товарища Сталина страшной неожиданностью. В возможность такого развития событий Сталин не верил. Даже вечером 21 июня, когда от командования приграничных округов в Москву полетели шифровки о том, что немцы снимают колючую проволоку на границе и в воздухе висит гул танковых моторов, когда по меньшей мере три солдата Вермахта переплыли пограничный Буг в попытке предупредить Родину трудящихся всего мира – даже тогда товарищ Сталин усомнился в достоверности этих сообщений. Да и утром 22 июня Сталину потребовалось несколько часов для того, чтобы принять наконец реальность к сведению... Нападение Германии изумило обитателей кремлёвских кабинетов, ошеломило их и повергло в состояние шока. Это есть факт. Есть и ещё один факт, точнее говоря – большая группа фактов. В мае—июне 1941 г. Вооружённые Силы Советского Союза находились в состоянии скрытого стратегического развёртывания. Причём все составляющие

стратегического развёртывания (мобилизация резервистов, стратегическая перегруппировка и развёртывание войск, оперативное развёртывание группировок) производились в режиме строжайшей, небывалой даже по сверхжёстким сталинским меркам, секретности» (сборник «Правда Виктора Суворова. Окончательное решение», с. 31–32).

Историк Р. Иринархов в своей книге «Красная Армия в 1941 году» выразился ещё эмоциональнее: «Нет, не могло руководство страны и армии спокойно относиться ко всем этим поступающим тревожным, кричащим о неизбежности войны сообщениям с западной границы СССР. Невозможно поверить, что Сталин, столько сделавший для укрепления обороноспособности своей страны, мог безучастно смотреть на военные приготовления Германии...» (с. 400). «Такое спокойствие, – продолжает свою мысль **Р. Иринархов** в книге «Киевский Особый», – может быть только в двух случаях – или правительство СССР и руководство Красной Армии ничего не подозревают о намерениях Германии, или слишком надеются на несокрушимую мощь своей армии. Первое предположение сразу отпадает, поступающих докладов и сообщений о готовности Германии к войне с СССР было предостаточно, и не услышать их мог только глухой. Остаётся другое – уверенность в боеспособности соединений Красной Армии» (с. 385). «...**И правительство Советского Союза, и высшее руководство Красной Армии, – в очередной раз подчёркивает российский историк, – были прекрасно осведомлены о готовящемся нападении 22 июня 1941 г. (я надеюсь, что уже ни у кого из читателей не возникает сомнений в этом факте)**. На состоявшемся ещё до войны заседании в Кремле с участием И.В. Сталина было чётко сказано, что нападение фашистской Германии произойдёт **именно в этот день** (из дневника С.М. Будённого. – *Р.И.*) ...**высшее руководство Красной Армии прекрасно знало дату нападения** и предприняло некоторые меры для его отражения, которых, к сожалению, оказалось недостаточно. Прекрасно оно знало и о сосредоточении германских войск (в том числе и его бронетанковых группировок)... Да и проведение сборов переменного состава армии, которое было назначено с 15 мая по 1 июля 1941 г. (обычно проводились осенью, после уборки урожая), **убедительно свидетельствует о том, что войну ждали**» (там же, с. 389).

Коротко этот конундр можно сформулировать следующим образом: **почему, прекрасно зная о неминуемом нападении Германии в ночь с 21 на 22 июня, Сталин спокойно отправился спать?** На самом же деле, вопросов гораздо больше... Почему давно ожидавшиеся события всё же «ошеломили» советских политических и военных руководителей (а также пять с половиной миллионов военнослужащих)? Зачем 21 июня был сознательно и весьма демонстративно снижен уровень боеготовности некоторых компонентов Советских Вооружённых Сил? Что такое случилось обнадёживающего, чтобы вдруг отменить состояние повышенной боеготовности и казарменное положение, введённые **ещё в апреле**, и отпустить командиров многих приграничных частей на выходные к жёнам, к любовницам и в рестораны? Зачем запрещали эвакуировать семьи комсостава? Что забыли командующие армиями, фронтами и флотами в театрах, клубах и на стадионах вечером 21 июня? По какой причине после этих демонстративных посещений многолюдных сборищ они направились не домой, а обратно в свои кабинеты и на уже развёрнутые передовые командные пункты? С какой стати прямо накануне войны происходил демонстративный отвод пехотных частей от границы, артиллеристам приказывали сдать прицелы орудий на «профилактику» в мастерские, а пехоте – патроны на склады? **Почему, наконец, уже точно зная день и час планируемого германского нападения, Сталин не отдал приказ нанести упреждающий удар или, на худой конец, ввести в действие пусть и не утверждённые планы прикрытия границы?** Где искать объяснение совершенно непостижимой уверенности вождя СССР и его ближайших соратников ранним утром 22 июня в том, что **идёт не настоящая война, а что-то иное**? Откуда взялись истеричность и нерешительность в документах, подписанных «железным» Жуковым?

Начнём с того, что существуют несколько теорий происходившего. Неудивительно, что именно объяснения советской поры – «ни сном, ни духом/не знали, не ведали/ни ухом, ни

рылом» и «Сталин верил Гитлеру и не верил своим разведчикам» являются наименее убедительными. Останавливаться на них подробно я не буду: в свете приведённых лишь в данной работе фактов они выглядят примерно так же, как средневековая теория о вращении небесных тел вокруг Земли. В этой связи упомяну лишь об одном факте, ставшем достоянием общественности после крушения СССР – «успокаивающем» письме Гитлера от 14 мая 1941 года, которое Сталин якобы получил от него **15 мая**. Приведу его в сокращённом виде по тексту из статьи **Кейстута Закорецкого** «ВИП-методом о планах 41-го», опубликованной на с. 103 сборника «Новая правда Виктора Суворова»:

«Я пишу это письмо в момент, когда я окончательно пришёл к выводу, что невозможно достичь долговременного мира в Европе – не только для нас, но и для будущих поколений – без окончательного крушения Англии и разрушения её как государства. Как вы хорошо знаете, я уже давно принял решение осуществить ряд военных мер с целью достичь этой цели...

Оппозиция моему решению стала расти во многих элементах германского общества, включая представителей высокопоставленных кругов. Вы наверняка знаете, что один из моих заместителей, генр Гесс, в припадке безумия вылетел в Лондон... По моей информации, подобные настроения разделяют несколько генералов моей армии, особенно те, у которых в Англии имеются родственники.

Эти обстоятельства требуют особых мер. Чтобы организовать войска вдали от английских глаз и в связи с недавними операциями на Балканах, значительное число моих войск, около 80 дивизий, расположены у границ Советского Союза. Возможно, это порождает слухи о возможности военного конфликта между нами.

Хочу заверить Вас – и даю слово чести, что это неправда...

В этой ситуации невозможно исключить случайные эпизоды военных столкновений. Ввиду значительной концентрации войск, эти эпизоды могут достичь значительных размеров, делая трудным определение, кто начал первым.

Я хочу быть с Вами абсолютно честным. Я боюсь, что некоторые из моих генералов могут сознательно начать конфликт, чтобы спасти Англию от её грядущей судьбы и разрушить мои планы. Речь идёт о времени более месяца. Начиная примерно с 15–20 июня я планирую начать массовый перевод войск от Ваших границ на Запад. В соответствии с этим я убедительно прошу Вас, насколько это возможно, не поддаваться на провокации, которые могут стать делом рук тех из моих генералов, которые забыли о своём долге. И, само собой, не придавать им особого значения. Стало почти невозможно избежать провокации моих генералов. Я прошу о сдержанности, не отвечать на провокации и связываться со мной немедленно по известным Вам каналам...

Ожидаю встречи в июле. Искренне ваш
Адольф Гитлер».

Хочу высказать своё мнение. Я, конечно, не И.В. Сталин, являвшийся, по свидетельствам многих (в том числе и профессиональных психиатров), одним из самых подозрительных параноиков на планете. Но даже ваш покорный слуга по прочтении подобного письма сделал бы однозначный вывод: **надо ждать скорого нападения**. И ждать **во второй половине июня** – именно в тот момент, когда «царственный брат» Адольф «покаялся честью» (то есть тем, чего у него отродясь не было), начать отвод «гостящих» на восточной границе Рейха войск для подготовки к высадке на Британские острова. Если данное письмо действительно имело место (а у меня существуют серьёзные сомнения на этот счёт – уж слишком сильно от сего «вдруг» найденного документа пахнет послевоенной советской фальшивкой), то «успокоить» оно своими аргументами не смогло бы даже «серьёзных» советских и российских историков. Поэтому, думаю, до крушения СССР это

письмецо особенно и не «светили». Насколько я понимаю, не вспоминали о нём даже в незабвенные хрущёвские времена, когда всему миру истошно кричали: «Не знали, не ведали!»/«Ни сном, ни духом!»

Игорь Бунич – автор популярных книг на историческую тему – сообщает, что с «октября 1940 года по май 1941 года Гитлер направил Сталину 6 личных писем. Отыскать удалось два. Остальные письма пока не обнаружены. Не обнаружены пока и ответы Сталина...» («Роковой просчёт Сталина», с. 878). Сам же И. Бунич даёт понять, где можно найти ответы советского диктатора – в российских архивах. **Но вот что удивительно: с момента написания его книги прошло двадцать лет, а из личной переписки двух главных мировых людоедов по-прежнему известны лишь всё те же два послания «бесноватого»** ... Чего же дремлют блюстители «исторической правды» из российских институтов? Почему не торопятся продемонстрировать всему миру новые подтверждения своей любимой теории – о «доверчивости» Иосифа Виссарионыча?.. Но вернусь к анализу письма, якобы отправленного Гитлером 14 мая 1941 года.

Особенно мне понравилось про немецких генералов. Вот же, мол, какие ненадёжные: о родственниках за границей пекутся, фюрера и Фатерлянд еврейским плутократам продают, спесивую Британию за каким-то *доннерветтером* от гибели спасают! А я, «бесноватый», могу лишь доверительные письма своему лучшему другу – Усатому – писать, да жаловаться на жизнь тяжёлую и полную политическую импотенцию! Изрядно повеселило меня и то, как Гитлер в якобы написанном им письме талдычит «не поддавайся на провокации»: прямо как в жуковских директивах! Так и видится воображаемый ответ известных юмористов – Сталина и Молотова: «Дорогой друг Адольф! Про генералов всё понял: своих-то – русских – я давно перестрелял! Но, к сожалению, не всех! А потому, когда они на провокации твоих фон-баронов ответят и дней эдак через 30 выйдут «на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц» (как и планировалось в майских «Соображениях...» советского Генштаба) и твой чёртов Рейх пополам разрежут, ты тоже не обижайся, а звони: как-нибудь решим вопрос, утрясём проблему! До встречи в июле! Ты, я слышал, не пьёшь и человечинку больше не употребляешь: так может, того – икорки чёрной поднести?..»

В общем, если бы и склонен был товарищ Сталин подобным гитлеровским письмам верить, то не стал бы он «Соображения...» всякие (не позже **того же дня – 15 мая 1941 года** – ему представленные и им утверждённые) военным в единственном экземпляре заказывать. В «Соображениях...», напомним, красные генералы ясно прописали примерно следующее: «Немцы могут упредить наше собственное предупредительное развёртывание. Поэтому надо шевелиться, не упускать инициативы и всенепременно ударить первыми». И не стал бы Генштаб **ещё 5 мая** (см. «**Краткий очерк истории Краснознамённого Киевского военного округа. 1919–1969**», с. 173) предупреждать приграничные округа о том, что **12–15 июня** они получают приказ Родины – всем двигаться в леса у границы и быть в них к концу июня. А округа внутренние не получили бы **13 мая** (ещё до вручения Сталину якобы отправленного Гитлером письма) другой приказ: превратившись в полноценные армии, двигаться в западном направлении – на линию Днепра и Западной Двины.

Справедливости ради скажем, что и сталинские послания – вроде Заявления ТАСС от 13 июня – особой убедительностью не блистали, а были сляпаны ещё более топорно. И недаром «бесноватый», прочитав ласковый сталинский призыв, на следующий же день – **14 июня** – объявил своим «ненадёжным» генералам: «*Форвертс!*» Повторюсь: настораживает меня и то, что опубликована лишь часть якобы имевшей место личной переписки Гитлера и Сталина. А где же письма самого Иосифа Виссарионыча? И зачем тогда Заявление ТАСС понадобилось? Ну и писал бы (звонил/телеграфировал/радиовал) напрямую другу Адольфу – по «известным» тому «каналам» (как и пытался это делать утром 22 июня)... Единственное, что пока не позволяет мне окончательно решить, что данное письмо (а заодно и другое – более раннее, помеченное декабрём 1940 года) – откровенная фальшивка, так это то, что Геббельс в своих дневниках (запись от 15 июня 1941 года) тоже упоминает в качестве части программы дезинформации распускавшийся его ведомством слух о якобы планировавшемся

в июле визите Сталина в Берлин («Берлин. Май 1945», с. 70). Чтобы этот слух подействовал на советское руководство, должно было, по идее, существовать и соответствующее приглашение. Впрочем, своей главной задачей Геббельс считал не столько обмануть (это он справедливо считал делом невыполнимым), сколько запутать противника.

Спустя полгода после написания этих строк в одном из книжных магазинов Лондона мне попала книга уже упоминавшегося Дэвида Мёрфи – «What Stalin knew. Enigma of Barbarossa». В ней он вполне добросовестно попытался найти ответ на всё тот же вопрос, уже сформулированный мною: почему примерно в час ночи 22 июня Сталин, несмотря на десятки донесений о предстоящем германском вторжении, отправился спать. Сделав несколько вполне здравых выводов – о том, что советская разведка сработала «как надо», и что вина за катастрофу лета 1941 года лежит на совести Сталина и созданной им системы власти, Мёрфи предложил давно знакомую версию: мол, вождь мирового пролетариата был «загипнотизирован» и «обманут» Гитлером. Обосновывая свою позицию, он, в частности, посвятил целую главу пресловутым письмам «бесноватого». Вот сухой остаток того, что Мёрфи сообщил по поводу аутентичности упомянутой переписки:

– уважаемый исследователь **не обнаружил архивных следов ни одного из шести посланий**, о которых упоминал в своих работах И. Бунич («What Stalin knew. Enigma of Barbarossa», с. 258);

– не нашёл он и **никаких архивных упоминаний** о том, что эти письма действительно писались и отправлялись;

– наконец, **неизвестно и то, откуда вообще взялись и каким образом попали в научный оборот** те два письма, на которые ссылаются Бунич, Мёрфи и другие авторы.

Всё, что смог найти в защиту писем американский историк, – это неясные апокрифические упоминания о беседах то ли в 1965-м, то ли в 1966 году то ли К. Симонова, то ли Л. Безыменского с хорошо известным выдумщиком Г.К. Жуковым. Последнему Сталин то ли в январе, то ли в июне 1941 года якобы показывал какое-то письмо Гитлера и свой ответ «бесноватому». Совершенно очевидно, что выдающийся полководец соврал как минимум одному из собеседников. Не могу я поверить и в то, что, даже если принять на веру факт подобного сталинского откровения (Жуков не являлся конфиденнтом Хозяина – таким, как, например, Молотов или Берия), Георгий Константинович смог бы воспроизвести текст этих бумаг спустя двадцать пять лет после единственного нервного прочтения под внимательным взором жёлтых глаз Иосифа Виссарионыча. Почему, наконец, «маршал победы» не осветил сей примечательный факт в своих мемуарах?.. Чего ему было бояться?.. Честно говоря, я поражён: «серьёзные» историки всерьёз ссылаются на документы, **о происхождении которых они не имеют ни малейшего понятия**. Это, тем не менее, не мешает Дэвиду Мёрфи считать взгляды Виктора Суворова «плохо обоснованными». И это при том, что Резун-Суворов оперировал исключительно публичными, повторяющимися друг друга и легко подтверждаемыми (о чём, собственно, и говорят все книги данного цикла) данными. Так кто же тогда «сказочник»?..

Более «продвинутой» является иная, несколько модифицированная легенда: мол, Сталин считал, что до нападения на СССР Гитлер сначала выдвинет ультиматум. После чего начнутся переговоры, в ходе которых как раз и можно будет привести войска в полную готовность к отражению нашествия. Этой версии, в частности, придерживается уже знакомый нам Крис Белами. На с. 144 своей книги «Absolute War» он утверждает, что именно к этой мысли склоняли Сталина разведотчёты НКГБ (НКВД) весной 1941 года. Правда, свою убеждённость в том, что в этом должен был быть уверен Сталин, он почему-то черпает из соответствующих выводов британских аналитиков той поры (см. там же – с. 142 и 151). С моей точки зрения, подобный подход несколько странен: какое отношение к образу мыслей советского диктатора могло иметь в ту пору «мнение Военного кабинета» Великобритании? Особенно в ситуации, когда Сталин, по признанию бывшего премьера Черчилля, не доверял всяческим предупреждениям англичан, вполне обоснованно подозревая их в желании побыстрее сравнить СССР с Третьим рейхом?..

К этой же версии, по-моему, попробовал подвести читателей своих воспоминаний и бывший диверсант-«международник» П. Судоплатов. «Сегодня нам известно, – писал он в конце 80-х, – что тайные консультации Гитлера, Риббентропа и Молотова о возможном соглашении стратегического характера между Германией, Японией и Советским Союзом создали у Сталина и Молотова иллюзорное представление, будто с Гитлером можно договориться (*прим. автора: по моему мнению, иллюзии подобного рода до середины ноября 1940 года питал, скорее, Гитлер*). До самого последнего момента они верили, что их авторитет и военная мощь, не раз демонстрировавшаяся немецким экспертам, отсрочат войну по крайней мере на год, пока Гитлер пытается мирно уладить свои споры с Великобританией... Тот факт, что Сталин назначил себя главой правительства в мае 1941 года, ясно показывал: он возглавит переговоры с Гитлером и уверен, что сможет убедить того не начинать войну. Известное заявление ТАСС от 14 июня подтверждало: он готов на переговоры и на этот раз будет вести их сам... Сталин и Молотов считали, что Гитлер не принял окончательного решения напасть на нашу страну и что внутри немецкого военного командования существуют серьёзные разногласия по этому вопросу» («Специальные операции. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы», с. 181). Из всей приведённой мною цитаты старого диверсанта правдой является разве что последнее утверждение: **о действительно имевшихся среди германских генералов разногласиях** . Кстати, если Сталин знал об этих различных точках зрения, то он «по определению» должен был знать (и, разумеется, знал) о прочих германских секретах, касавшихся планов нападения на СССР. Об этом, напомним, с полной убеждённости пишет российский историк Р. Иринархов, мнение которого я привёл несколько выше.

К сожалению, П. Судоплатов не стал делиться, кто и откуда «знает сегодня» о тайных переговорах, которые вёл Молотов с Гитлером и Риббентропом. Если он имеет в виду соответствующие встречи и последовавшую за ними дипломатическую переписку в ноябре 1940 года, так они ни к чему не привели и сами по себе заглохли. Это, в частности, подтверждает и Вальтер Шелленберг: «Через четыре дня (*прим. автора: после окончания советско-германских переговоров в Берлине, начавшихся 13 ноября 1940 года*) Молотов возвратился в Москву. Несколько позже германскому послу графу фон дер Шуленбургу была вручена нота, в которой, в частности, содержалась просьба о выяснении позиции Германии (*в отношении требований-условий Сталина, выдвинутых в ответ на приглашение СССР от держав «оси» присоединиться к «Антикоминтерновскому Пакту»*). Ответ, который дал Гитлер 22 июня 1941 года – **до этого срока он вообще никак не реагировал на ноту**, – известен: это было военное нападение на Россию» («Мемуары», с. 156).

Считаю, что Шелленберг прав: я пока и сам не нашёл в исторической литературе и мемуарах никаких подтверждений о якобы имевших место тайных переговорах Сталина и Гитлера накануне войны. Вся информация на этот счёт (а её действительно было много: из-за этого, думаю, Судоплатову и пришла в голову мысль соврать именно таким образом) – это слухи в мировой прессе, которые по поручению Гитлера усиленно распускало ведомство Геббельса (см., например, «The Goebbels Diaries. 1939–1941», записи от 6, 13, 14 и 16 июня) и германский МИД (см. «Взлёт и падение III рейха» , с. 868). Единственное исключение – пресловутое майское письмо Гитлера Сталину, в отношении которого я на 90% уверен, что оно – советская фальшивка. Странно звучит и то, что Сталин якобы назначил себя премьером как раз с целью «возглавить» так никогда и не состоявшиеся переговоры: **а раньше-то кто подобные переговоры возглавлял?!** Пушкин с Лермонтовым (и Молотовым)?.. Думаю, ветеран госбезопасности почерпнул эту мысль из перехваченных донесений посла Шуленбурга в Берлин: фактически он повторил основные положения посланий убеждённого сторонника советско-германского союза, которые даже мне – любителю – кажутся достаточно наивными. Неубедительно звучат и другие аргументы Судоплатова. Скажем, трудно считать достаточно серьёзным фактом упомянутое им письмо графа Шуленбурга о готовности выступить посредником в урегулировании конфликта, перехваченное НКВД накануне войны. Дело в том, что германский посол в Москве не

производил впечатления человека, который а) был в курсе истинных планов Гитлера; б) пользовался полным доверием Гитлера и Риббентропа, наверняка хорошо знавших о его симпатиях к СССР; в) мог хоть как-то повлиять на происходившее. Мало того, есть свидетельства того, что Гитлер считал Шуленбурга весьма наивным человеком, которого «одурачили русские». У. Ширер так и пишет, что «Шуленбург, честный и порядочный дипломат старой школы, оставался до конца в полном неведении относительно его (Гитлера) планов» (там же, с. 864). Характерно и то, что «честного», но недалёкого Шуленбурга сразу после начала войны и возвращения в Германию отправили в оставку, а после неудавшегося покушения на Гитлера в июле 1944 года арестовали, судили и казнили.

Также, как я уже показал в той главе книги «22 июня: никакой внезапности не было!», которая посвящена материалам *New York Times*, советское руководство вполне могло и без посредничества Шуленбурга понять позицию германской стороны, прочитав достаточно прозрачный намёк, опубликованный **15 июня 1941 года** на страницах этого издания в качестве «ответа» на Заявление ТАСС от 13 июня. Напомню об основных германских «требованиях»: 1) отвести половину войск и перебазировать авиацию от границы; 2) допустить немецких контролёров, которые смогли бы убедиться в том, что СССР действительно решил пойти навстречу этим пожеланиям; 3) увеличить поставки стратегических сырья, материалов и продовольствия. Подчеркну также, что «намёк» этот был проигнорирован: приграничная группировка Красной Армии **не уменьшилась, а начала стремительно расти начиная именно с 15 июня.**

Существует и другое объяснение – Резуна-Суворова, которое, как я понял, разделяют Кейстут Закорецкий и Марк Солонин. Заключается оно в том, что Сталин якобы и представить себе не мог, что Гитлер и его генералы окажутся такими идиотами и начнут войну с Россией, не закончив – тем или иным образом – войну с Англией и не побеспокоившись о подготовке к ведению боевых действий в условиях русской зимы. «Сталин, – пишет Виктор Суворов, – знал, что для Гитлера война на два фронта – самоубийство. Сталин считал, что Гитлер на самоубийство не пойдёт и не начнёт войну на востоке, не закончив её на западе» («Ледокол», с. 301). И это вполне справедливое утверждение. Но мог ли Сталин быть абсолютно уверенным в том, что эта война закончится именно германской высадкой на Британских островах (что считалось безнадёжной затеей как немецкими, так и советскими генштабистами), **а не подписанием почётно́го мира ?**

Тем более, что в середине мая 1941 года – после полёта «сумасшедшего» Гесса в Шотландию **10-го числа** того же месяца – у вождя мирового пролетариата не могли не появиться дополнительные подозрения в отношении тайных переговоров между Великобританией и Германией **(в отсутствие, напомню, в обсуждаемый период какого-либо собственного дипломатического диалога с Гитлером)**. Шума о якобы проходивших тайных консультациях Третьего рейха и СССР по поводу каких-то смутных «германских требований» в мире циркулировало большое множество, но **реального общения на уровне хотя бы министров иностранных дел или специальных уполномоченных Гитлера и Сталина не происходило**. «Сталин, – пишет У. Ширер в своей книге «Взлёт и падение III рейха», – отнёсся к этому крайне подозрительно. На протяжении всей войны странный инцидент оставался загадкой, и только на Нюрнбергском процессе, где Гесс выступил в качестве обвиняемого, в этот вопрос была внесена ясность (с. 858). «Появление Гесса в Шотландии, – продолжает он ту же мысль, – убедило Сталина в том, что где-то там в большой тайне Черчилль сговаривается с Гитлером, намереваясь предоставить Германии такую же свободу для нанесения удара по Советскому Союзу, какая была предоставлена Германии, чтобы она могла напасть на Польшу и Запад. Когда спустя три года английский премьер-министр во время визита в Москву пытался рассказать Сталину всю правду, советский лидер просто не поверил ему» (там же, с. 861).

Если бы Сталин, как пишет Виктор Суворов на с. 301 «Ледокола» (а Игорь Бунич в уже цитированных книгах), действительно верил в то, что Вермахт «искренне» готовится к высадке в Британии и что, соответственно, на французском побережье собралась немалая

армия вторжения, то после известий о полёте Гесса он должен был бы **радикально ускорить советские военные приготовления** и ударить не только до окончания развёртывания немцев на востоке (как предлагали майские «Соображения по плану стратегического развёртывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками» советского Генштаба), **но и до того, как после заключения мира с англичанами остававшиеся на западе соединения Гитлера были бы тоже переброшены на советско-германскую границу**. Самое же интересное заключается в том, что, судя по всему, подобное ускорение военных приготовлений **таким образом произошло**: именно **на середину мая** приходится целый «букет» соответствующих решений советского руководства. Так, **13 мая** началась переброска на запад армий второго стратегического эшелона. **Не позже 15 мая** Сталину были предъявлены и утверждены им (судя по выполнению всех рекомендованных мероприятий) знаменитые «Соображения...» Генштаба Красной Армии.

В упомянутых «Соображениях...» **немецкие приготовления к высадке на Британские острова не упоминаются ни одним словом: следовательно, в этот момент они даже не рассматривались в качестве стратегического фактора**. Мало того, Генштаб доложил (явно преувеличив при этом размер восточной группировки Вермахта) о **180** германских дивизиях (из них **34** танковые и моторизованные), сосредотачиваемых против СССР, в то время как в Западной Европе (в Дании, Бельгии, Голландии и Франции) находились лишь **45** (**3** танковые и моторизованные) немецких соединений. **Как в такой ситуации Сталин мог по-прежнему верить в то, что Гитлер всерьёз собирается высаживать войска на Британских островах?..** Справедливости ради отметим, что, когда Суворов писал «Ледокол», «Соображения...» ещё пылились в советских архивах. Почему в это верил Игорь Бунич, уже знакомый с этим сенсационным документом, я искренне не понимаю.

Существует, впрочем, и другой аргумент Суворова – знаменитый рассказ о ценах на баранину и бараньи шкуры в Европе («Ледокол», с. 314). Мол, ГРУ отслеживало биржевую динамику на эти продукты (в случае массового забоя баранов для пошива тёплой одежды баранина должна была тут же подешеветь), а также наблюдало за тем, переходят ли немцы на зимние горюче-смазочные материалы. Поскольку Вермахт не шил миллионы тулупов и не беспокоился о морозостойкой смазке для пулемётов, то, согласно логике В. Суворова, Сталин никак не мог поверить в готовность Гитлера начать войну на Востоке. Эту теорию, при всём моём уважении к Владимиру Богдановичу, я также принять не могу, хотя когда-то – когда впервые прочитал его книги – этот аргумент произвёл на меня большое впечатление. Дело в том, что к моменту нападения на СССР Гитлер успел неоднократно продемонстрировать всему миру свою предрасположенность к не самым логичным поступкам, которые, тем не менее, раз за разом приводили его к успеху. Я не верю в то, что Сталин недооценивал эту удивительную способность «бесноватого».

Следует упомянуть и о том, что помимо овчинных тулупов в распоряжении Красной Армии имелось и другое «стратегическое оружие» – так называемый «ватник». Все мы, проживающие на просторах бывшего СССР, знаем, что спасение от здешних холодов – это не только дублёнка. Так или иначе, подготовка к зимней войне в Германии всё же проводилась – пусть и в ограниченных масштабах. Историк **Чарльз Винчестер**, в частности, сообщает, что предполагалось заготовить зимнюю одежду для примерно 60 оккупационных дивизий. А фельдмаршал Мильх из ведомства Геринга проигнорировал прямой приказ Гитлера и так начал заготовку 800 тыс. комплектов зимнего обмундирования для военнослужащих Люфтваффе («Hitler's War on Russia», с. 26).

Во-вторых, ни Сталин, ни его партийные соратники, ни тем более военные при принятии решений **такой** важности не могли ориентироваться лишь на два-три факта. Даже если бы существовал, скажем, всего лишь **десятипроцентный шанс** того, что «бесноватый» может решиться на очередную авантюру и атаковать СССР невзирая на превосходство Красной Армии в силах и средствах, советское командование должно было предпринять **полномасштабные меры** по подготовке к отражению подобного нападения. Это,

собственно, является аксиомой для любого военного, когда-либо имевшего отношение к штабной работе. Совсем недавно, касаясь современных отношений США и Китая, английский еженедельник *«The Economist»* написал следующее: «Дипломатов интересует то, что, по их мнению, **собираются** предпринимать те или иные государства. Но создатели военных планов должны исходить из того, что те или иные страны **могут сделать**. Если вам поручена оборона вашей страны, то вы должны быть способны отразить любую – **даже самую невероятную** – угрозу» («A special report on China's place in the world», *The Economist*, 4 декабря 2010, с. 8, перевод с английского мой).

Как и М. Солонин с Р. Иринарховым (и многими другими), я не верю в то, что Сталин мог проигнорировать все поступающие к нему (и к аналитикам Генштаба) разведданные и принять столь ошибочное решение после получения многочисленных и говорящих **об одном и том же** фактов. Но, как мы знаем, несмотря на огромный массив развединформации, имевшейся на этот счёт, и точно установленные день и час германского нападения, **никаких оборонительных мероприятий не осуществлялось**. Если подготовка к обороне и велась, то лишь чтобы убедить немцев в советском «миролюбии»: сам же Резун-Суворов и показал это в своих книгах.

В-третьих, **план «Барбаросса» являлся авантюрным, но отнюдь не «сумасшедшим»**. Считаю, что осенью 1941 года СССР стоял на пороге полного военного разгрома и, возможно, капитуляции. Если бы Гитлер напал хотя бы на неделю раньше, если бы в октябре—ноябре послал на Восточный фронт дополнительно десяток-другой свежих дивизий и, наконец, если бы Япония ударила по советским Забайкалью и Дальнему Востоку, то, скорее всего, сталинский режим рухнул бы уже к 1 января 1942 года. Иными словами, «идиот» Гитлер и его «бестолковые» генералы могли исходить из вполне реалистичных предпосылок, согласно которым тёплое обмундирование и зимняя смазка действительно могли и не понадобиться (во всяком случае, не для трёх миллионов военнослужащих).

Наконец, Р. Иринархов предложил ещё одно объяснение, казалось бы, нелогичных действий советского руководства накануне вторжения: мол, **Сталин хотел, чтобы немцы напали первыми**. Мало того, он считает, что «всё было тонко продумано и рассчитано, а чтобы заранее не насторожить руководство Германии и подтолкнуть его к активным боевым действиям против СССР, войска Красной Армии не приводились в боевую готовность» («Киевский Особый», с. 391). Иными словами, условно подставляя Гитлеру голый зад, Иосиф Виссарионыч таким образом ещё и заманивал того, пытаясь всеми силами раззадорить «бесноватого» и подстегнуть того к нанесению первого удара. Зачем? Р. Иринархов отвечает на этот вопрос следующим образом: «И.В. Сталин, советское правительство, высшее руководство армии хотели выглядеть в глазах мирового сообщества не агрессором, а страной, подвергшейся нападению» (там же). За этим, по логике российского историка, и последовал бы ответный «двойной» удар, в результате которого Красная Армия дошла бы «без остановки до самого Берлина» (там же, с. 390). Р. Иринархов считает, что советский диктатор **был сознательно готов пожертвовать десятком-другим дивизий, чтобы иметь полное моральное право «освободить» после этого всю Европу**. Данная теория выглядит довольно убедительной и действительно способна объяснить ряд кажущихся нелепыми действий (и бездействий) советского руководства. Да и потерять десяток-другой дивизий для Иосифа Виссарионыча никогда не представляло проблемы: бабы ещё нарожают...

Но есть и одно «но»: в то время Сталину уже не надо было никаких дополнительных оправданий для того, чтобы ударить по Германии и её союзникам. Начнём с того, что он всю жизнь глубоко презирал «мировое общественное мнение» и откровенно плевал на него при всяком удобном случае. Тем более, что «мировое мнение» в тот момент означало для СССР мнение населения США, Великобритании и – в гораздо меньшей степени – «освобождаемых» территорий европейского континента. О мнении населения Африки, Азии, Латинской Америки и т.д. в те незабвенные времена особенно не переживали. И это вполне

естественно, учитывая, что у большей части жителей указанных мест это самое «мнение» тогда отсутствовало как таковое. Что же касается Европы и Америки, то к тому времени там вполне были готовы «понять и принять» даже абсолютно вероломную и открытую агрессию Советского Союза против стран фашистского блока. Напомню: никто на Западе не осудил СССР за столь же вероломное нападение на Японию в 1945 году – когда ситуация для союзников была куда более благоприятной и когда после атомных бомбардировок Япония так или иначе капитулировала бы в течение нескольких недель. Наоборот, США и Великобритания в течение нескольких лет настойчиво подталкивали Сталина к подобному грубому нарушению международных законов. Вдобавок, внезапное нападение на Германию оказалось бы **превентивным** по своей сути, и это можно было бы вполне убедительно продемонстрировать после начала кампании – как это, кстати говоря, сделали сами немцы. Нельзя не задать и связанный с этим вопрос: **зачем в ситуации, когда Красная Армия развёртывалась для наступления, а не обороны, былосамим, по собственной воле, отдавать противнику стратегическую инициативу – пускай даже на время ?** Ведь, поступая таким рискованным образом, вполне можно переборщить и отдать инициативу навсегда... Наконец, теория Р. Ириархова не очень убедительно объясняет им же приведённые загадочные приказы по снижению боеготовности приграничной группировки РККА и частичному отводу войск от границы, отданные 21 июня 1941 года. Если предположить, что Ириархов прав и «руководство страны и армии» действительно «ждало, чтобы нога немецкого солдата ступила на советскую землю» («Красная Армия в 1941 году», с. 422), зачем ещё и ковровые дорожки агрессору стелить?..

Итак, резонно задать вопрос: **а существует ли вообще теория, позволяющая объяснить действительно странные действия Сталина, его помощников и генералов в канун войны и в течение первых часов после её начала?**

Часть вторая «КОЗЫРНАЯ КАРТА» ВОЖДЯ

Гипотеза о «козырной карте»

Как можно состыковать два, казалось бы, «несостыкуемых» факта – **практически полную осведомлённость Сталина о планах немцев и в то же время его неспособность поверить в реальность немецкого нападения даже после того, как оно началось ?** Виктор Суворов цитирует воспоминания генерала армии И.В. Тюленина, которому Жуков сразу после получения известия о начале вторжения сказал примерно следующее: «Доложили Сталину, но он по-прежнему не верит, считает это провокацией немецких генералов» («Ледокол», с. 245). Это свидетельство – одно из многих. «Не верил» человек, который, согласно дневникам С. Будённого, заявил на одном из совещаний: «22 июня начнётся война». Не верили и его соратники. Высокопоставленный политработник И.И. Азаров, например, описывает сцену в кабинете командующего Черноморским флотом Ф.С. Октябрьского сразу после начала немецкого нападения: позвонивший в этот момент из Москвы вышестоящий начальник просто отказывался верить, что Севастополь бомбят («Осаждённая Одесса», с. 15). Где искать логическое объяснение этому необъяснимому на первый взгляд парадоксу?

Моё собственное озарение состоялось в ноябре 2009 года. Именно тогда меня посетила следующая мысль: **если Сталин, прекрасно зная о предстоящем германском вторжении, ничуть не ждал и не боялся его, то в таком случае он считал, что в его распоряжении имелся абсолютно гарантированный способ это вторжение если не предотвратить полностью, то как минимум остановить практически сразу же после его начала.** Лишь обладая такой железной уверенностью, только держа в кармане грандиозную, неперебиваемую, окончательную дулю, Иосиф Виссарионович мог плевать на любые

тревожные донесения. Определившись с этим, я пошёл дальше и задался вопросом: а что, собственно, могло послужить подобным «железным аргументом»? **Что могло – хотя бы теоретически – заставить остановиться как вкопанную несокрушимую машину Вермахта?** Посмотрев на это дело с разных сторон и порядком поломав голову, я увидел лишь один практический возможный способ.

Первоначально, впрочем, я рассмотрел и три другие версии. Первая – это вот-вот готовая начаться высадка как минимум миллионной британской армии вторжения в континентальной Европе. Такой вариант, разумеется, в ту пору не мог рассматриваться серьёзно из-за слабости британских сухопутных и военно-воздушных сил и – пусть даже и формального – нейтралитета США. Вторым теоретическим способом остановить Вермахт могло стать применение оружия массового поражения. Я имею в виду не химическое (таковое имелось у обеих сторон и они серьёзно готовились к тому, что противник применит его первым), а ядерное. Но, как известно, в то время у Сталина не было не только атомной бомбы, но и программы по её созданию. Третья версия – полученные из надёжных источников донесения о предстоящей буквально в ближайшие дни высадке немецких войск на Британские острова. Она, несмотря на поддержку со стороны ряда историков (в частности, уже упомянутых В. Суворова и И. Бунича), тоже не проходит. Как уже говорилось выше, советская разведка не могла не знать, что план «Зеелёве» давно – ещё осенью 1940 года – положили под сукно. Ещё бо льшие сомнения в серьёзности германских намерений пытаться форсировать Ла-Манш должны были появиться у Сталина после неудачной миссии Рудольфа Гесса 10 мая 1941 года, которая в очередной раз продемонстрировала вождю-параноику возможность англо-германского замирения. Последнее же, напомним, могло означать исчезновение для Германии угрозы войны на два фронта и, соответственно, развязывание рук для войны на востоке. Именно таким образом Сталин в своё время помог Гитлеру перед германским нападением на Польшу. Наконец, никем пока не предъявлены публике и донесения соответствующего характера: мол, «вот-вот начнут». А ведь таких должно было быть не просто много, а *очень много* : напомним, что по поводу вторжения в СССР Сталин получил порядка сотни только известных широкой публике «сигналов» из самых разнообразных источников.

Что же тогда являлось стратегической козырной картой Иосифа Виссарионыча, которую он, по его мнению, мог в любой момент бросить на стол Большой войны? Единственным, с моей точки зрения, способом гарантированно предотвратить немецкое вторжение или остановить его сразу же после начала могло быть **физическое устранение фюрера германской нации** . «Железным аргументом» Сталина вполне могло являться наличие (вновь подчеркну: по его мнению) в окружении «бесноватого» нескольких людей, способных если не в следующий момент после отдачи соответствующего приказа, то как минимум с задержкой в сутки, произвести его ликвидацию. Почему смерть Гитлера привела бы к задержке или – что более вероятно – отмене плана «Барбаросса»? Да потому же, что смерть Сталина привела к немедленному разрешению «турецкого кризиса» (СССР даже после окончания Второй Мировой упорно желал получить проливы), урегулированию отношений с Югославией (и отказу от покушения на «фашиста» и «предателя» Тито), отмене подготовки к началу третьей Мировой войны и забвению планов по истреблению советских евреев. Практически одномоментно закончились и многие другие прожекты Хозяина. Об этом, в частности, свидетельствуют загадочно обрывающиеся в глубине сибирской тайги железнодорожные рельсы, пожелтевшие чертежи океанских субмарин, способных высаживать танковые десанты, и факты подготовки ледовых аэродромов подскока на Северном полюсе – для армад самолётов, предназначенных к нападению на США. Все эти интересные факты привёл **Кейстут Закорецкий** в своей книге «Третья мировая война Сталина». Как любил говаривать сам Иосиф Виссарионыч: «Нет человека – нет проблемы»...

Представим на минуту, что произошло бы вечером 21 июня, если бы Гитлер был неожиданно взорван, отравлен, застрелен или зарезан. Решились бы его соратники продолжать «дело фюрера» даже после смерти последнего? Или послали бы в войска приказ,

подобный тому, что отдал сам Гитлер 25 августа 1939 года – «погодить» с началом агрессии против Польши? Думаю, произошло бы именно последнее: в отсутствие харизматичного диктатора-затейника и его официального преемника (Герман Геринг стал таковым лишь 29 июня 1941 года) деморализованное германское руководство как минимум взяло бы паузу, чтобы разделить вдруг свалившуюся на их головы власть и решить, а надо ли оно им – в такой неопределённой обстановке – искать на свою шею приключений и идти войной на СССР? Не лучше ли, как и предлагали некоторые (в частности, Шуленбург и Канарис), сесть за стол переговоров? Конечно, остановить уже набравшую обороты военную машину оказалось бы нелегко – особенно после зачитания в 23.00 (по Москве) 21 июня в войсках приказа о нападении на СССР. Но германская армия всегда славилась своей дисциплиной, да и связь у немцев работала отлично. Почти наверняка кое-где отдельные германские подразделения (особенно уже находившиеся в СССР диверсанты Абвера) начали бы к тому моменту военные действия – как сделали немецкие десантники, захватившие в ночь с 25 на 26 августа 1939 года горный перевал на польско-словацкой границе. Но, с точки зрения переживших смерть Гитлера представителей германского руководства, подобные «инциденты» всегда можно было бы впоследствии урегулировать и объяснить происками «врагов Рейха». Стычки на границе с уже начавшими действовать немецкими подразделениями очень дажегодились бы Сталину с точки зрения получения совершенно легитимного повода для начала открытой фазы мобилизации (уже назначенного на 23 июня) и последующего отпора «зарвавшимся фашистам». А если бы, паче чаяния, германское руководство таки успело удержать Вермахт от резких телодвижений, то вместо немцев вполне сгодились бы и диверсанты Судоплатова.

Совершенно очевидно и то, что у **Красной Армии не было бы лучшего момента, чтобы ударить по немцам и их союзникам, как именно в такой момент политической и стратегической неопределённости**. Поясню: Виктор Суворов абсолютно прав, утверждая, что немцы застали Красную Армию в крайне неудачной ситуации – когда она ещё не успела закончить своё «предударное» развёртывание. Вместе с тем, советским военным, можно сказать, ещё «повезло». Они, как это ни парадоксально, оказались бы в ещё худшей ситуации, если бы **все** 171+ дивизий первого стратегического эшелона успели выйти на рубежи выжидания в приграничных лесах (где они, как и немцы по другую сторону границы, **никак** не готовились к обороне), и именно в этот момент последовало бы внезапное нападение Вермахта. Как раз эту цель – окружить и разгромить **целиком** основные силы Красной Армии на границе, не дать ей отступить в глубь страны и затянуть войну – ставил перед Вермахтом план «Барбаросса». Успей Жуков и Тимошенко завершить развёртывание, и катастрофические «котлы» уже в первую неделю войны ждали бы не только Западный фронт. Но, если моя гипотеза верна, именно такой – **идеальный** для нанесения внезапного упреждающего удара сценарий – и планировал осуществить Сталин. Если бы немцы полностью изготовились к нападению (будучи, как и Красная Армия, абсолютно не готовыми к обороне), а после этого из-за гибели Гитлера оказались бы в «подвешенном» состоянии и были вынуждены несколько дней без толку топтаться на границе (и неизбежно терять боевой дух), то последовавший бы за этим «удар возмездия» со стороны Советского Союза вполне мог превзойти по своим последствиям даже то, что гипотетически описывал Резун-Суворов в «Ледоколе». Ведь у Вермахта за спиной имелись не 77, как у Советов, а лишь 24–28 дивизий резерва...

Таким образом, вполне возможно, что окончательную дату советского «Дня М», сам того не зная, предопределил... Адольф Гитлер. И сделал это в тот момент, когда назначил окончательную дату нападения на СССР. Это, напомним, произошло 14 июня 1941 года . 15 июня, если верить И. Буничу («Роковой просчёт Сталина», с. 813), этот факт подтвердили сразу три присланных в Москву разведдонесения: от советского военного атташе в Германии (и резидента ГРУ) генерала Тупикова; от резидента-нелегала НКВД в Берлине Кудрявцева (со ссылкой на Х. Шульце-Бойзена из штаба Люфтваффе) и от знаменитого главы «Красной капеллы» Леопольда Треппера («Большого шефа»). В тот же

день было получено предупреждение от агента ГРУ в Японии Рихарда Зорге: он назвал ту же дату – 22 июня. Правда, Зорге в Москве в тот момент не очень доверяли... Тем не менее после целой череды почти одинаковых предупреждений, полученных от разных разведисточников, на следующий день – **16 июня**, согласно тому же Буничу, в округа ушла «совершенно неожиданная» директива о демонстративном снижении боеготовности некоторых частей в период с **20 по 23 июня**. Именно эта связь между решениями двух диктаторов может являться одной из причин того, что в советских архивах до сих пор не откопали бумагу с точной датой начала операции «Гроза» («Гром»?). Ведь дата эта могла быть привязана по времени не только к действиям советских войск, планировавших закончить развёртывание к 10 июля 1941 года, **но и к действиям войск германских**. Если это так, то напрашивается вывод: **ликвидация Гитлера должна была произойти в течение 21 июня**.

Это вполне объясняет и заранее напечатанные (**17–19 июня?**) советские листовки с объявлением открытой фазы мобилизации начиная с **23 июня 1941 года**. Дело в том, что если у Сталина имелись основания надеяться на «паузу» в несколько дней, то операция «Гроза» могла начаться и через некоторое время – скажем, в период с **25 по 30 июня**, когда **все 170+ дивизий** первого стратегического эшелона за 2–3 дня нарастили бы свою численность с трёх миллионов до полагавшихся им по мобплану М-41 четырёх миллионов бойцов и подошли бы к границе. Подобную паузу, в течение которой оскорблённый своими же «провокациями» или «скомканным» нападением немцев Советский Союз, вполне открыто завершил бы мобилизационные мероприятия в приграничных округах, представить совсем нетрудно. Даже с точки зрения нового германского руководства (которое к тому времени совсем не обязательно оставалось бы нацистским), СССР имел бы на это полное моральное и юридическое право. Если принять мою гипотезу, то тут же **становится понятным спокойствие, царившее в среде высшего советского руководства в течение 21 июня**. Попробуем взглянуть на действия большевистской верхушки в этот день с точки зрения имеющейся у нас информации. Я постарался воспользоваться как можно большим количеством различных источников, чтобы постараться понять, что делали в этот день Сталин и его подручные.

Последний мирный день

По сообщениям советских историков (в частности, В.А. Анфилова), с утра и до самого вечера 21 июня 1941 года в Кремле, в Маленьком уголке, с частыми (на час-два) перерывами, заседало Политбюро. Вспомним, что уже утром 21 июня сотруднику наркомата Госконтроля Д. Ортенбергу в Наркомате обороны приказали облачиться в военную форму и ждать выезда с Тимошенко в Минск – на Западный фронт. В то же утро К. Симонова озадачили написанием антифашистских песен. 21-го же начальник Ортенберга по Госконтролю – Лев Мехлис – неожиданно (или наоборот – вполне ожидаемо) возглавил Политупр Красной Армии, сменив на этом посту товарища Запорожца (сохранив по совместительству пост наркома Госконтроля). Иными словами, «серый кардинал» Хозяина вдруг превратился в самого главного замполита, которому было поручено приглядывать за военными.

По словам Виктора Суворова, на том же заседании Политбюро начальник Разведупра генерал-лейтенант Голиков «доложил о грандиозной концентрации германских войск на советских границах, об огромных запасах боеприпасов, о перегруппировке германской авиации, о германских перебежчиках и о многом-многом другом. Голикову были известны номера почти всех германских дивизий, имена их командиров, места их расположения. Было известно очень многое, включая название операции «Барбаросса», **время её начала** и многие важнейшие секреты. После этого Голиков доложил, что подготовка к вторжению пока не начиналась, а без подготовки начинать войну невозможно. На заседании Политбюро Голикову был задан вопрос: ручается ли он головой за свою информацию и если он ошибся, то Политбюро вправе сделать с ним именно то, что было сделано со всеми его

предшественниками» («Ледокол», с. 312).

Между прочим, Д. Мёрфи приводит выдержку из статьи Голикова в журнале «Международные отношения» за 10 октября 1969 года. Голиков, в частности, упоминал о том, что одним из самых важных в плане информации о предстоящем нападении Германии был его доклад № 5 за **15 июня 1941 года**. Этот доклад высшему военному и политическому руководству страны, по словам бывшего начальника ГРУ, «давал точные цифры по немецким группировкам, сосредоточенным против каждого из наших приграничных округов – Прибалтийского, Западного и Киевского – на 400 км в глубь германской территории. Мы также знали о численности германских войск в Румынии и Финляндии... От разведисточников ГРУ нам было известно **о дате вторжения**. Мы сообщали руководству и о каждом решении Гитлера в очередной раз отложить выступление (главным образом из-за недостаточной готовности его войск). Мы выяснили и доложили детали всех стратегических вариантов нападения на СССР, составленных германским Генштабом, включая и пресловутый план «Барбаросса» («What Stalin knew. The Enigma of Barbarossa», перевод с английского мой, с. 210). Д. Мёрфи поспешил тут же добавить, что, поскольку архивных свидетельств существования доклада № 5 не обнаружено, он, скорее всего, являлся «плодом воображения» Голикова. Может, и «плод»: только зачем тогда Голиков указал «реквизиты» отчёта – номер и дату?.. Ведь мог написать что-то расплывчато-неконкретное в хорошо знакомой манере советских мемуаристов: «кое-кто кое-где у нас порой...» Не забудем, что это была статья в журнале: у человека имелась возможность всё взвесить и перепроверить, потратив на это месяцы (если не годы). Не удержусь и напомним читателю, что якобы рассказанная Жуковым (то ли Симонову, то ли Безыменскому) басня о будто бы показанном ему Сталиным письме Гитлера выдумкой бывшему американскому шпиону Мёрфи не показалась – несмотря на констатированное им же полное отсутствие архивных следов и в данном случае!

Так или иначе, по какой-то загадочной причине Политбюро якобы согласилось с будто бы приведёнными Голиковым аргументами: мол, скорого нападения ждать не стоит. И это в обстановке, когда накануне – в 2.40 ночи 21 июня – из штаба Западного фронта была получена разведсводка, сообщавшая, что **противник снял проволочные заграждения на границе, а из лесов слышен шум моторов**. Ссылаясь на «Сборник боевых документов Великой Отечественной войны» № 35 (с. 15), выпущенный Воениздатом ещё в 1958 году, историк **М. Солонин** в своей книге «22 июня. Анатомия катастрофы» сообщает, что «последняя довоенная разведывательная сводка штаба Западного ОВО заканчивалась констатацией того, что **основная часть немецкой армии в полосе против Западного Особого военного округа заняла исходное положение**» (с. 15). И, естественно, это не было исходное положение для отправки на Запад – покорять Британию (так почему-то решил И. Бунич).

Интересно отметить, что тогда – в ночь с 21 на 22 июня 1941 года – **это известие не вызвало никакого всплеска активности**. Сталина никто не будил, Политбюро не собиралось, Жуков и Тимошенко на приём к вождю не напрашивались, Молотов не вызывал посла Шуленбурга, а посол Деканозов не лез к Риббентропу со своими нотами. Единственный разумный вывод, который можно сделать, сравнивая события ночи 20/21 и 21/22 июня, это то, что Сталин и его окружение **знали о точном времени** назначенного Гитлером нападения (на рассвете **следующего дня**), а также о том, что **это нападение не состоится**. Позволю себе выразить своё личное мнение по поводу весьма сердитых заявлений, которые якобы делал Сталин в отношении предупреждений о грядущей войне. Если он действительно налагал на разведдонесения гневные резолюции типа «Не верю!» и ругал матом своих же шпионов, то это могло свидетельствовать не об уровне его доверия к собственным спецслужбам, а о том, что **он хотел, чтобы о его демонстративном нежелании верить в агрессивные намерения Гитлера узнали находившиеся в его окружении германские агенты**. Если, конечно, таковые действительно имелись: похоже, что этой точки зрения – вслед за бывшим аналитиком Разведупра Новобранцем –

придерживается И. Бунич. То, что подобный вариант с точки зрения Сталина был вполне вероятным, вождь должен был понять ещё в августе 1939 года – когда на Западе таинственным образом оказался и был опубликован текст его знаменитой программной речи, произнесённой на заседании Политбюро 19 августа того же года.

Аргументы Резуна-Суворова, объясняющие необъяснимое спокойствие Сталина, хорошо известны: немцы не готовились к ведению боевых действий зимой, а значит, не были готовы к войне с СССР вообще – в общем, сплошное «самоубийство» (собственно, так и называется одна из книг Суворова). Так или иначе, с утра 21 июня, ничуть не опасаясь практически полностью изготавившихся к нападению немцев, советское руководство деловито и без малейшей паники завершало собственную подготовку к агрессивной войне, утверждая задним числом создание фронтов, подчиняя Будённому группу из семи армий РГК (фактически – эквивалент резервного фронта) и принимая на вооружение реактивные миномёты БМ-13 («катюша»). Жуков, Тимошенко, Мерецков и многие другие метались между Кремлём и своими кабинетами, готовясь к скорому выезду в уже ставшие прифронтовыми округа. Кое-кто – например, заместитель наркома обороны **К.А.Мерецков** (см. «На службе народу», с. 205) и нарком связи Пересыпкин (см. «Ледокол», с. 321) – таки успели уехать ещё до начала войны – вечером 21 июня. Первый направился в сторону хорошо знакомой ему финской границы, второй – на границу с Восточной Пруссией – налаживать связь для передового КП Сталина. Подчеркнём: вся эта никак пока не связанная с возможным немецким нападением кипучая деятельность началась с самого утра и продолжалась с перерывами как минимум до обеда.

Возможно, что к утру 21 июня Сталин и Молотов уже обладали определённой уверенностью в том, что хитроумный план сработал, и «дорогого друга» Адольфа больше нет в живых. Уверенность эта могла базироваться на заслуживавшем доверия донесении, в котором, например, сообщалось, что его автор лично «администрировал» яд или быстро действующий патоген и что смертельная субстанция должна вот-вот подействовать. Военные – Тимошенко, Жуков и прочие – скорее всего, деталей происходившего не знали, но наверняка о чём-то догадывались. Вдобавок, они могли черпать свою собственную уверенность из успокаивающих намёков вождя, совершенно хладнокровно реагировавшего на становившиеся всё более тревожными донесения с границы.

Почему я предполагаю в качестве одного из возможных способов устранения Гитлера именно яд или патоген? Прежде всего, по признанию П. Судоплатова, в НКВД существовала так называемая «сверхсекретная токсикологическая Лаборатория-Х», которая под руководством советского «доктора Менгеле» – профессора Майрановского – как раз и занималась подобными вопросами. Там разрабатывали яды для устранения политических противников советского режима как в самом СССР, так и за его пределами («Специоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы», с. 450). Бывший диверсант подсказывает, что «токсикологическая лаборатория была создана в 1921 году при председателе Совнаркома В.И. Ленине (*прим. автора: то есть по приказу «самого человеческого человека»*) задолго до Берии, и именовалась «Специальным кабинетом» (там же). В состав НКВД это «научно-исследовательское» учреждение передали в 1937 году после расстрела, по-видимому, слишком много знавшего первого руководителя лаборатории – профессора Казакова. О том, что в арсенале советских спецслужб имелись не только экзотические яды, но и возбудители смертельных болезней, поведал всё тот же П. Судоплатов, рассказывая об одном из планов покушения на попавшего в немилость югославского диктатора Тито. Осуществить его должен был советский агент-нелегал Григулевич И.Р. (агентурная кличка «Макс») – являвшийся в то время посланником Коста-Рики (!) в Италии и Югославии. Предполагалось, что, добившись личной аудиенции у Тито, тот сможет «с помощью замаскированного в одежде бесшумно действующего механизма выпустить дозу бактерий лёгочной чумы, что гарантировало заражение и смерть Тито и присутствовавших в помещении лиц. Сам «Макс» не будет знать о существовании применяемого препарата. В целях сохранения жизни «Максу» будет предварительно привита противочумная сыворотка» (там же, с. 529). Любопытно, что

проделать это планировалось во время визита Тито в Лондон – чтобы тем самым попробовать свалить всё на чужие спецслужбы. Надо сказать, что подобный вариант покушения вполне мог привести к вспышке смертельно опасного заболевания в одном из самых густонаселённых городов Европы и тысячам человеческих жертв. Ведь после «администрирования» патогена ничего не подозревающие носители чумных бактерий какое-то время активно общались бы с представителями британских властей и деловых кругов, работниками югославского посольства и пр. Но, похоже, Сталина и его подручных очередная лондонская чума несколько не смущала...

Альтернативным планом покушения предусматривалось «поручить «Максу» разработать вариант и подготовить условия вручения через одного из коста-риканских представителей подарка Тито в виде каких-либо драгоценностей в шкатулке, раскрытие которой приведёт в действие механизм, выбрасывающий моментально действующее отравляющее вещество» (там же, с. 532). Как можно заметить, во всех случаях после совершения «акции» советский след можно было бы лишь предполагать: исполнитель приговора должен был погибнуть и сам. В последнем варианте невольный убийца умер бы, вообще не зная о своей роли. Как любил говаривать «отец родной»: «Дёшево и мило»! Интересно отметить, что сам П. Судоплатов, участвовавший в обсуждении этих планов в кабинете Сталина, считал их «наивными». Он, правда, не поделился деталями своих – несомненно ещё более «профессиональных» и интригующих – предложений, сделанных в ходе целого ряда соответствующих совещаний. Имею основания полагать: в этот раз обошлись бы без автоматов и ледоруба... К счастью, через несколько дней после упоминавшегося разговора Сталин, судя по всему, был отравлен сам и умер 5 марта 1953 года. «Идея покушения на Тито, – не без облегчения признаётся П. Судоплатов, – была окончательно похоронена». Можно считать, что югославскому диктатору крупно повезло.

Так или иначе, использование всяческих «сюрпризов» и «нестандартных подходов» – будь то бомба в коробке из-под конфет в голландском кафе (так сам П. Судоплатов устранил украинского националиста и по совместительству агента Абвера Е. Коновальца) или отравленное жало-зонтик на мосту в Лондоне (подобным экзотическим образом КГБ и болгарская разведка уничтожили диссидента Маркова) – всегда являлось «фирменным» почерком советских спецслужб как до, так и после Второй Мировой войны. Судя по обстоятельствам недавнего устранения в Лондоне бывшего сотрудника ФСБ Литвиненко, а также операций по ликвидации Дудаева, Хаттаба и Басаева, российские продолжатели дела НКВД и Разведупра по-прежнему равнодушны к достижениям научно-технического прогресса. Отметим также, что описанных нами методов отнюдь не чурались (и не чураются) и сотрудники спецслужб «демократических государств»: те тоже частенько практиковали политические убийства как «традиционными» (расстрел Че Гевары), так и более экзотическими (попытки устранения Фиделя Кастро) способами.

Ещё один пример «отравительной» операции (правда, так и не завершившейся гибелью жертвы) описал в своих мемуарах Вальтер Шелленберг. Так, в апреле 1941 года Гейдрих приказал ему устранить в Португалии старого политического противника Гитлера – Отто Штрассера (сам Шелленберг подозревал, что тот «одновременно работал на Сталина»: см. «Мемуары», с. 186). Ликвидация Штрассера должна была произойти с помощью токсина, разработанного неким «доктором Шт.»: «...им создана сильнодействующая бактериологическая сыворотка, капли которой достаточно, чтобы умертвить человека с вероятностью 1000/1. Наличие следов сыворотки в организме убитого исключено. Препарат действует, в зависимости от конституции жертвы, в течение двенадцати часов, создавая картину заболевания, похожего на тиф. При высыхании препарат не теряет эффективности. Достаточно капнуть в стакан для полоскания рта каплю этого раствора, чтобы при последующем использовании стакана высохшая масса вещества вновь начала действовать» (там же, с. 188). Лично я не сомневаюсь, что в распоряжении советских «органов» имелись ничуть не менее смертельные субстанции...

По-видимому, некоторые сомнения в удачном исходе задуманного появились у

Сталина и его ближайших подручных лишь к обеду: примерно в **14.00** 21 июня вождь отдал приказ о приведении в боевую готовность войск ПВО Московского округа «на 75%». Посол в Берлине Деканозов уже с утра получил приказ Москвы названивать в германский МИД, добиваясь встречи с Риббентропом. Впрочем, согласно книге **Энтони Бивора** «Stalingrad» (с. 3), звонил не сам советский посол, а его переводчик – ставший впоследствии довольно известной личностью Валентин Бережков (если верить ему самому – что я делал бы с определённой осторожностью, его произношение было настолько совершенным, что Гитлер принял его за немца родом из Берлина). Ему отвечали, что Риббентропа в Берлине нет и неизвестно когда будет. В середине дня один из германских чиновников якобы подсказал Бережкову, что министр иностранных дел Германии находится в ставке фюрера и что **«там что-то происходит»** (там же, с. 4). Если такое сообщение ушло в Москву, то там эту информацию вполне могли интерпретировать по-своему и отнестись к ней с несколько большим воодушевлением, чем она того заслуживала («Подох, гнида?!»). Вместе с тем, было понятно, что точные сведения о том, что произошло (и произошло ли) не могли быть получены быстро. К тому же, неизвестно и то, знал ли Сталин совершенно точно о том, **где именно** в течение 21 июня находился сам фюрер.

Скажем, сделав быстрое исследование на тему местопребывания Гитлера в этот день, я с удивлением обнаружил, что три вполне надёжных источника предлагают три абсолютно разные версии. Так, У. Ширер утверждал, что **«днём 21 июня** Гитлер сел за свой рабочий стол в новой подземной ставке Вольфшанце» («Взлёт и падение III рейха», с. 872). Несколько интернет-путеводителей, рекламирующих бывшие ставки Гитлера в качестве мест для посещения туристами, утверждают, что он оказался в Восточной Пруссии **«вечером 21 июня»**. Наконец, из сноски редактора воспоминаний бывшей секретарши «бесноватого» – **Кристы Шрёдер** – следует, что в «Вольфшанце» тот прибыл спустя двое суток после начала войны – **24 июня 1941 года** («He was my chief», с. 86). Я склонен придерживаться именно этой версии. Тем более, что дневники Геббельса подтверждают как его встречу с фюрером **21 июня в Берлине**, так и последующие проводы любимого шефа «на фронт» – т.е. в Восточную Пруссию («The Goebbels Diaries. 1939–1941», с. 427). Наконец, я прочитал в одной из статей в англоязычном Интернете, что вечером 21 июня Гитлер находился в своей берлинской резиденции, где, в частности, принимал архитектора Шпеера и спрашивал мнение последнего по поводу мелодии фанфар, выбранной в качестве «музыкальной заставки» перед объявлением победных сводок с Восточного фронта. Вполне вероятно, что противоречивые сведения по поводу настоящего местонахождения Гитлера 21–22 июня 1941 года могли циркулировать и тогда – семьдесят лет назад. Сам фюрер, по воспоминаниям Кристы Шрёдер, был помешан на секретности и всегда держал планы, касавшиеся его перемещений, в тайне даже от близких к нему людей вплоть до последней минуты. Словом, **советские руководители тоже могли считать, что уже с утра 21 июня он находился в «Вольфшанце»**.

Отметим, что бункер в мрачном лесу возле городка Растенбург в тогдашней Восточной Пруссии – это весьма изолированное место, известия из которого по определению не могли путешествовать быстро. Вспомним в связи с этим неудачное покушение на Гитлера, организованное его генералами летом 1944 года. Связаться с внешним миром можно было через единственный узел связи, который, разумеется, тщательно контролировался. Тогда же он был временно выведен из строя заговорщиками, и связь смогли восстановить лишь через несколько часов. То, что и сам Гитлер долго не мог узнать о происходившем в Берлине, подтверждает его личный помощник **Хайнц Линге** («With Hitler to the end», с. 159, здесь и далее перевод с английского мой). Если бы не удачный «отход» фон Штауффенберга с места неудавшегося теракта, его поспешный отлёт из Растенбурга и последующие активные действия заговорщиков в столице Рейха, то новости о взрыве во время утреннего совещания в «Вольфшанце» достигли бы Берлина лишь в тот момент, когда это приказал бы сделать чудом выживший фюрер или его преемник. Вдобавок, как и Сталин, Гитлер поздно ложился спать и столь же поздно (примерно в полдень) вставал. Соответственно, случись с ним что-

нибудь во сне, то об этом, в отсутствие инструкций разбудить его пораньше, узнали бы не раньше середины дня – когда «батлер» фюрера Линге набрался бы смелости заглянуть в его спальню. Ева Браун, напомним, в то время постоянно проживала в Бергхофе – альпийском поместье Гитлера – и в ночь с 20 на 21 июня рядом с ним не находилась.

Отвлекусь на секунду и упомяну о том, что, по словам И. Бунича, ещё 13 ноября 1940 года попавший на встречу Молотова с Гитлером и Риббентропом сотрудник германского посольства в Москве (и по совместительству агент НКВД) Хильгер, помимо прочего, имел задание **«составить подробный план гитлеровского кабинета»** («Операция Гроза. Кровавые игры диктаторов», с. 303). Подобное задание советские «коноводы» Хильгера могли дать лишь в двух случаях: для установки подслушивающего устройства (что представляется маловероятным из-за несовершенства в те годы соответствующих технологий: миниатюрных беспроводных «жуков» ещё не существовало) или с целью подготовки одного из вариантов ликвидации «бесноватого». Интересно также, что задание это Хильгеру дали несмотря на то, что кабинет фюрера посетили также и доверенные советские граждане – Молотов с Бережковым: видно, дело было такой важности, что решили для точности сверить донесения трёх разных людей.

Поэтому вполне вероятно, что Сталину, уже получившему накануне (скорее всего, вечером 20 июня) первое обнадеживающее известие о том, что как минимум один из планов покушения был приведён в действие, приходилось терпеливо ждать и, не теряя времени, раскручивать маховик Большой войны. Но в какой-то момент, по-видимому, было решено прощупать немцев на предмет новостей: а вдруг проговорятся... Именно этим, а не вдруг охватившей советское руководство паникой, были обусловлены безуспешные попытки посла Владимира Деканозова встретиться с Риббентропом, продолжавшиеся в течение всей второй половины дня 21 июня («Взлёт и падение III рейха», с. 872). Официальная цель приёма у гитлеровского министра – «вручить ему протест по поводу продолжающихся нарушений границы немецкими самолётами» (там же). Очевидно, что в той ситуации – когда эти самые нарушения совершались обеими сторонами **сотни раз** на протяжении нескольких месяцев, и когда советское руководство не только совершенно точно знало, что именно эти нарушения означали, но и относилось к ним более или менее философски (как и немцы к нарушениям советским) – задекларированная цель встречи выглядела просто смехотворной. **На самом деле, всё, что было нужно Деканозову, – это увидеть Риббентропа и передать свои впечатления от встречи с гитлеровским министром в Москву.** С другой стороны, он, разумеется, не мог прямо поинтересоваться: «Как там, гм, здоровье многоуважаемого фюрера германской нации? Всё у него нормально?..» То, что в германском МИДе упорно – вплоть до глубокой ночи – отвечали, что министра нет в городе, вполне могло, в отсутствие других новостей, служить хорошей новостью. В конце концов, с точки зрения кремлёвских комбинаторов, будущего нюрнбергского висельника могла постигнуть та же судьба, что и его «бесноватого» босса: он вполне мог отправиться в Валгаллу в ходе покушения на последнего. С точки зрения Сталина и Молотова, **то, что германские бонзы как сквозь землю провалились, как раз и могло означать, что заговор удался** и им сейчас не до советского посла, лезущего со своими идиотскими протестами. На самом деле, именно такой – ввести временный информационный «блэкаут» на сообщения о жизни и здоровье (или отсутствии таковых) очередного диктатора – была бы реакция властных структур любого тоталитарного общества и в наши дни.

Это доказывает и реакция Деканозова на объявление войны, когда аудиенция всё же состоялась, но уже ранним утром 22 июня: советский посол был «ошеломлён» (там же, с. 872). Как мог быть «ошеломлён» и «сражён» подобным известием бывший начальник Иностранного отдела (внешней разведки НКВД)? Который, по выражению У. Ширера, 21 июня 1941 года являлся «одновременно заместителем комиссара по иностранным делам, палачом и порученцем Сталина» – то есть доверенным человеком, прекрасно знакомым с международной ситуацией и данными о подготовке Германии к войне? Такой наверняка если не знал, то уж, во всяком случае, догадывался и об истинных планах советского

руководства... К слову, никто почему-то до сих пор не задал вопрос: а чего вдруг вообще высокопоставленный чекист и бывший глава внешней разведки НКВД Деканозов накануне войны превратился в **дипломата самого высокого уровня (единственный, пожалуй, подобный случай в истории дипломатических отношений)** ? П. Судоплатов приводит некоторые подробности его биографии (в энциклопедиях сведения о нём искать бесполезно – видно, не заслужил даже короткого упоминания): трудился «в Азербайджанском ГПУ при Берии в качестве снабженца. Позднее в Грузии Деканозов был народным комиссаром пищевой промышленности, где и прославился своей неумеренной любовью к роскоши». Если коротко: типичный советский чиновник-приспособленец. Звезда Деканозова возшла лишь когда его бывший начальник Берия в декабре 1938 года встал во главе НКВД: ни с того ни с сего бывшего «пищевика» тут же назначили начальником Иностранного отдела – аналога нынешней Службы внешней разведки. На этой должности он занимался преимущественно «зачисткой» и расстрелами бывших шпионских кадров. Не брезговал и непосредственным участием в допросах и пытках подчинённых. И вот, отличившись на поприще борьбы с «врагами народа» в рядах Иностранного отдела, этот явно не самый образованный, совсем не презентабельный (маленький и плешивый) и мало разбирающийся в дипломатии выходец с Кавказа неожиданно «перешёл» на работу в МИД. Но ведь так – запросто – из иностранного ведомства в шпионское не переходят даже в более демократических странах. В тогдашнем же СССР это вообще было немыслимо! А выскочка и палач Деканозов не просто «перешёл», а ещё и попал на самую что ни на есть «коронную» должность – стал послом в важнейшей на тот момент для советской дипломатии стране мира – фашистской Германии.

Представьте на секунду, что руководителя департамента тайных операций ЦРУ США вдруг назначают американским послом в Москве или Пекине: какой, думаете, сигнал это послало бы российскому или китайскому руководству? Или предположим, что организатора образцовой ликвидации Джохара Дудаева (этот военный разведчик, насколько я в курсе, потом занимал пост начальника ГРУ) взяли бы да послали послом ко двору королевы Великобритании: то-то бы они там взвились! Подобных – откровенно вызывающих – действий нормальные правительства никогда не предпринимают. Это только Сталин да Молотов о приличиях и всяких там этикетах не беспокоились: пусть Гитлер с Гейдрихом и Гиммлером бесятся! А те, если верить Шелленбергу, действительно «...с большим беспокойством восприняли известие о назначении Деканозова на пост посла в Берлине, так как нам было ясно, что это событие повлечёт за собой активизацию деятельности русской разведки как в Германии, так и в оккупированных нами областях...» («Мемуары», с. 155). Так, кстати, и произошло... Не забудем и то, что «бывший» чекист Деканозов (таких, как известно, не бывает по определению) стал ещё и одним из замов Молотова. Одним словом, что-то здесь нечисто. Моё мнение: доверенного кавказского костолома (согласно И. Буничу его давно знал и ценил сам Сталин) с некоторым шпионским опытом послали в Берлин накануне Большой войны с вполне определённой целью – **координировать работу нескольких советских спецслужб в деле осуществления операции огромной важности** . Но вернёмся в последний предвоенный день...

То, что некоторое беспокойство охватило Сталина лишь к обеду 21 июня, подтверждает и адмирал Н.Г. Кузнецов: «Не так давно мне довелось слышать от генерала армии И.В. Тюленева – в то время он командовал Московским военным округом, – что 21 июня **около 2 часов дня** ему позвонил И.В. Сталин и потребовал повысить боевую готовность ПВО «до 75%». Это ещё раз подтверждает: **во второй половине дня 21 июня И.В. Сталин признал столкновение с Германией если не неизбежным, то весьма и весьма вероятным** » («Накануне», с. 300). Приведу важную, с моей точки зрения, информацию, которая может объяснить то, на каком временном этапе вождь мирового пролетариата мог начать испытывать первые опасения в отношении успешности своих хитроумных планов. Так, М. Солонин подсказывает: «10 июня верховное командование Вермахта довело до сведения командующих армиями точный день и час (22 июня, 3.30 утра

(прим. автора: 4.30 по Москве) вторжения и порядок оповещения войск («в случае переноса этого срока соответствующее решение будет принято не позднее 18 июня»). В **13.00 (14.00 по Москве)** 21 июня в войска будет передан сигнал «Дортмунд». Он означает, что наступление, как и запланировано, начнётся 22 июня и что можно приступать **к открытому выполнению приказов** ») («23 июня – «День М», с. 282). Что ж, вполне возможно, что Сталин мог довольно оперативно получить подтверждение о передаче сигнала «Дортмунд» в войска от одного из своих шпионов в германских штабах...

Так или иначе, более или менее серьёзный мандраж у Сталина, скорее всего, начался лишь к вечеру – когда из приграничных округов поступили новые данные о перебежчиках, сообщавших о скором начале вторжения, и когда о том же, срочно выйдя на связь, доложил немецкий дипломат Кегель, являвшийся советским агентом в московском посольстве Третьего рейха. Тогда же, если верить Энтони Бивору, переводчику Бережкову в Берлине было приказано звонить на Вильгельмштрассе «каждые 30 минут». Но дозвониться ни до одного из высших чиновников Германии так и не удалось («Stalingrad», с. 4). «Что это? – мог подумать Сталин. – Неужели покушение не удалось?..» Или часть немецких генералов на востоке просто не получила ещё «стоп-приказ» преемника фюрера?.. Согласно журналу посещений Сталина, в **18.27** к нему зашёл (и уже не выходил до 23.00) его основной соратник и помощник – Молотов. Через каких-то полчаса к ним присоединилась большая группа людей: в **19.05** в кабинете появились как хорошо известные кремлёвские персонажи той поры – Берия, Вознесенский, Маленков и «примкнувший к ним» нарком обороны Тимошенко, так и люди, которых я пока идентифицировать не смог – Кузнецов и Сафонов. О личности одного из «мелких» посетителей, впрочем, кое-что известно и мне: товарищ Воронцов в то время был военно-морским атташе СССР в Германии и, разумеется, являлся по совместительству кадровым разведчиком. В свете моей гипотезы появление этого не самого высокопоставленного, но наверняка прекрасно информированного о германских делах шпиона в сталинском кабинете было абсолютно логичным. Вождю потребовалось экспертное мнение: он его получил.

Спустя час с лишним – в 20.15 – Тимошенко кабинет покинул и вернулся туда уже в **20.50** – с Жуковым и Будённым. Ещё через час – в 21.55 – к ним присоединился новоявленный «военный» – только что назначенный начальником Политупра Лев Мехлис. В **22.20** все четверо представителей Наркомата обороны кабинет покинули.

Опишу происходившее в кабинете со слов Г.К. Жукова:

«Я тотчас же доложил наркому и И.В. Сталину то, что передал М.А. Пуркаев (прим. автора: начальник штаба Юго-Западного фронта и, к слову, бывший советский военный атташе и представитель Разведупра в Берлине; Пуркаев доложил о немецком перебежчике, сообщившем о скором начале войны). И.В. Сталин сказал:

– Приезжайте с наркомом в Кремль» («Воспоминания и размышления», с. 233).

Отметим, что, по словам адмирала Кузнецова, «нарком обороны и начальник Генштаба были вызваны 21 июня около 17 часов к И.В. Сталину. Следовательно, уже в то время под тяжестью неопровержимых доказательств **было принято решение привести войска в полную боевую готовность и в случае нападения отражать его** . Значит, всё это произошло примерно за одиннадцать часов до фактического вторжения врага на нашу землю» («Накануне», с. 300). Если же верить Жукову, это было несколько не так...

«Захватив с собой проект директивы войскам, – продолжает Георгий Константинович, – вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным (прим. автора: в действительности, согласно журналу посещений, Ватутин в сталинском кабинете в этот день вообще не появлялся) мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться (!) решения о приведении войск в боевую готовность. И.В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

– А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? – спросил он.

– Нет, – ответил Тимошенко. – Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И.В. Сталина вошли члены Политбюро.

– Что будем делать? – спросил И. В.Сталин.

Ответа не последовало» («Воспоминания и размышления», с. 233).

Подчеркну: в данном случае «маршал победы» допускает очередную неточность: согласно журналу посещений, во время вышеописанной сцены в кабинете, помимо военных, уже находились несколько членов Политбюро. Возможно, впрочем, что они выходили покурить или в туалет и вернулись как раз к появлению военных.

К тому же, непонятно, какие именно войска «добивались» привести в боевую готовность Жуков и Тимошенко: **в этом состоянии уже находились практически все боеспособные моторизованные части и соединения приграничных округов, как минимум часть стрелковых корпусов «первой линии», тыловые стрелковые корпуса фронтов, выдвигавшиеся к кордону, военно-морской флот, и, если верить И. Буничу, ПВО и авиация ... В Одесском же военном округе в боеготовом состоянии находились и передовые стрелковые соединения** : об этом сообщил в своих мемуарах К.А. Мерецков. Думаю, что в действительности военные могли просить сталинского разрешения немедленно передать в округа условный сигнал для вскрытия «красных пакетов» с планами нападения на Германию и её союзников – **дабы упредить наступление немцев и ударить первыми** . Считаю, что **в тот вечер они возили к нему проект именно такой директивы** . Но Сталин, зная то, чего не знали они, мог (вполне резонно!) решить не торопиться и подождать дальнейшего развития событий, шедших (как он считал) в полном соответствии с его собственным хитроумным планом.

Оценим описанную сцену. С утра 21 июня Политбюро целый день занималось исключительно подготовкой к войне. Несмотря на это и невзирая на весь массив информации о подготовке немцами вторжения, которое должно было начаться в 4 часа утра следующего дня, высший руководитель страны спрашивает у «товарищей по партии»: **«Что будем делать?»** И это в ситуации, когда любому – даже никогда не имевшему отношения к армии – человеку, совершенно понятно, что именно надо делать в подобной обстановке: простыми, давно известными в округах кодовыми словами, прямо по телефону объявлять тревогу и приводить в действие пусть и не утверждённые планы прикрытия границы. Всё это, по признанию советских же маршалов, заняло бы «каких-то двадцать минут». Как справедливо написал по этому поводу бывший советский офицер-танкист **Кейстут Закорецкий** в своей статье «Загадка директивы (без номера) один»: «Объявите боевую тревогу по телефону, а потом обсуждайте всё, что угодно!» (сбн. «Правда Виктора Суворова. Окончательное решение», с. 273). Привычное объяснение этой удивительной ситуации заключается в том, что Сталин и его верные подручные являлись доверчивыми идиотами. Я же считаю, что они, может, и не были очень умными людьми (иначе не делали бы революцию и не строили бы коммунизм), но в то же время обладали колоссальными хитростью и подозрительностью.

«Коварный Хозяин, – пишет **Эдуард Радзинский** в книге «Сталин. Жизнь и смерть», – восточный политик, первым правилом которого было не доверять никому, вся стратегия которого состояла в том, чтобы усыпить бдительность врага, вдруг оказался так доверчив к старому врагу и настолько был им усыплен, что не обращал ни малейшего внимания на постоянные предупреждения. Он абсолютно доверяет лгуну Гитлеру, который столько раз предавал, нарушал слово! Это возможно, если только речь идёт о другом человеке, но не о нашем герое! У него не тот характер. И он доказал это всей своей жизнью» (с. 482). В общем, совершенно справедливо подчёркивает Радзинский, «эта версия (*прим. автора: об идиотизме и доверчивости Сталина и Молотова*) вызывает изумление» (там же). Радзинский лишь резюмировал с десятков характеристик Сталина, данных самыми различными людьми, которым пришлось иметь с ним дело. Все они говорили об одном и том же: никогда никому не верил; очень умный и хитрый (Геббельс говорил о «крестьянской хитрости»); прекрасная память на детали; весьма работоспособный; коварный; предельно жестокий; никаких сантиментов; очень своеобразное (и очень злое) чувство юмора; крайне

злопамятный; самодур. Добавим, что стремление к безграничной власти во всё больших масштабах являлось, пожалуй, его единственной и, судя по всему, маниакальной страстью. В общем, сказки советских и многих западных историков о «доверчивости», «идиотизме» и даже «душевном параличе» Сталина меня абсолютно не убедили.

А потому единственное разумное объяснение этой сюрреалистической сцены – «Что будем делать?..» – заключается в том, что 21 июня первое серьёзное беспокойство Сталин ощутил **лишь после известий о том, что о точном времени предстоящего нападения стало известно одновременно большому количеству представителей германской нации**. Огромной важности тайна внезапно стала достоянием не девяти-десяти руководителей Рейха (как это было в конце 1940 года) и не двух-трёх десятков генералов Вермахта (что имело место ранней весной 1941 года): о точной дате и времени нападения вдруг **в официальном порядке узнали тысячи немцев**, среди которых неизбежно оказались антифашисты-предатели (прошу прощения за использование такого термина: он не подразумевает симпатии к нацистам, а лишь отражает статус борцов с фашизмом по отношению к тогдашнему государственному строю Германии и её законам).

Подобное было возможно лишь в ситуации, когда до вторжения оставались бы считанные часы. Этим, собственно, и объясняется появление перебежчиков (жуковский фельдфебель был не единственным), а также срочное донесение сотрудника германского посольства в Москве Кегеля (агент «ХВЦ»). **Только в этот момент у Сталина появилось первое реальное сомнение в успехе покушения на Гитлера**. В результате, заслушав информацию, вождь приказал Молотову вызвать германского посла Шуленбурга и попытаться (в отсутствие возможности у Деканозова свидеться с Риббентропом) прощупать того на предмет ситуации в Берлине. Как пишет **Симон Себаг-Монтефиоре** в своей монографии «Stalin. The Court of the Red Tsar», «немецкий граф поспешил в Кремль» (с. 364). Встреча состоялась в **21.30** 21 июня. Вот что написал по этому поводу Монтефиоре: «Молотов спросил, почему Германия недовольна своим русским союзником? (*Прим. автора: а то он и так не знал!*) И почему женщины и дети из немецкого посольства покидают Москву? «Не все женщины, – ответил граф Шуленбург. – Моя жена всё ещё в городе». Как показалось Хильгеру, помощнику немецкого посла (тот самый агент НКВД, который, согласно И. Буничу, в ноябре 1940 года запоминал план гитлеровского кабинета), Вячеслав Молотов, **словно смирившись, пожал плечами** и отправился обратно к Сталину» (перевод с английского мой, там же). У. Ширер по поводу этой встречи написал следующее: «Прекрасным вечером 21 июня 1941 года, в 9 часов 30 минут... Молотов принял в своём кабинете в Кремле германского посла и вручил ему, по выражению Черчилля, свою «последнюю глупость». Упомянув о новых нарушениях границы немецкими самолётами, на что он дал указание советскому послу в Берлине обратить внимание Риббентропа, Молотов перешёл к другому вопросу, о чём Шуленбург в тот же вечер сообщил срочной телеграммой в Берлин. «Имеется ряд признаков, – говорил Молотов послу, – что германское правительство недовольно Советским правительством. Даже ходят слухи, что нависает угроза войны между Германией и Советским Союзом... Советское правительство оказалось не в состоянии понять причины недовольства правительства Германии (!) ... Он был бы признателен, если бы я ему мог сказать, что привело к нынешнему состоянию германо-советских отношений (*прим. автора: очередное свидетельство того, что никаких официальных переговоров между СССР и Германией в этот момент не происходило*). Я возразил, что не смогу ответить на его вопросы, поскольку не располагаю соответствующей информацией» («Взлёт и падение III рейха», с. 870). А то Молотов и так и не знал, «что привело к нынешнему состоянию»! Как будто референты не показывали ему американские газеты с немецким требованием: **«отведите войска от границы»!** Д. Мёрфи сообщил следующую пикантную подробность: оказывается, ещё 10 июня агент НКВД в гестапо В. Леман передал советской разведке доклад начальника РСХА (Имперского управления безопасности) Р. Гейдриха «...о диверсионной работе СССР, направленной против Германии и национал-социализма» («What Stalin knew. The Enigma of Barbarossa», с. 208). Этот

документ, перечислявший претензии к СССР «по линии» шпионажа и диверсий, являлся одним из приложений к германской Ноте об объявлении войны, которую Риббентроп и Шуленбург вручили одновременно Деканозову в Берлине и Молотову в Москве ранним утром 22 июня. Таким образом, у Сталина с Молотовым было **не меньше десяти дней** на то, чтобы ознакомиться как минимум с частью претензий немцев к правительству СССР!

Резюме Черчилля и Ширера в отношении действий Молотова: «Ну не дурак ли?!» Но, как уже говорилось выше, я на месте Черчилля не стал бы торопиться и обвинять Молотова (и, разумеется, его начальника – Сталина) в идиотизме. Вождь и «каменная жопа» (кличка, данная Молотову В.И. Лениным) не были дураками. Они просто оказались слишком «по-крестьянски» хитрыми, и в конце концов доигрались, перехитрив самих себя. Всю ту чушь, которую нёс на встрече бывший советский премьер и которую добросовестно изложил в своём ночном послании наивный Шуленбург, обычно чрезвычайно надменный Молотов произнёс исключительно для «поддержки разговора». Основной задачей сталинского министра во время вечерней встречи – как и у его формального подчинённого Деканозова начиная с утра того же дня – было не заискивать перед нацистами и не протестовать против самолётов-нарушителей, а **узнать хоть что-нибудь о том, что произошло (и произошло ли?!) с «бесноватым»** .

Но появившиеся у Сталина и его особо доверенных «товарищей по партии» первые признаки опасений по поводу удачного решения германской «кадровой проблемы» ещё не были столь серьёзными, чтобы разрешить уже не на шутку встревоженным военным осуществить нападение на Германию (**об обороне, думаю, пока даже и речи не шло**). Мало ли, чего там талдычат пербежчики... В любой момент немецкие генералы получают (а, может, уже получили!) «стоп-приказ», и двигатели германских танков вновь зарычат – чтобы убраться обратно от границы до рассвета. Поэтому, заслушав проект директивы о приведении войск в состояние полной боевой готовности (думаю, что на самом деле Жуков и Тимошенко упрашивали Сталина разрешить войскам вскрыть «красные пакеты» и, **перестав искушать судьбу, ударить по немцам первыми в ближайшие же часы**), глава Советского правительства ответил: «Такую директиву сейчас давать преждевременно... Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений» («Воспоминания и размышления», с. 233). В общем, в данном случае адмирал Н.Г. Кузнецов, похоже, действительно допустил неточность: «полной боевой готовности» объявлять пока не разрешили – по крайней мере, не во всех частях и соединениях Красной Армии. Да и сам он получил указание Жукова и Тимошенко привести флоты в состояние высшей степени готовности – № 1 – лишь **после 23.00 21 июня** (это было им выполнено в 23.37). Подтверждает Кузнецов и то, что (в отличие от версии Жукова) после 23.00 Жуков и Тимошенко всё ещё работали над текстом «половинчатой» директивы: «Жуков встал и показал нам телеграмму, которую он заготовил для пограничных округов. Помнится, она была пространной – на трёх листах. В ней подробно излагалось, что следует предпринять войскам в случае нападения гитлеровской Германии» («Накануне», с. 300). Любопытно, что «непосредственно флотов эта директива не касалась» (там же): то есть, **морякам разрешили применять оружие без каких-либо ограничений** . Любопытно отметить и следующее положение из директивы самого Н.Г. Кузнецова, переданное в 23.37 21 июня: «...Ведение разведки в чужих территориальных водах категорически запрещаю...» («Осаждённая Одесса», с. 14). Надо понимать, что до этого подобные рекогносцировки советского флота были вполне обычным явлением...

Вот полный текст жуковской директивы, которую я для удобства буду называть «предупреждающей»:

«Военным советам ЛВО, ПрибВО, ЗапВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибВО, ЗапВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с

провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укреплённых районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно её замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъёма приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко

Жуков

21.6.41 г.» («Воспоминания и размышления», с. 233).

«Испытывая чувство какой-то странной, сложной раздвоенности, – признаётся Жуков, – возвращались мы с С.К. Тимошенко от И.В. Сталина» (там же, с. 234). И я его прекрасно понимаю. Даже если вождь на данной встрече и приоткрыл перед военными завесу тайны «железного аргумента», у них – профессиональных вояк – не могли не существовать сомнения в правильности сталинских распоряжений. Если читатель когда-нибудь катался на «американских горках», то вполне сможет понять, о чём я говорю. Вроде бы и знаешь, что всё будет хорошо, но – когда земля несётся навстречу, а сидящего рядом приятеля вырвало от страха – сердце невольно замирает и хочется заорать от ужаса... Так или иначе, отдав директиву в секретную экспедицию, два полководца пошли пить чай в кабинете Тимошенко и ждать у моря погоды. За ними, по словам Монтефиоре, «бдительно следил Мехлис» («Stalin. The court of the Red Tsar», с. 365).

Интересно отметить, что, согласно английскому историку, в тот субботний вечер Сталин покинул Кремль и уехал на дачу в Кунцево **«довольно рано по своим меркам»** (там же, с. 366). Это совершенно непостижимо, если учесть, что в ту роковую ночь (по сути, **важнейшую ночь** в жизни вождя!) разворачивался самый страшный кризис в истории сталинского режима. Не забудем и то, что перед этим, согласно книге всё того же Симона Монтефиоре, Сталин (в очередной раз!) ясно сказал С. Будённому: **«Война, по-видимому, начнётся завтра»** (там же, с. 365). Не забыл он ещё днём позвонить и Хрущёву в Киев (куда тот, по его собственным словам, уехал **ещё в пятницу 20 июня – «чтобы война не застала его в Москве»** – см. там же, с. 363) и предупредить того, что **«война, возможно, начнётся на следующий день»** (там же, с. 365). Но желание Сталина лечь «пораньше» становится абсолютно логичным, если принять, что он твёрдо верил в то, что неизбежную войну **начнут не немцы этой ночью, а он сам – когда выпится и сочтёт нужным**. Именно поэтому вечером 21 июня он «продолжал уверять (здесь Монтефиоре цитирует воспоминания Микояна), что Гитлер не начнёт войну» (там же, с. 363). Конечно «не начнёт»: мёртвые ничего начать не могут! Кстати, странно, что явно «антисуворовски» настроенный Симон Себаг-Монтефиоре (как мантру повторяющий на каждом шагу хрущёвскую сказку про «душевный паралич» Сталина накануне войны), приведя столь противоречивые факты на одной и той же странице своей работы, не задался вопросом: а как, собственно, эту нестыковку можно объяснить?.. Выше уже говорилось: на определённом этапе я просто перестал удивляться столь абсурдным несуразностям...

В 24.00 командующий Киевским округом М.П. Кирпонос сообщил, что появился ещё один немецкий перебежчик, подтвердивший слова предыдущих. «Об этом, – пишет Г.К.

Жуков, – мы доложили **в 00.30** минут ночи И.В. Сталину. И.В. Сталин спросил, передана ли директива в войска. Я ответил утвердительно» («Воспоминания и размышления», с. 235). Монтефиоре дополняет: в конце разговора вождь мирового пролетариата приказал немедленно расстрелять перебежчика – рабочего-коммуниста Альфреда Лискова – «за дезинформацию» («Stalin. The court of the Red Tsar», с. 365). Впрочем, дополняет британский историк, Лискова так и не расстреляли (как не расстреляли и всех остальных информаторов, якобы вызвавших гнев Сталина своими предупреждениями). Что делал Сталин после этого – очередного! – подтверждения враждебных намерений германских войск? Э. Радзинский цитирует Молотова: «21 июня были на даче у Сталина часов до 12. Может быть, даже кино смотрели» («Сталин. Жизнь и смерть», с. 492). «Но с весельем, – пишет Э. Радзинский, – не выходило. И он предложил Молотову отправить шифрограмму послу в Берлине – пусть поставит перед Риббентропом те же вопросы, которые задавали Шуленбургу. Молотов поехал в наркомат. **В 00.40** (уже 22 июня) в Берлин пошла шифротелеграмма» (там же). Что же сделал потом Сталин, за несколько часов до этого прямо сказавший своему старому другу Будённому: **«Война, вероятно, начнётся завтра»** ? Отвечаем: **лёг спать, переговорив напоследок с Берией** . Интересно, о чём был разговор: может, тот сообщил очередную утешающую новость из Германии?..

В своей книге «22 июня. Анатомия катастрофы» М. Солонин сообщает интересный факт: по воспоминаниям многих офицеров Западного фронта, приказ распечатать «красные пакеты» был получен штабами их соединений уже **в 2.00 в ночь с 21 на 22 июня 1941 года** . Выходит, **это произошло, пока Сталин мирно спал на своей даче**. Насколько я понимаю, «вскрытие» (которое, в частности, произвели в самых мощных мехкорпусах Красной Армии – 6-м и 4-м) могло произойти по инициативе командующих Западным и Юго-Западными фронтами. Напомню, что именно это – передать в округа короткое условное слово и поднять войска по тревоге – Сталин, если верить Жукову, запретил делать Генштабу и Наркомату обороны примерно в **22.00** накануне вечером. И запретил именно потому, что это означало бы немедленное начало агрессии против Германии. В таком случае, несанкционированное ознакомление с содержимым «красных пакетов», в которых находились исключительно наступательные планы, являлось бы страшным преступлением, караемым в сталинском СССР расстрелом. И если на такое всё же могли отважиться (и отважились) многие краскомы в обстановке уже начавшейся войны, то лично я не верю в то, что Павлов, Кирпонос или любой другой представитель высшего командного звена РККА (а тем более командир полка или дивизии) мог бы решиться на подобный шаг **до начала германского нападения** , когда бомбы ещё не рвались, а пушки молчали.

Более вероятной мне кажется иная возможность: ещё до того, как Иосиф Виссарионович лёг спать, часть соединений приграничных округов всё же получила долгожданный приказ вскрыть «красные пакеты» и начать действовать в рамках давно спланированной наступательной операции. Если исходить из этого предположения, то действия 6-го мехкорпуса Хацкилевича, прошедшего утром 22 июня, не дожидаясь указаний из Москвы, **разведку «по Варшавскому шоссе на запад»** , становятся абсолютно понятными и логичными. Но об этих загадочных событиях, происходивших в «самую короткую ночь» в якобы ничего не подозревавших западных военных округах СССР, я предлагаю поговорить чуть позже...

Около 4.00 утра – когда из приграничных округов были получены сведения о таком состоявшемся авиационном и артиллерийском нападении немцев – Жуков **с трудом дозвонился** до крепко спавшего вождя. Тот отреагировал на неприятное известие «молчанием»: видно, пытался сообразить, что же «не связалось» в процессе выполнения его планов... Затем он поехал в Кремль и приказал вызвать туда же членов Политбюро, которые и явились к нему **в 5.45 утра** . Думаете, Сталин наконец поверил в нападение? Ничего подобного!

Э. Радзинский приводит свидетельство Я. Чадаева, бывшего тогда управляющим делами Совнаркома и имевшего разрешение Сталина записывать детали происходящего: «На

рассвете у Сталина были собраны члены Политбюро плюс Тимошенко и Жуков. Докладывал Тимошенко: «Нападение немцев следует считать **свершившимся фактом**, противник разбомбил основные аэродромы, порты, крупные железнодорожные узлы связи...» Затем Сталин начал говорить, говорил медленно, подыскивая слова, иногда голос прерывала спазма. Когда он закончил, молчали все и молчал он. Наконец, он подошёл к Молотову: **«Надо ещё раз связаться с Берлином и позвонить в посольство»**. «Он, – резюмирует Радзинский, – ещё цепляется за надежду: а может, всё-таки провокация?» («Сталин. Жизнь и смерть», с. 494). А чего он, собственно, всё цеплялся за эту самую надежду – даже после того, как военные (с плохо скрытым укором) уже объявили: «свершившийся факт»?! Далее последовала встреча Молотова с не менее потрясённым таки начавшейся войной послом Шуленбургом. Прощаясь с германским послом, «большевик номер два» растерянно промямлил: «Мы этого не заслужили». Чадаев свидетельствует: «После беседы с Шуленбургом Молотов вернулся в кабинет и сказал: «Германское правительство объявило нам войну». **Это вызвало замешательство среди членов Политбюро**» (там же, с. 495). Заметим, что «изумлёнными», «сражёнными» и «потрясёнными» оказались люди, которые накануне всю субботу вместе со своим предводителем утверждали создание фронтов и готовились к выезду в районы предстоявшей «крупной операции». «Было решено, – писал Чадаев, – войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили границу. **До особого распоряжения границу не переходить**. Авиации нанести бомбовый удар по войскам и по территории, занятой противником...» В этот первый день все были настроены довольно оптимистически, верили, что это **лишь кратковременная авантюра с близким провалом**» (там же). Видимо поэтому и отдавались весьма решительные и далёкие от новой реальности приказы.

Скажем, Марк Солонин цитирует очередной приказ, отданный 15-му мехкорпусу Юго-Западного фронта **после обеда 22 июня**: «Уничтожить сокальскую группу противника, **не допустив отхода её на западный берег реки Буг**» («22 июня. Анатомия катастрофы», с. 263). «То есть, – делает вполне справедливый вывод российский историк, – **в первый день войны советское командование было обеспокоено тем, как бы не дать агрессору убежать назад, на сопредельную территорию**» (там же). Любопытно в этой связи – я имею в виду непостижимые до сих пор оптимизм Сталина и его упорное нежелание принять новую реальность **примерно до 11.00 утра 22 июня** – и дневниковая запись начальника немецкого Генштаба **Ф.Гальдера** от 22 июня: «12.00 – *Поступили сведения* о том, что русские восстановили свою международную радиосвязь, прерванную сегодня утром. Они обратились к Японии с просьбой представлять интересы России по вопросам политических и экономических отношений между Россией и Германией и ведут оживлённые переговоры по радио с германским министерством иностранных дел» («Военный дневник», т. 3, кн. 1, с. 26).

Все эти вроде бы трудно объяснимые факты – железное (несмотря на всё более тревожные донесения с границы) спокойствие Сталина в течение всего дня 21 июня; его неверие в то, что немцы так нападут; ранний отход ко сну; упорное нежелание принять уже свершившийся факт нападения – становятся, по моему мнению, вполне объяснимыми, если взглянуть на них с точки зрения гипотезы о «козырной карте». Именно так и должен был вести себя советский диктатор, если бы рассчитывал в любую минуту получить долгожданное (и, с его точки зрения, неизбежное) подтверждение о гибели Гитлера и желании нацистских бонз сесть за стол переговоров. Только в такой ситуации даже уже состоявшееся нападение немецких войск могло рассматриваться им лишь как досадный (или наоборот – вполне кстати произошедший!) эпизод, вызванный слишком поздним исполнением «приговора» и, соответственно, запоздавшим «стоп-приказом» преемника фюрера, просто не успевшего вовремя отменить выступление Вермахта. В подобной обстановке Сталин действительно мог в то воскресное утро рассчитывать на то, что немецкие танковые клинья вот-вот прекратят движение и, после короткой паузы, в замешательстве повернут обратно. Отсюда – и попытки выйти на связь с теми, кто **теперь —после воображаемой смерти фюрера** – мог «прекратить недоразумение». Только таким

образом можно было ещё надеяться вновь поставить бронепоезд операции «Гроза» на прежние рельсы, с которых он – совершенно неожиданно для Сталина и его подручных – сошёл прошедшей ночью.

Вся эта суэта, разумеется, окончательно потеряла смысл уже к полудню – когда стало окончательно ясно, что «бесноватый», вопреки ожиданиям, жив, здоров и твёрдо держит бразды правления Рейхом в своих руках. Сталину пришлось срочно переосмыслить происходящее, взять себя в руки и заняться тем, что ему не снилось и в самых страшных снах – **руководить обороной СССР**. То, что он – как и **все** его подручные – был потрясён этой вдруг свалившейся на его голову бедой («Оборона? Какая такая оборона?..»), хорошо известно. Но лишь в свете моей гипотезы можно понять, **насколько** он был потрясён неудачей своего действительно удивительно хитроумного замысла. В сложившейся ситуации – когда на него вполне справедливо должны были возлагать вину за успех упреждающего удара немцев и неудачи **никак** не готовившейся к обороне армии – под ним действительно должен был закачаться трон. Не сомневаюсь: окажись в подобной ситуации Гитлер, и его дни (или, скорее, часы) на вершине германской властной пирамиды были бы сочтены. Генералы никогда не простили бы ему **такой** ошибки. Сталина спас лишь великий террор 1937–1938 годов: тогда он навсегда отучил советских военных, а заодно и «товарищей по партии», от сомнений в его силе, жестокости и решимости. Несомненно, что всю оставшуюся жизнь – вплоть до своей смерти от яда, подброшенного испугавшимися за собственные жизни «меченосцами» – он «искупал» свою самую главную ошибку. Искупал, разумеется, не перед молотовыми и жуковыми, не перед народами СССР, потерявшими десятки миллионов погибших и сотни миллионов не родившихся: свою главную ошибку он искупал исключительно **перед самим собой**.

Часть третья ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ

Операция «Утка» и «модус операнди» сталинских спецслужб

В этой главе я хотел бы поговорить о том, что моя гипотеза вполне сочетается с образом мыслей и поступками Сталина (и, соответственно, советских спецслужб) – до начала, во время и после окончания Великой Отечественной войны. Прежде всего, постараемся установить, насколько вообще партии большевиков и лично И.В. Сталину было свойственно уничтожать политических противников. Даже в первом приближении получается впечатляющий своими размерами мартиролог. Начинается он, разумеется, с царя Николая II и его семьи, а заканчивается (впрочем, заканчивается ли?..) афганским диктатором Амином, дворец которого взяла штурмом группа «Альфа». Создать последнюю, кстати, предложил уже известный нам генерал-диверсант от НКВД П. Судоплатов. Тот, к слову, лично уничтожил одного из «старых» вождей украинского националистического подполья – Е. Коновальца. На совести советских спецслужб и прочие руководители украинских повстанцев – Бандера и Шухевич. Не буду долго задерживаться на другой обширной категории политврагов, уничтоженных последователями «Железного Феликса» – белогвардейцах. В конце концов, те с ответным террором не стеснялись и были, что называется, «своими». Не буду останавливаться на массовом уничтожении «классовых врагов» в ходе Гражданской войны, подавлении крестьянских восстаний, коллективизации и чистках партийных рядов: в этих случаях ликвидировались не отдельные личности, а целые категории людей. В том же ряду – Катынь и «переселения народов».

Лишь смерть Сталина спасла от ликвидации Иосипа Броз Тито. Советские диверсанты под руководством князя Гагарина (его группа в случае начала войны должна была совершить нападение на военное руководство НАТО, чья штаб-квартира находилась тогда в Фонтенбло под Парижем) чуть было не ликвидировали в 1952 году и бывшего главу Временного

правительства Керенского. Политических (а порой и просто личных) врагов советских вождей взрывали, стреляли, били по голове ледорубами, травили, заражали патогенами и резали на операционных столах.

П. Судоплатов пишет и о подготовке его подчинёнными как минимум двух покушений и **на самого Адольфа Гитлера** – правда, уже после начала войны. Повествуя о планах НКВД на случай оккупации немцами Москвы осенью 1941 года, он вспоминает: «...Мы создали ещё одну автономную группу, которая должна была уничтожить Гитлера и его окружение, если бы они появились в Москве после её взятия. Эта операция была поручена композитору Книпперу, брату Ольги Чеховой, и его жене Марине Гарикиной» («Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы», с. 211). Когда столице перестала грозить непосредственная опасность, НКВД попробовал устранить Гитлера уже в Берлине: «У нас существовал план убийства Гитлера, в соответствии с которым Радзивилл (*прим. автора: польский аристократ, завербованный НКВД*) и Ольга Чехова должны были при помощи своих друзей среди немецкой аристократии обеспечить нашим людям доступ к Гитлеру. **Группа агентов, заброшенных в Германию и находившаяся в Берлине в подполье** (*прим. автора: в связи с этим предлагаю вспомнить историю про немецкие отели для боевиков, которые накануне войны через подставных лиц скупал НКВД*), полностью подчинялась боевику Игорю Миклашевскому, прибывшему в Германию в начале 1942 года. Бывший чемпион по боксу Миклашевский, выступая как советский перебежчик, приобрёл в Берлине немалую популярность после своего знакомства с чемпионом Германии по боксу Максом Шмелингом... Миклашевский оставался в Берлине до 1944 года» (там же, с. 173). Почему план не был осуществлён? Всё очень логично: «В 1943 году Сталин отказался от своего первоначального плана покушения на Гитлера, потому что боялся: как только Гитлер будет устранён, нацистские круги и военные попытаются заключить сепаратный мирный договор с союзниками без участия Советского Союза» (там же). Надо сказать, что устранения Гитлера вождь мирового пролетариата в тот момент боялся настолько, что «приказал ликвидировать фон Папена (*прим. автора: бывший премьер-министр Веймарской республики; во время войны – посол Германии в Турции*), поскольку тот являлся ключевой фигурой, вокруг которого вертелись замыслы американцев и англичан по созданию альтернативного правительства в случае подписания сепаратного мира. Однако, – сожалеет Судоплатов, – ...покушение сорвалось, так как болгарский боевик взорвал гранату раньше времени и лишь только ранил фон Папена» (там же, с. 174). Если следовать сталинской логике, то вполне можно предположить, что Хозяин с облегчением перевёл дух, когда заговор германских генералов в июле 1944 года закончился провалом и массовыми казнями его участников, членов их семей, друзей и просто знакомых. Каков дальнейший жизненный путь агента-боевика Миклашевского? В 1944 году он «ликвиднул» родного дядю – видного борца с большевизмом – и покинул Берлин, направившись во Францию. Там он и его люди – по-видимому, те самые десятки оперативников-боевиков, которые находились в Германии с 1941 года и о чьих подвигах в этот период ничего не известно, – в течение трёх лет занимались охотой на уцелевших власовцев. Не думаю, кстати, что эта деятельность протекала с благословения французских властей. В СССР Миклашевский вернулся в 1947 году, был награждён орденом Красного Знамени и возобновил боксёрскую карьеру (там же).

Теперь остановлюсь на истории устранения одного из главных большевистских революционеров – Льва Троцкого. И не потому, что мне – упаси Бог! – его жалко, а в качестве наглядной иллюстрации почерка советских спецслужб. Напомню, что сказал по этому поводу Берия, привезший Судоплатова на встречу с И.В. Сталиным в марте 1939 года: «По словам Берии, закордонная разведка в современных условиях должна изменить главные направления своей работы. Её основной задачей должна стать не борьба с эмиграцией, а подготовка резидентур к войне в Европе и на Дальнем Востоке» (там же, с. 105). Позже высказался и сам вождь: «Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил: «Троцкий, или как вы его именуете в ваших делах, «Старик», должен быть устранён в течение года, прежде чем разразится неминуемая война...Без устранения

Троцкого, — продолжал Сталин, — как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну». И ещё одна фраза, которая, по моему мнению, отражает «утилитарный» подход Сталина к убийствам других людей: «В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. **Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена** » (там же). Иными словами, «Нет человека — нет проблемы!».

Что ж, «сказано—сделано»! Выгнанный из СССР в 1929 году создатель Красной Армии, помыкавший в Турции, Норвегии и Франции, к 1937 году осел в Мексике. В двух словах опишем план операции «Утка», разработанный замначальника разведки НКВД П. Судоплатовым и его помощником — легендарным диверсантом Эйтингоном. Последний, в частности, «настоял на том, чтобы использовать тех агентов... которые **никогда не участвовали ни в каких операциях** против Троцкого и его сторонников (*прим. автора: иными словами, не были «засвечены», работая на СССР*). В соответствии с его планом необходимо было создать **две самостоятельные группы** . Первая — группа «Конь» под началом Давида Альфаро Сикейроса, мексиканского художника, лично известного Сталину, ветерана гражданской войны в Испании... Вторая — так называемая группа «Мать» под руководством Каридад Меркадер. Среди её богатых предков был вице-губернатор Кубы, а её прадед являлся испанским послом в России...» Её среднего сына — Рамона Меркадера — и решено было внедрить в окружение Троцкого. Ещё одна значительная подробность: «Эйтингон считал, **что его агенты должны действовать совершенно независимо от наших местных резидентур** в США и Мексике. Я с ним согласился...» (там же). Это означает, что **высочайшая важность операции диктовала и чрезвычайный уровень секретности в ходе её подготовки и проведения** . 23 мая 1940 года состоялась первая попытка покушения: в предрассветные часы, воспользовавшись знакомством с одним из телохранителей Троцкого, члены группы Сикейроса ворвались на территорию его особняка и изрешетили из автоматов дверь в его комнату. Но... группу постигла неудача: Троцкий вовремя спрятался под кроватью. Был убит лишь его охранник Харт, «поскольку знал Григулевича и мог нас выдать. Инцидент закончился арестом Сикейроса, что дало хорошее прикрытие для продолжения действий Григулевича и Меркадера, всё ещё не знавших о существовании друг друга. Покушение сорвалось из-за того, что группа захвата не была профессионально подготовлена для конкретной акции. Эйтингон по соображениям конспирации не принимал участия в этом нападении. Он бы наверняка скорректировал (!) действия нападавших. В группе Сикейроса не было никого, кто бы имел опыт обысков и проверок помещений и домов (!) . Членами его группы были крестьяне и шахтёры с элементарной подготовкой ведения партизанской войны и диверсий» (там же, с. 116). В общем, осечка вышла: недалёкие пейзаны, пролетарии и свободные художники оказались не на высоте и в отсутствие мастеров квартирных обысков (те, видно, были шибко заняты на родине мирового пролетариата) провалили порученное им дело.

Пришлось приводить в действие план «Б» и подсылать к Троцкому аристократа Меркадера с ледорубом. Впрочем, когда Троцкий читал принесённую товарищем Рамонам статью, он слегка повернул голову и удар не стал смертельным. «Представьте,— признавался Меркадер впоследствии, обедая с Судоплатовым и Эйтингоном в начале 1969 года в московском ресторане Дома литераторов (*прим. автора: том самом — из «Мастера и Маргариты»*), — ведь я прошёл партизанскую войну и заколол ножом часового на мосту во время гражданской войны в Испании, но крик Троцкого меня буквально парализовал» (там же, с. 121). Тут, конечно, сбежались жена и охранники и не дали красному аристократу воспользоваться пистолетом. Но — слава коммунизму! — Троцкий таки скончался на следующий день в больнице. Схваченный Меркадер, как и было условлено, поведал полиции версию о том, что убил главного сталинского врага из-за ревности, пристрастия убиенного к

средствам, пожертвованным «на дело» и... потому что «Троцкий пытался уговорить войти в международную террористическую организацию, ставившую своей целью убийство Сталина и других советских руководителей» (там же). Последняя подробность в очередной раз говорит о весьма своеобразном чувстве юмора «верного последователя Ленина»...

Подлинное имя Рамона Меркадера, действовавшего под именем канадского бизнесмена Фрэнка Джексона, стало известно лишь через шесть лет – когда в 1946 году на Запад сбежал очередной коммунист-интернационалист, приходившийся, кстати, родственником Фиделю Кастро. Меркадер так никогда и не признался, что убил Троцкого по приказу советских спецслужб: он всегда подчёркивал личные мотивы содеянного. Финал истории: отсидев двадцать лет, он прибыл в СССР, где его наградили Звездой Героя и назначили... старшим научным сотрудником Института марксизма-ленинизма в Москве, дав ему генеральскую пенсию и четырёхкомнатную квартиру. В середине 70-х товарищ Рамон переехал на Кубу, где стал советником Фиделя Кастро: уж и не знаю, какого рода советы он мог давать кубинским товарищам – как пользоваться ледорубом?.. Там он и скончался в 1978 году. Тело его было тайно доставлено в Москву и похоронено на Кунцевском кладбище под именем Героя Советского Союза Лопеса Рамона Ивановича.

Важно привести и следующее свидетельство бывшего главного диверсанта НКВД: «все тайные ликвидации... политических противников Сталина, Молотова, Хрущёва в 1930–1950 годах осуществлялись по приказу правительства... Практика тайных ликвидаций политических противников и агентов-двойников была неприятным, но неизбежным атрибутом «холодной войны» и авторитарного правления. Она регламентировалась специальным решением не партийных органов, а правительства, объявленного в приказах как по линии органов Госбезопасности, так и военной разведки» (там же, с. 451). Иными словами, Судоплатов даёт понять, что, скажем, для ликвидации Троцкого ему было недостаточно устного приказа вождя, а потребовалась бумага, подписанная Молотовым (являвшимся в то время официальным главой этого самого правительства). Уж и не знаю, нашёл ли кто-нибудь следы подобного документа в Особой папке, но тот же Судоплатов упомянул о том, что, помимо НКВД, Разведупра (военная разведка) и Коминтерна, в СССР существовала ещё одна спецслужба – «так называемая **спецслужба при председателе Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б)**» (там же, с. 395).

«История этого самостоятельного разведывательного подразделения, – делится совершенно секретной информацией П. Судоплатов, – существовавшего при руководстве советского правительства в 1930–1950-х годах, остаётся своеобразным «белым пятном» в нашей истории. Однако отдельные факты и ссылки в ряде документов на существование других разведывательных органов, помимо военной разведки и НКВД—НКГБ, подтверждают его существование» (там же, с. 396). Откуда Судоплатов вообще узнал о его существовании? Он, в частности, упоминает о том, что его доверенный подручный – непосредственный организатор убийства Троцкого Эйтингон – «координировал действия» с «её сотрудниками» в ходе тайных операций в китайской провинции Синьцзян против восставших казахов и уйгуров. «Поручение, – свидетельствует Судоплатов, – было настолько секретным, что **я был проинформирован о нём как непосредственный начальник Эйтингона лишь в самых общих чертах ...**» Координация эта осуществлялась через «работника аппарата Сталина», у которого в Китае имелась тайная сеть агентов (там же).

По-видимому, о той же спецслужбе говорится и в книге **Виктора Суворова** «Самоубийство»: «У Сталина три независимые друг от друга разведки: Первое управление НКГБ, ГРУ Генерального штаба и личная сталинская разведка, спрятанная под двумя вывесками – «**Секретариат т. Сталина**» и «**Особый сектор ЦК ВКП(б)**». Между этими структурами – жестокая конкуренция» (с. 239). Почему меня так заинтересовала информация о существовании подобной спецслужбы, **о которой никогда не слышали даже большинство экспертов** ? Дело в том, что, когда мне в голову пришла мысль о «козырной карте», я тут же предположил, что подобным проектом должны были заниматься в том числе и люди, о подробностях деятельности которых не знали ни руководители НКВД—НКГБ, ни

начальство Разведупра. Иначе после провала замысла (а он несомненно провалился), им было бы не сносить головы... Также, если работавшие в данном полностью засекреченном разведывательном ведомстве люди подчинялись **непосредственно** Сталину, то и приказы на проведение тех или иных тайных операций они должны были получать от него же – и без всяких там бумажных формальностей, о которых подчёркнуто упомянул Судоплатов. Игорь Бунич пишет по этому поводу следующее: «...У Сталина была собственная разведывательно-информационная служба, докладывающая лично ему и настолько замаскированная в его аппарате, что о ней никто ничего не знал. Этой службой мог быть только какой-нибудь **сектор в Международном отделе ЦК**. Ветеран и старейший работник бериевского НКВД генерал Суслопаров утверждал, что Сталин «вёл» примерно 15 иностранных агентов, о которых не знал никто» («Операция «Гроза». Кровавые игры диктаторов», с. 388). Кстати говоря, откуда Суслопаров мог знать то, что «не мог знать никто»? С чего он взял, что лично контролируемых агентов у Сталина было именно 15, а не, скажем, 25? Вдобавок, в «придворной» спецслужбе Сталина помимо «иностранных агентов», наверняка должны были иметься и советские сотрудники, базировавшиеся в СССР: «лично» Иосиф Виссарионович «вести» никого бы не смог при всём желании. Для этого нужен соответствующий аппарат: «коноводы»-начальники, аналитики, связисты и связники, бухгалтеры, содержатели конспиративных квартир, боевики-«мокрушники», отдел контрразведки (чтобы обезопасить «преторианцев» от инфильтрации со стороны НКВД, ГРУ и иностранных спецслужб) и т.д. Но вернёмся к убийству Троцкого...

Что мы узнали из краткого описания операции «Утка»? Перечислим:

- 1) НКВД использовал людей, которых нельзя было прямо связать с коммунизмом и СССР;
- 2) были созданы как минимум две не знавшие друг о друге группы террористов;
- 3) о деталях операции не знала даже местная резидентура НКВД;
- 4) приказ на ликвидацию исходил непосредственно от Сталина, не испытывавшего ни малейших нравственных терзаний по поводу жестокого убийства человека, организовавшего большевистский переворот в октябре 1917 года и создавшего Красную Армию, благодаря которому он – Сталин И.В. – собственно, и смог в конце концов прийти к абсолютной власти в бывшей Российской империи. Зададим себе вопрос: а пожалел бы он Гитлера?..

Зарубежные «активы» вождя

Теперь предлагаю сделать краткую «инвентаризацию» известных широкой публике «активов» советских спецслужб, работавших в Западной Европе накануне и в начале Великой Отечественной войны. При этом я использовал уже упоминавшиеся книги У. Ширера, П. Кареля, В. Суворова, И. Бунича, П. Судоплатова, Т. Гладкова и др. Сразу отмечу, что все эти источники часто противоречат друг другу. Это, по-видимому, просто неизбежно, когда речь идёт о такой сфере деятельности, как шпионаж. Так и не удалось до конца разобраться, какие ведомства отвечали за какие разведсети (или отдельных агентов). Скажем, так называемая «Красная капелла» была создана Разведупром (ГРУ), но в то же время многих её агентов вели резиденты из НКВД. Так, согласно **Кристоферу Эндрю и Олегу Гордиевскому**, Сергей Кудрявцев – нелегальный резидент НКВД в Германии, работавший под именем Александер Эрдберг, курировал таких важных агентов, первоначально завербованных военной разведкой, как Рудольф фон Шелиа (Шелига) и Харо Шульце-Бойзен (см. «KGB. The inside story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev», с. 204). Я, как смог, попытался привести предоставленную всеми этими источниками информацию к некоему «общему знаменателю», но это, конечно, не гарантирует абсолютной точности. Разумеется, полный список советских агентов, имевшихся в распоряжении Сталина для работы против Германии накануне и в ходе войны, сделать невозможно: мой краткий вариант составлен на основе сведений, ставших достоянием гласности **исключительно в результате предательства, агентурных провалов и выборочного**

открытия архивов . Боюсь, что всю информацию на этот счёт широкая читающая публика не узнает никогда (или, в лучшем случае, лет через сто). Об этом, в частности, говорит и тот факт, что даже опубликованные при Горбачёве и Ельцине документы – их предали гласности стараниями прежде всего А.Н. Яковлева – были **повторно засекречены** после прихода к власти В. Путина. Уже упоминавшийся выше ветеран секретных дел американец Д. Мёрфи был этим фактом, судя по всему, просто сражён. Вот и задался бы вопросом: а зачем это нынешним гэбистам понадобилось такой дуростью заниматься...

А. Колпакиди и А. Север в своей книге «Разведка в Великой Отечественной войне» сообщают следующие обобщающие сведения по поводу «активов» основных спецслужб СССР за рубежом накануне войны: «К концу 1940 года общая численность внешней разведки (*прим. автора: НКВД*) достигла 695 человек (из них 235 сотрудников центрального аппарата)... На февраль 1941 года за рубежом действовало 45 легальных резидентур, в которых работало 242 разведчика (*прим. автора: легальные разведчики работали под видом дипломатов*), имевших на связи свыше 600 агентов... Помимо легальных резидентур, действовало 14 нелегальных... В Германии, Франции и Великобритании работало по 2–4 нелегальных резидентуры...» (с. 15). Не отставал от НКВД и Разведупр: «К началу войны, – пишут те же авторы, – за границей насчитывалось до тысячи разведчиков и источников, из них более половины – нелегалы» (там же, с. 33). Интересно, что **«все они опирались на мощные нелегальные сети Коминтерна, о которых и сегодня мало чего известно»** (там же). Важно отметить, что все эти советские разведактивы имелись не столько «благодаря», сколько «вопреки»: в 1937–1938 годах НКВД под руководством Ежова (и, разумеется, «мудрого» Сталина) чуть ли не полностью истребил всех резидентов и руководящих сотрудников аппаратов обоих шпионских ведомств. После «вызова на Родину» уцелели лишь единицы из лучших и наиболее опытных шпионских кадров СССР. Многие поневоле стали перебежчиками, некоторые – как Рихард Зорге – превратились в «невозвращенцев» (его жену расстреляли в отсутствие супруга). Информацию по поводу деятельности НКВД и военной разведки накануне войны можно обобщить примерно следующим образом: Разведупр работал в целом более профессионально, чем чекисты, добился бо льших успехов и имел больше ценных агентов. Скажем, когда читаешь главы упомянутой выше книги К. Эндрю и О. Гордиевского, посвящённые истории деятельности НКВД в годы Второй Мировой войны, то невольно ловишь себя на мысли о том, что речь идёт не сколько о бывшем работодателе одного из соавторов – КГБ, а о... военных разведчиках. Вместе с тем НКВД, будучи в то время политически более сильной организацией, фактически подмял под себя военную разведку и часто вёл завербованные ею источники. Впрочем, есть и другие мнения: тот же П. Судоплатов заявляет, что «военная разведка имела собственную агентурную сеть в Германии, Франции, Бельгии и Швейцарии и действовала независимо от НКВД» («Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы», с. 217).

Европейскими «звёздами» советских спецслужб в первую очередь являлись члены так называемой «Красной капеллы». Воссозданной после ежовского террора паневропейской агентурной сетью руководили резиденты-нелегалы Леопольд Треппер («Большой шеф») и А.М. Гуревич («Маленький шеф», или «Кент»), работавшие во Франции и Бельгии. Они курировали целый ряд ценных агентов из числа граждан Третьего рейха и других европейских стран. К ним относились аристократ и родственник легендарного Тирпица оберлейтенант Харо Шульце-Бойзен (штаб Люфтваффе, агентурная кличка «Старшина»/«Коро»), сотрудник министерства экономики Арвид Харнак (кличка «Корсиканец»), высокопоставленный немецкий дипломат Рудольф фон Шелига («Ариец»), его контакт – Ильза Штёбе («Альта»), работавшая в отделе печати германского МИДа, и многие другие – всего порядка ста человек. По данным Резуна-Суворова, Ильза Штёбе и уже упоминавшийся мною ранее работник германского посольства в Москве Герхард Кегель (агент «ХВЦ») входили в состав одной группы – «Альта». По словам П. Судоплатова, членами «Красной капеллы» являлись также Кукхоф (министерство иностранных дел, кличка «Старик») и жена одного из близких к Риббентропу дипломатов (агентурная кличка «Юна»). Ими, по словам

ветерана НКВД, руководили резиденты Кобулов, Коротков и Журавлёв. В гестапо на НКВД работал Вилли Леман (кличка «Брайтенбах»). Согласно тому же источнику, у чекистов имелись агенты в германских фирмах «Фарбен индустри» и «Тиссен», а также в среде германской творческой элиты – вхожая к Герингу и Гитлеру актриса Ольга Чехова и актёр Карл Герхард. К. Эндрю и О. Гордиевский добавляют, что с «Красной капеллой», помимо прочих, сотрудничали полковник Люфтваффе Эрвин Герц, отвечавший за подготовку офицеров, Йохан Грауденц (концерн «Мессершмитт»), Хорст Хайльман, служивший в шифровальном отделе Главного командования и имевший доступ к системе связи Абвера, а также подполковник Люфтваффе Герберт Гольнов, курировавший заброску парашютистов на территорию СССР («KGB. The inside story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev», с. 205).

Так называемой «Красной капелле» Вальтер Шелленберг посвятил отдельную главу своих воспоминаний. Он, в частности, сообщил следующую дополнительную информацию на этот счёт: «В самой Германии действовали два главных агента под кличками «Коро» и «Арвид», **информация которых могла поступать только из высших немецких кругов**» («Мемуары», с. 301). Из того, как Шелленберг описывает охоту на членов «Красной капеллы» (кстати, была и «Чёрная капелла» – так бывший заместитель Гейдриха называл антинацистскую организацию адмирала Канариса и его подчинённых из Абвера), становится понятно, что немцы испытывали невольное восхищение перед советской «шпионской организацией», в которую «...входили не только высокопоставленные представители Вермахта, почти в каждом имперском министерстве работали её связники... Число арестованных настолько возросло, что мы были вынуждены организовать собственный «разведывательный отдел «Красная капелла». **Ни в одной из областей разведывательной деятельности не шла такая ожесточённая борьба, как эта, которую мы вели с Советами на территории всей Европы**. Постоянно обнаруживались всё новые радиопередатчики, устанавливались всё новые слежки – в Париже, Брюсселе, Копенгагене, Стокгольме, Будапеште, Вене, Белграде, Афинах, Стамбуле, Риме и Барселоне...» (там же, с. 306). Важно отметить и сделанное в заключение признание: «**Но окончательного поражения шпионской организации «Красная капелла» нам до самого конца войны так и не удалось нанести**» (там же). Интересно отметить признание Вальтера Шелленберга, касающееся мотивов германских аристократов, сознательно работавших на большевиков: «Разумеется, нас интересовали побуждения, двигавшие этими интеллигентами. Деньги не играли для них важной роли. Как явствует из протоколов следствия, они боролись не только против национал-социализма, в своём мировоззрении они настолько отошли от идеологии Запада, который они считали безнадежно больным, что видели спасение человечества только на Востоке» («Мемуары», с. 303). Шелленберг недаром называет членов «Красной капеллы» «интеллигентами». В своей книге К. Эндрю и О. Гордиевский приводят результаты подсчётов гестапо относительно социальной принадлежности арестованных и осуждённых участников разведсети: 29% были учёными и студентами, 21% – писателями, журналистами и художниками, 20% – профессиональными военными и госслужащими, 17% – военнослужащими, призванными в ходе войны, и лишь 13% – ремесленниками и рабочими («KGB. The inside story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev», с. 222).

Виктор Суворов в своей книге «Самоубийство» пишет следующее: «В штабе верховного командования Вермахта (ОКВ) работала группа «Викинг» – семь германских высших офицеров и генералов передавали сталинской агентуре информацию прямо из кабинета Гитлера» (с. 240). В книге «Ледокол» Суворов цитирует статью маршала Гречко в Военно-историческом журнале (1966, № 6, с. 8): «...через 11 дней после принятия Гитлером окончательного плана войны против Советского Союза (*прим. автора: напомним, что это произошло 18 декабря 1940 года*) этот факт и основные данные решения германского командования стали известны нашим разведывательным органам». «Видимо, – комментирует это поразительное свидетельство Резун-Суворов, – мы никогда не узнаем имя великого разведчика, совершившего этот подвиг. Не исключено, что это тот же резидент

ГРУ, который в 1943 году добыл план операции «Цитадель» (с. 310). «В книге «Советская Армия», – подтверждает эту информацию Пауль Карель, – под редакцией британского военного историка Лиддела Гарта, доктор Раймонд Л. Гартофф, досконально изучивший все источники, заявляет, что **сведения о планах Германии напасть на СССР и даже дату этого события сообщил советским разведчикам анонимный источник в немецком генштабе**» («Восточный фронт», том 1, с. 47). Я, кстати, не уверен, что речь идёт об одном и том же советском шпионе: вполне возможно, что об основных положениях и сроках проведения операции «Барбаросса» Сталин узнал из **нескольких независимых источников**.

Пауль Карель цитирует расшифрованное немцами донесение знаменитого швейцарского резидента ГРУ Шандора Радо («Дора») от 27 июля 1941 года: «...об изменении планов (*прим. автора: немецкого командования*) мне будет известно в течение двух дней». «Надо ли говорить, – подчёркивает Карель, – что в Берлине были поражены тем, что вражеский агент в Швейцарии обладал столь точной информацией, и сделали всё возможное для выявления источников её поступления – **человека, который мог узнать об «изменении планов» главного германского командования «в течение двух дней»**». Однако правда так и не всплыла. Она не открылась и теперь... Совершенно ясно только одно: главным информатором Радо был Рудольф Рёсслер, кличка «Люси», – коммунист, иммигрировавший в Швейцарию из Болгарии» (там же). Вполне возможно, речь идёт о том самом «великом разведчике» из ГРУ, о котором писал Резун-Суворов. Насколько я понимаю, именно этого «так до сих пор и не идентифицированного архипредателя» немцы называют «Вертером» («Werther») (см. приложение к мемуарам шофёра Гитлера **Эриха Кемпки** «I was Hitler's Chauffeur», с. 153). Заметим также, что помимо «Вертера» не менее загадочными и важными информаторами Рудольфа Рёсслера («Люси») являлись «Тедди», «Анна» и «Ольга». Во всяком случае, пока ничего, кроме догадок о том, кто стоял за упомянутыми псевдонимами, я в опубликованных источниках не обнаружил. Об этих догадках, кстати, мы поговорим несколько позже...

Ещё одно свидетельство Резуна-Суворова: «Помимо личных стенографисток и присяжных стенографов Рейхстага гениальные речи Гитлера постоянно фиксировались «полномочными военными историками фюрера» (**минимум один из которых работал на сталинскую разведку**)» («Самоубийство», с. 79). Кроме того, Суворов сообщает, что на Разведупр работал **«кто-то из высших руководителей Третьего рейха»**. При этом он цитирует «Красную звезду» за 23 декабря 1989 г.: «В Германии советской военной разведке удалось получить доступ к секретнейшей информации из самых верхних эшелонов власти» (там же, с. 78). Возможно, что это – всё тот же загадочный агент «Вертер», но, как уже говорилось, нельзя исключать, что у Сталина имелся в окружении Гитлера и ещё один супершпион. Резун специально подчёркивает, что в данном случае речь идёт не о главном доверенном лице Гитлера – Мартине Бормане. О секретаре Гитлера я в последнее время прочитал так много интересного, что посвящу ему отдельную главу...

Подведу некоторые итоги нашей довольно поверхностной «инвентаризации», основанной почти **исключительно на данных, полученных после агентурных провалов, в результате предательств и – в редчайших случаях – выборочного открытия советских архивов**. О тех советских суперагентах, кто пережил войну, мы, скорее всего, так никогда и не узнаем. Как можно заметить, я специально не касался сталинских разведчиков, работавших в Великобритании (в том числе и знаменитой «кембриджской группы»), США (получение секретов атомной бомбы), Японии (Рихард Зорге/«Рамзай», каким-то образом подтолкнувший «страну пребывания» к нападению на Америку) и прочих странах, сфокусировав своё внимание **лишь на тех, кто работал непосредственно против Германии**. Вот мои выводы:

1) В канун и в начале Великой Отечественной войны в Европе работали как минимум три действовавшие независимо друг от друга сталинские спецслужбы, опиравшиеся на мощную нелегальную сеть международной террористической организации – Коминтерна. О

деятельности одной из них – спецслужбе ЦК ВКП(б), подчинявшейся непосредственно Сталину, практически ничего не известно ;

2) У Сталина имелись сразу несколько агентов в высших военных и правительственных кругах Германии, дававших ему доступ к поистине уникальной информации о самых секретных планах Гитлера;

3) Нам известно по крайней мере о трёх агентах, имевших непосредственный доступ к Гитлеру: актриса Ольга Чехова, «кто-то из высших руководителей Рейха» и, наконец, один из «полномочных историков фюрера». Можно с большой долей вероятности предположить, что на самом деле круг лиц, сотрудничавших с советскими спецслужбами и имевших шансы на ликвидацию Гитлера накануне войны, был ещё шире.

Кроме того, накануне войны – весной 1941 года – НКВД (а возможно, и Разведупр) с неизвестной целью сосредоточил в районе Берлина значительные силы боевиков. Немедленно после нападения немцев на СССР эти боевые группы оперативников-диверсантов ничем себя не проявили. Тем не менее они не покидали Германию вплоть до 1944 года (а некоторые и до падения Берлина). В 1941–1943 годах их планировали использовать для ликвидации Гитлера. От этих планов Сталин отказался, когда стало ясно, что смерть «бесноватого» может привести к сепаратному миру между Рейхом и западными союзниками СССР. Возникает закономерный вопрос: **каким образом упомянутых диверсантов планировали использовать летом 1941 года и что этим планам помешало ?..**

Страсти по «Вертеру», или кто был источником агента «Люси»?

Мне показался странным тот факт, что, написав целую главу о так и не побеждённой до конца «Красной капелле», бывший глава политической разведки СД Вальтер Шелленберг ни словом не упомянул о другом – гораздо более тяжёлом – поражении германской контрразведки. Я имею в виду информацию о самых сокровенных планах германского Главного командования, которую вплоть до окончания войны поставлял Разведупру загадочный информатор Рудольфа Рёсслера («Люси») – агента уже упоминавшегося швейцарского резидента ГРУ Шандора Радо («Дора»). Из имеющихся в моём домашнем распоряжении источников лучше всего о до сих пор не разгаданном «Вертере» написал уже известный нам немецкий историк Пауль Карель (бывший переводчик Гитлера; настоящее имя – Пауль Карл Шмидт), тщательно поработавший с сохранившимися в германских архивах документами. Соответствующая глава второго тома его книги «Восточный фронт» так и называется: «Измена в Ставке фюрера». «Уже с весны 1942 года», – пишет Карель, – немецкая контрразведка обнаруживала множество свидетельств, что советское Верховное Главнокомандование постоянно получает информацию о наиболее тщательно охраняемых секретах относительно ведения войны Германией. Советам становятся известны объём производства военной промышленности, количество и состав армий на Восточном фронте, новые виды вооружений и, главное, **планы и намерения немецкого Верховного Главнокомандования**» («Восточный фронт», т. 2, с. 69). Он цитирует показания бывшего начальника германского Генштаба сухопутных войск генерал-полковника Франца Гальдера, данные тем в суде в 1955 году: «Почти все наступательные немецкие операции становились известны противнику, как только Главное командование Вермахта заканчивало их разработку, **даже до того, как планы ложились на мой стол**; всё это вследствие измены одного из сотрудников Генерального штаба сухопутных войск. **Всю войну мы не могли пресечь утечку информации**» (там же). Надо сказать, что подобный сенсационный вывод германское руководство сделало лишь на основе тех сообщений «Люси» (в Москву их затем передавала радистка ГРУ Рашель Дубендорфер, агентурная кличка «Сиси»), которые удалось перехватить и, соответственно, расшифровать. «Многие из них, – пишет Карель по поводу перехваченных донесений, – оставались непочитанными вплоть до 1944 года» (там же, с. 70).

Пару слов о самом Рудольфе Рёсслере. Информация, которую дают о нём разные источники, довольно противоречива, но я постараюсь сделать «выжимку». Понятно, что Рёсслер – немец, которому пришлось воевать в Первую Мировую. После прихода Гитлера к власти он, будучи то ли коммунистом, то ли «просто» антифашистом, эмигрировал в Швейцарию (напрямую или через Болгарию), где жил в Люцерне (отсюда, возможно, и агентурная кличка – «Люси») и занимался изданием литературы гуманитарного направления и книг по теологии. «По совместительству» он сотрудничал и с швейцарской разведкой – то есть являлся как минимум двойным агентом. Покровительство швейцарской спецслужбы, по всей видимости, объясняет и то, что Рёсслер столь долго находился на свободе. И это несмотря на то, что, по словам И. Бунича, не прерывавшаяся шпионская деятельность «Люси» и вызванное этим недовольство Германии чуть было не привели к немецкой оккупации Швейцарии! Впрочем, как убедительно показал П. Карель, швейцарцы получали от Рёсслера далеко не столь же полную информацию (которой они затем делились с англичанами), что и Москва. За свою помощь Рёсслер требовал (и получал) от Разведупра немалые деньги. Интересно отметить и то, что **на резидента советской военной разведки «Люси» вышел сам**. Этот поразительный факт не может не вызывать удивления: понятное дело, что нелегальный резидент ГРУ Шандор Радо не рекламировал свою принадлежность к сталинской спецслужбе и в красноармейской форме по Берну не расхаживал. Соответствующую информацию для опосредованного выхода на контакт Рёсслер мог получить лишь от другой спецслужбы. Где работали его «подсказчики» – в швейцарской контрразведке или в какой-то другой шпионской конторе – до конца неизвестно. Правда, у меня существует определённая догадка на этот счёт, но ею я поделюсь чуть позже... **Любопытно отметить и то, что как минимум в течение какого-то времени Москва не знала о том, что за псевдонимом «Люси» скрывался именно Рудольф Рёсслер.**

Не очень понятно, когда именно Рёсслер предложил свои услуги советской военной разведке: то ли, как утверждает И. Бунич, ещё до начала войны (передав, в частности, ещё в начале 1941 года в распоряжение ГРУ план «Барбаросса» – по-видимому, именно об этом факте упоминали маршал Гречко и Резун-Суворов), то ли практически сразу после начала германской агрессии, то ли значительно позже. Пока понятно лишь одно: сотрудничество началось **никак не позже марта 1942 года**. Скорее же всего – **буквально сразу после начала германского вторжения**. Рёсслер так никогда и не открыл, кто являлись его источниками в Германии. Существует вероятность того, что загадочный суперпредатель «Вертер» и другие информаторы Рёсслера, фигурировавшие под псевдонимами «Тедди», «Анна» и «Ольга», пережили войну и, попав на службу в Бундесвер и правительственные учреждения ФРГ, продолжали снабжать старого знакомого ценной развединформацией в течение нескольких лет после окончания Второй Мировой.

В первый раз швейцарская полиция арестовала Рёсслера (вслед за подчинёнными Шандора Радо; самого «Дору» укрыли швейцарские коммунисты) за шпионаж в середине мая 1944 года. Но после окончания войны с «Люси» – по ходатайству швейцарского Генштаба! – были сняты все обвинения, и его с извинениями выпустили на свободу. На этом он, правда, не успокоился и продолжал заниматься шпионажем, передавая германские секреты чехословацкой (и, соответственно, советской) разведке за вполне приличные деньги. Всего он получил 48 тысяч швейцарских франков плюс накладные расходы: немалые по тем временам средства. Во второй раз его арестовали в 1953 году (после случайной ошибки при пересылке секретной информации), судили и... дали всего двенадцать месяцев тюрьмы. Отсидев, Рёсслер («Люси») продолжал проживать в Швейцарии и умер в 1958 году, так и не раскрыв тайну настоящих имён своих источников – «Вертера» и всех остальных. Карель пишет: «Больше двадцати лет продолжается охота на «Вертера». Но пока никому не удалось напасть на его след» (там же, с. 74).

На самом деле, с 60-х годов – когда Карель писал свою книгу – **тайна «Вертера» так и осталась нераскрытой. Она, с моей точки зрения, является одной из самых интригующих загадок Второй Мировой войны**. Судите сами. По словам Кареля и

Гальдера, этот человек (хотя речь может идти и о группе людей) наверняка являлся высокопоставленным офицером Главного командования Вермахта и посылал свои донесения **непосредственно из Ставки фюрера** – соответственно, как абсолютно правильно считает Карель, он **входил в круг «посвящённых»** (там же, с. 72). «Сия история настолько ошеломительна, – делится немецкий историк, – что в неё было бы невозможно поверить, если бы не свидетельства бесспорно подлинных документов». Вот лишь один из приведённых им примеров: «28 марта (1942 года) во второй половине дня в Ставке фюрера состоялось секретное совещание (*прим. автора: посвящённое планам немецкого летнего наступления*). Через три дня резюме разговора ложится на стол генерала Гвисана (*швейцарская разведка*) в Берне. И ещё через двадцать четыре часа, 1 апреля, Рашель Дубендорфер отстукивает на своём тайном передатчике в Женеве: «Дора – Начальнику: первые распоряжения на немецкое летнее наступление...» Другим примером являются шифровки, отправленные в Москву, в которых с задержкой буквально в пару дней сообщались самые «интимные» подробности подготовки операции «Цитадель» – закончившегося провалом последнего стратегического наступления Вермахта на Восточном фронте. «Если сегодня, – пишет Карель, – просмотреть расшифрованные сообщения, переданные на частотах секретного швейцарского передатчика за недели, предшествовавшие «Цитадели» (*прим. автора: битва на Курской дуге*), то уже почувствуешь значительность операции. А ведь немецкая служба безопасности перехватила **лишь часть сообщений**. Однако этого вполне достаточно, чтобы понять, насколько превосходно работали агенты московского «Начальника». Ему сообщили о составе немецких наступательных группировок в обоих пунктах прорыва фронта «Цитадели». Ему сообщили точное количество немецких танковых дивизий и их боевой состав. Ему сообщили план, участки главных ударов и первые боевые цели – Обоянь и Малоархангельск. Разумеется, нельзя считать совпадением, что именно эти два объекта оказались так мощно укреплены, что успешно противостояли атакам немецких войск» (там же, с. 73).

Можно представить себе отчаяние немецкой контрразведки: **совершенно точно зная о том, что буквально в одном помещении с фюрером находится некий «архипредатель», сотрудники СД ничего не могли с этим поделать!** Они так никогда и не обнаружили ни малейших следов работы передатчика, который передавал информацию из «Вольфшанце» (Растенбург, Восточная Пруссия) в Швейцарию. Тайные засады спецгрупп с передвижными пеленгаторами, прятавшиеся в окрестных лесах, тщетно ждали выхода в эфир проклятого радиста-оборотня. Разумеется, о телефонных и телеграфных линиях и речи быть не могло: они давно и тщательно контролировались гестапо. Скорость, с которой сообщения «Вертера» попадали в Швейцарию, исключала возможность использования курьеров или, скажем, почтовых отправок (которые, так или иначе, тоже проверялись ведомством Мюллера). Из всего этого в СД сделали вполне логичный вывод: **«Что, если информация шла с обычных передатчиков Ставки фюрера**, передатчиков, которые передавали приказы армейским группам и армиям? Или непосредственно из Растенбурга, или из Берлина с ретрансляционного передатчика. Радисты там получали указания по поводу частоты и уже зашифрованные тексты. Что они отстукивали и куда это шло – им было неизвестно. Что, если кто-то поручал радисту отправить зашифрованное сообщение на частоте, которую Рёсслер или Хаусман (*прим. автора: швейцарская разведка*) прослушивали в Швейцарии? Однако это подозрение отвергли как абсурдное. Правда, оно было бы самым простым решением, однако казалось абсолютно невероятным. Оно предполагало, например, что этим занимался очень высокопоставленный офицер связи Генерального штаба вооружённых сил, что Рёсслер знал шифр и что в процесс был также вовлечён старший штабной офицер в штабе армий или группе армий. Дело в том, что отправленные шифровки все регистрировались и указывался получатель; в случае проверки старший офицер (либо начальник оперативного отдела, либо другой офицер подобного ранга) должен был подтвердить получение. Это казалось невозможным» (там же, с. 81). Пауль Карель подсказывает и другой аспект мучившей СД проблемы: «Но ведь время от

времени код меняли? Конечно, но код можно передать через курьера. Всё было возможно – если начальник Управления связи Вермахта в Генеральном штабе сухопутных войск или один из его высших офицеров входили в команду «Вертера» (там же, с. 81). Если это так, то источник Рёсслера/«Люси» действительно имел **практически неограниченный доступ к самой секретной информации Третьего рейха ...**

У П. Судоплатова насчёт того, кто был загадочным информатором Рёсслера, имеется своё мнение. «Сотни радиogramм в Москву от «Красной капеллы» (*прим. автора: думаю, Судоплатов считал группу Радо частью «Красной капеллы»*) из Швейцарии за период с **июля 1941-го до октября 1943 года** содержали ценнейшую информацию: приказы немецкого верховного командования, сведения о передвижении войск и массу оперативных подробностей боевых действий. Эта информация передавалась Рудольфом Рёсслером («Люци» или «Люси»), но он упорно отказывался назвать её источник советскому резиденту-нелегалу Шандору Радо. **Рёсслер, немецкий эмигрант, встретился с Радо, когда Гитлер напал на Советский Союз**. Он дал понять, что считает Радо связанным с советской разведкой, и предложил ему передавать информацию из немецких военных кругов» («Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы», с. 223). Считаю удивительным вывод, который, по словам Судоплатова, сделали в Москве: **«На самом деле Рёсслер передавал нам информацию, которую получал от англичан**. Английская разведка знала о работе группы Радо, поскольку ещё накануне войны внедрила своего агента в «Красную капеллу» в Швейцарии (*прим. автора: интересно, кто же им был?*) . По дипломатическим каналам в Лондоне через английскую миссию связи в Москве англичане не передавали эту информацию, опасаясь, что мы не поверим и потребуем назвать источник. Мы не знали тогда, что у англичан есть аналог немецкой шифровальной машины «Enigma», дававшей им возможность дешифровать немецкие радиogramмы. Сведения о ней поступили к нам в 1945 году от Филби и Кэрнкросса... Когда мы сравнивали разведанные от наших агентов в Швейцарии и из Лондона, то видели их разительное совпадение. Однако информация из Лондона кембриджской группы была более полной, а от группы «Люци» явно отредактированной. Ясно было, что информация «Люци» дозировалась и редактировалась британскими спецслужбами» (там же).

Лично я считаю предложенную версию совершенно невероятной. Прежде всего, если информацию агенту Рёсслеру-«Люси» «скармливали» англичане и началось это, по словам Судоплатова, в июле 1941 года, то почему они не делали этого до нападения Гитлера? Почему, имея подобный уникальный способ манипулирования тогда ещё совсем не «союзным» Советским Союзом, не попробовали подтолкнуть СССР к превентивному нападению на Германию? Ведь пытались же всячески «предупреждать» и подталкивать по другим – как прямым, так и опосредованным – каналам... Далее: проект «ULTRA» по расшифровке сообщений сетей «Энигма», разумеется, сильно помог британцам (а позже и американцам) во время войны. Но именно по этой причине они очень осторожно относились к предоставлению полученной сверхсекретной информации другим странам. Порой англичане сознательно шли на большие жертвы – лишь бы немцы не заподозрили, что у них «подсматривают через плечо». Даже американцы узнали о привалившем британской разведке счастье далеко не сразу – и то, когда островные «кузены» были вынуждены обратиться к ним за технической помощью для строительства так называемых «бомб» (первых компьютеров для расшифровки сообщений «Энигмы»).

Тем не менее **информация, касавшаяся СССР, которую англичане получали в рамках проекта «Ультра», исправно передавалась советской разведке**. И осуществлялось это через ту самую английскую военную миссию связи, которая, по словам Судоплатова, этого не делала. Согласно Кристоферу Эндрю и Олегу Гордиевскому, соответствующий приказ Черчилль отдал главе британской разведки Стюарту Мензису ещё **24 июня 1941 года**. Британский премьер сделал это, несмотря на громкие возражения последнего: начальник SIS опасался (как оказалось, зря) несовершенства теперь уже советских шифров, которые могли «расколоть» немцы – и таким образом узнать об

уязвимости собственных криптосистем («KGB. The inside story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev», с. 246). Да, англичане действительно не сообщали русским истинный источник информации (обычно делалась ссылка на «надёжный источник в Берлине») и соответствующим образом редактировали её (скажем, не указывали номеров воинских частей), но, тем не менее, ценнейшая информация «Ультры» исправно передавалась Советскому Союзу. И делалось это, даже несмотря на практически полное отсутствие встречных «дружеских услуг». Насколько я понимаю, англичане делились данными «Ультры» не «по октябрь 1943 года», как утверждает П. Судоплатов, а **на протяжении всей войны**.

Получается, что уже 24 июня 1941 года англичане решили забыть, что Советский Союз – государство-изгой, до недавнего времени считавшееся если не открытым врагом, то уж точно потенциальным противником, против которого планировались наступательные операции (вроде ударов по нефтяным полям Баку и Северного Кавказа). Не помешало У. Черчиллю и мнение британских военных аналитиков, высказывавшееся ими в июне 1941 года: Красная Армия продержится от полутора до трёх месяцев. Для проекта «Ультра» это могло означать, что уже в ближайшей перспективе переданную русским информацию вполне могли прочесть попавшие в Москву германские контрразведчики – как прочитали архивы спецслужб всех покорённых государств Европы. И тогда – конец заглядыванию в карты противника. Результат?.. Сотни судов с ценнейшими стратегическими грузами и десятки тысяч британских моряков оказались бы на дне Атлантики – вместе с надеждой избежать поражения в войне с Третьим рейхом.

К тому же, согласно Паулю Карелю (а также Вальтеру Шелленбергу и другим источникам), немцы получили возможность читать шифровки Радо и без взятия Москвы – когда агент другой сети ГРУ («Красной капеллы») Гуревич («Кент») был схвачен в Марселе в ноябре 1941 года. Он-то и выдал код, чтобы спасти жизнь своей возлюбленной Маргариты Барш (Барча) и их ребёнка («Восточный фронт», том 1, с. 47). Неужели немецкая разведка оказалась глупее советской и не сравнила расшифрованные донесения, якобы предоставленные англичанами, с сообщениями германских «первоисточников»? Это наверняка было сделано – хотя бы для того, чтобы идентифицировать так и не найденного «архипредателя Вертера». Но германские «энигмы» не прекратили работу, и британская разведка продолжала «заглядывать через плечо» немцев вплоть до конца войны. Англичане оказывали свою ценнейшую помощь советской разведке, несмотря на весьма ограниченные в то время ресурсы Блетчли-парка и проблемы, возникавшие с решением первоочередных задач – поддержки противолодочной борьбы британцев в Атлантике и наземных операций в Африке. Тем, кто в этом сомневается, предлагаю заглянуть в книгу **ХьюСебаг-Монтефиоре** «Enigma. The Battle for the Code», в которой он цитирует письмо от 21 октября 1941 года, подписанное лучшими дешифровальщиками Блетчли-парка (включая Алана Тьюринга и Хью Александера) премьеру Черчиллю. Тема послания – острая нехватка кадров, которая приводила к тому, что «определение морских ключей ежедневно задерживалось как минимум на двенадцать часов» (перевод с английского мой, с. 182).

Мало того, согласно К. Эндрю и О. Гордиевскому, уже **с лета 1942 года** (а не «в 1945 году» – как пишет П. Судоплатов) **неотредактированные сообщения «Ультры»** в Москву начал сообщать советский шпион в Великобритании – уже упоминавшийся бывшим главным диверсантом НКВД член «кембриджской группы» Джон Кэрнкросс. Иными словами, **в СССР поступала оригинальная информация «Ультры»**, и гадать о степени идентичности (или, скорее, отсутствия таковой) этих данных сообщениям «Люси» более не приходилось. Но разжалованный Хрущёвым бывший генерал-лейтенант НКВД почему-то ни словом не упоминает об этом... Вдобавок, ещё до окружения германской группировки под Сталинградом советская разведка, по мнению немцев, могла читать как минимум старые сообщения некоторых сетей «Энигма», воспользовавшись захваченными у немцев армейскими шифромашинами и «убедив» в необходимости сотрудничества попавших в плен немецких специалистов-криптографов. Не менее двадцати шести шифромашин имелись в

распоряжении 6-й армии Паулюса. По-видимому, какие-то из них тоже попали в руки советских спецслужб. Всё это даже привело к замене устаревших машин «Энигма», использовавшихся до того времени менее важными сетями связи Вермахта на Восточном фронте, на более совершенные версии («KGB. The inside story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev», с. 250).

Считаю маловероятным и то, чтобы такие вещи, как оперативные планы германского Главного командования, посылали по радио: гораздо надёжнее было передать эти совершенно секретные, составленные порой в нескольких экземплярах, документы с помощью спецкурьеров (те, впрочем, тоже порой попадали в руки противника) или, на худой конец, секретной проводной телеграфной связью (аппараты «Боден»). Одно дело – давать инструкции находящимся за сотни миль субмаринам или сообщаться со штабом воюющего в Северной Африке Роммеля. Но ведь между Германией и Восточным фронтом существовали как минимум две (принадлежавшие Вермахту и Люфтваффе) надёжные проводные сети, на строительство которых потратили сотни тонн дефицитного медного провода...

Как-то «забыл» П. Судоплатов и о том, что **связь с «Вертером» являлась двусторонней** : Москва имела возможность буквально **заказывать ему ту или иную информацию** . Ответы, судя по перехваченной немцами переписке, исправно получались в течение считанных дней. Так, согласно Карелю, «16 февраля 1943 года «Начальник» приказывал «Доре»: «Безотлагательно выясните у Вертера через Люси, эвакуируются ли Вязьма и Ржев». И 22 февраля: «Немедленно (!) получите от Вертера планы Генерального штаба сухопутных войск относительно задач группы армий Клюге». И каков был ответ? – вопрошает немецкий историк. – «Вертер» предоставил нужные сведения», – сам же отвечает он («Восточный фронт», том 2, с. 72). И это только один из приведённых им примеров... «Когда Москве требовались сведения особой важности, – подсказывает Карель, – какие-то **конкретные** секреты высшего руководства, в радиogramмах зывали к «Вертеру». «Вертер» должен сделать то, «Вертер» должен сделать это. Всегда «Вертер» (там же). Любому, кто прочитал хоть одну книгу о проекте «Ультра», будет понятно, что у англичан подобной роскоши не имелось: **читали то, что могли** , и искренне благодарили за это Бога.

Наконец, последний контраргумент: если П. Судоплатов прав, то **почему британцы до сих пор держат в секрете факт оказания Советам этой ценнейшей помощи ? Зачем им скрывать от всех, что «Вертер» служил в Блетчли-парке?** Секрет «Ультры» перестал быть секретом в 1974 году. Уверен, что тот же Хью Себаг-Монтефиоре (не путать с Симоном Себаг-Монтефиоре) и Кристофер Эндрю при написании своих книг обязательно раскопали бы в британских архивах и опубликовали столь «сочную» информацию. Узнал же ведь Эндрю о передаче британцами данных «Ультры» советской разведке по официальным каналам... **Зачем англичанам-то подобные вещи в тайне держать?!**

Поскольку всё это П. Судоплатов наверняка прекрасно знал и сам, то могу с большой степенью уверенности утверждать: «утку» о том, что тайным информатором Рудольфа Рёсслера («Люси») были англичане, предоставлявшие СССР «отредактированные» расшифровки сообщений сетей «Энигма», он запустил с единственной целью – отвлечь историков от поисков настоящего имени (или имён) источника. Моё мнение: **П. Судоплатов очень не хотел, чтобы настоящее имя суперагента СССР узнали даже спустя полвека после окончания Второй Мировой войны и после крушения советской империи.** Я, как и Пауль Карель, уверен: **в Москве знали, кто скрывался за псевдонимом «Вертер»** . А зная, верили ему на «все сто». И в этой связи не могу не отметить: тайну «Вертера» могло бы открыть миру сегодняшнее российское руководство – будь на то соответствующие желание и политическая воля. Но почему-то не открывает. И это наводит на определённые размышления...

Кто вы (и где вы), Мартин Борман?

«Борман (Bormann) Мартин (1900–1945?), один из главных нацистских военных

преступников» – так, многообещающе, с жирного знака вопроса, сопровождающего год его смерти, начинается статья о личном секретаре Гитлера в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945» (с. 108). От легенд о том, что произошло с Борманом в ночь с 1 на 2 мая 1945 года – когда он исчез из бункера рейхсканцелярии, честно говоря, захватывает дух. Но для начала коротко поговорим о жизненном пути этого человека – по выражению бывшего шофёра Гитлера Эриха Кемпки, «самой ненавидимой и деспотичной личности в ближайшем окружении Гитлера» («I was Hitler's Chauffeur», здесь и далее перевод с английского мой, с. 37) и о его месте в нацистской иерархии. Мартин Борман родился 17 июня 1900 года в городе Хальберштадт в семье почтового служащего. У него было не очень счастливое детство: донимал чересчур религиозный отчим, что привело к побегу из дома в возрасте 15 лет. Возможно, именно из-за отчима-католика он и стал рьяным противником христианства. В возрасте 17 лет юный Мартин пошёл добровольцем в армию, но его артиллерийский полк так и не успел принять участия в боевых действиях. После поражения Германии в Первой Мировой войне Борман записался в ряды правой военизированной организации «Фрайкорп» и принимал участие в борьбе с большевиками на территории Латвии. В 1923 году был осуждён за помощь Рудольфу Гессу в убийстве школьного учителя последнего – тот якобы выдал французским оккупационным властям в Руре нацистского «мученика» Лео Шлагетера. После недолгой отсидки за «непредумышленное» убийство Мартин Борман вступил в нацистскую партию и штурмовые отряды СА. Уже в 1926 году он – представитель национал-социалистов по связям с прессой и одновременно заместитель начальника отрядов СА в Тюрингии. В 1928–1930 годах Борман входил в состав высшего руководства СА. В 1929 году «правильно» женился – на Герде Бух, дочери председателя партийного суда НСДАП, которого высоко ценил Гитлер. В 1932 году стал главой «Кассы взаимопомощи» (*Sturmabteilung*) СА, помогавшей семьям «павших борцов». «Творчески» использовал вверенные ему средства для помощи Гитлеру в приобретении имения в Оберзальцберге, ставшего впоследствии знаменитым Бергхофом. В 1933 году был выбран в рейхстаг. Принял активное участие в уничтожении вчерашних соратников по штурмовым отрядам. С 1933 по 1941 год Борман являлся правой рукой и личным секретарём заместителя фюрера Рудольфа Гесса. В этот период он фактически превратился в главного финансиста партии и личного «казначея» Адольфа Гитлера. С 1935 года Борман руководил организацией партийных съездов НСДАП.

После сенсационного полёта Рудольфа Гесса с «миссией мира» в Великобританию 10 мая 1941 года влияние Бормана возросло ещё больше: оставаясь главным контролёром денежных потоков и управляющим партийной собственностью, он стал начальником партийной канцелярии. В 1942 году он был назначен ответственным за кадровую политику нацистской партии, получив ранг рейхсминистра. С 1943 года – личный секретарь Гитлера. В этом качестве, получив немалые административные полномочия и взяв под свой контроль информацию, поступающую к вождю, он умело оттор от фюрера прочих *партайгеноссен* – Геринга, Гимmlера, Геббельса и Шпеера. В итоге Геринг попал в опалу, а доверие фюрера к Гимmlеру резко упало. С конца 30-х годов до самой смерти Гитлера Борман безусловно являлся одним из самых его доверенных подручных. Широко известно высказывание самого Гитлера на этот счёт: «мой самый преданный соратник». Фюрер был крёстным отцом Мартина Бормана-младшего. Последний, являющийся ныне католическим священником, в данном несколько лет назад интервью подтвердил, что религия в семье Борманов «была под запретом», а его отец «верил только в фюрера». Борман являлся свидетелем при бракосочетании фюрера и Евы Браун. «Фазенда» Бормана, располагавшаяся рядом с резиденцией Гитлера в Оберзальцберге, поставляла овощи и другие продукты к столу фашистского диктатора. Перед Второй Мировой войной и в ходе её Борман часто оказывал непосредственное влияние на то, кто имел прямой ежедневный доступ к Гитлеру: так, благодаря ему, были отстранены от должностей телохранитель фюрера И. Дитрих и адъютант В. Брюкнер. Его называли «тенью» Гитлера и «серым кардиналом». Именно Борман стал основным проводником политики геноцида евреев и других «недочеловеков»:

его декрет от 1 июля 1943 г. предоставил Адольфу Эйхману и гестапо широчайшие полномочия по уничтожению евреев. В том числе и за это 1 октября 1946 года Нюрнбергский трибунал заочно приговорил его к смерти. Интересно отметить, что адвокат строил защиту на том простом факте, что его клиент мёртв и, соответственно, более неподсуден суду земному. Борман являлся свидетелем самоубийства Гитлера и четы Геббельсов, предварительно отравивших своих детей. Сам он, кстати, планировал поступить точно так же со своими многочисленными отпрысками (у него было десять детей), но тем повезло: доверенные лица рейхсфюрера предпочли проигнорировать переданный по радио приказ босса. Именно Борман выполнил инструкции Гитлера и послал адмиралу Деницу сообщение о том, что тот назначен преемником фюрера и последним главой Третьего рейха. В ночь с 1 на 2 мая 1945 года Борман покинул бункер рейхсканцелярии и... исчез.

Судя по воспоминаниям знавших его современников, Мартин Борман был, что называется, «редкой сволочью». Прежде всего, он являлся выдающимся лицемером, способным, по словам Эриха Кемпки, униженно лебезить перед теми, кого он, достигнув нужного, без колебаний предавал. После сенсационного полёта Гесса в Великобританию в мае 1941 года Борман не только приказал уничтожить все книги, упоминавшие бывшего любимца фюрера, он также поменял имя своего сына, названного Рудольфом в честь прежнего босса. Желая угодить Гитлеру, он притворялся вегетарианцем, но при случае не брезговал котлетами, бифштексами и копчёной колбаской. Мартин Борман являлся настоящим тираном для своей семьи и садистом-самодуром для непосредственных подчинённых. Мелочный и злопамятный завистник, систематически оттиравший от Гитлера всех, к кому тот относился с симпатией, – будь то Геббельс, Геринг или обыкновенный адъютант. Чрезвычайно амбициозный и властный, в последние годы жизни Гитлера Борман старался присутствовать практически на каждой встрече фюрера с тем или иным человеком и полностью контролировал «доступ к телу». Собеседники Гитлера часто жаловались, что он бесцеремонно влезал в разговор и заканчивал фразы за других. По признанию Эриха Кемпки, Бормана боялись даже самые высокопоставленные нацисты – рейхсфюреры и гауляйтеры (эквивалент советских первых секретарей обкомов). Единственными чертами этой «дьявольской личности», вызывавшими уважение у посторонних, являлись поистине нечеловеческая работоспособность и умение выполнять любое распоряжение Гитлера – «без колебаний, наперекор любым препятствиям и в кратчайшие сроки» («I was Hitler's Chauffeur», с. 45). «Влияние Бормана на Гитлера, – резюмирует Эрих Кемпка целую главу, посвящённую «серому кардиналу», – возможно, самая печальная глава в истории Третьего рейха. Говоря о падении Гитлера, нельзя забывать о Бормане. Вне всяких сомнений, он несёт огромную ответственность за общее развитие событий, трагически закончившихся 30 апреля 1945 года в берлинской рейхсканцелярии (*прим. автора: имеется в виду самоубийство Гитлера*) (там же, с. 46).

Впрочем, существовало и иное мнение. Его озвучила в своих мемуарах бывшая секретарша Гитлера Криста Шрёдер (она, подчеркну, отказалась от гонораров, а сами воспоминания были изданы уже после её смерти): «По моему мнению, – писала она, – многие слухи о Бормане не имеют под собой никаких оснований. Он не стремился к власти и не являлся «серым кардиналом» в окружении Гитлера. Как по мне, он был один из немногих национал-социалистов, который, если можно так сказать, имел «чистые руки». Он был неподкупным сам и всегда преследовал коррупцию везде, где её обнаруживал. Из-за жёсткого отношения к коррупции он нажил много врагов среди членов партии и во многих других кругах. Сегодня я придерживаюсь того мнения, что Борман был единственным в окружении Гитлера, кто мог справиться с возложенной на него работой» («He was my chief», здесь и далее перевод с английского мой, с. 9). Вот те на! Вместо «редкой сволочи» и «законченного лицемера» простая и честная девушка Шрёдер увидела кристально-чистого партийца, совершенно правильно гонявшего прогнивших «перерожденцев» (а заодно свою семью и бедных подчинённых). Получается, что огромные власть и влияние он собрал исключительно из-за (и благодаря) своей всепоглощающей любви к германской нации и её

фюреру. Интересно, а где тогда этот нацистский Сольц нашёл немалые деньги на покупку «фазенды»? Той самой, что рядом с поместьем Гитлера в Оберзальцберге? Жена в приданое принесла?... Почему-то вспоминается, как, попав на таможенную, боролся с коррупцией гоголевский Чичиков. В общем, я осторожно отношусь к этой образцовой характеристике, данной Кристой Шрёдер: может, Борман ей шоколадки дарил и комплименты делал... Интересно, что Гиммлер – действительно известный своей принципиальной честностью во всём, что касалось партийных и государственных средств, – таких же добрых слов со стороны гитлеровской секретарши не заслужил. Обобщая все эти факты, характеризующие личность Бормана, я всё никак не мог отделаться от мысли, что он кого-то мне напоминает...

Когда я, наконец, понял, кого, то сильно удивился: дело в том, что **по своим качествам «наци номер два» Мартин Борман во многом походил на главного большевика – И.В. Сталина**. С тем, разумеется, отличием, что Иосиф Виссарионович гораздо меньше церемонился с советским «фюрером» – Лениным В.И. – в последние годы его жизни, достаточно быстро забрался по трупам соратников на вершину властной пирамиды и сумел усидеть на этой вершине в течение почти трёх десятилетий. Большую часть вышеуказанной информации о Бормане можно найти в Википедии и прочих широко доступных источниках (например, уже цитировавшихся мною мемуарах секретарши Гитлера Кристи Шрёдер и его шофёра Эриха Кемпки). Но кое-что в Википедию не попало...

«В биографии Мартина Бормана, – пишет Виктор Суворов в своей книге «Самоубийство», – было некое пятнышко, которое он старался не выпячивать. В 1919 году он воевал в Прибалтике против Красной Армии. И попал в плен, в спецлагерь в районе Осташкова. В то время лагерь-монастырь находился в подчинении Региструпра. Это учреждение, сменив несколько вывесок, в настоящее время известно под названием ГРУ. В начале 20-х годов главной задачей Региструпра и его начальника товарища Уншлихта была подготовка коммунистической революции в Германии. В Осташкове Региструпр держал пленных иностранцев. Там будущий заместитель Гитлера по партии мотал срок в 1920 и 1921 годах» (с. 98). По словам Суворова, из лагеря возмужавшего Бормана отпустили «с миром». «Причина проявленного гуманизма, – подчёркивает Резун-Суворов, – мне неизвестна». Правда, чуть позже он таки не удержался и назвал его «сталинским осведомителем» (там же). Упомянул он и о том, что «после войны шеф западногерманской разведки генерал Гелен считал и открыто заявлял, что Мартин Борман работал на Сталина» (там же). Надо сказать, что Владимир Богданович совершенно прав: Гелен, закончивший войну начальником отдела «Иностранных армий востока» Вермахта, ответственного за сбор развединформации о Красной Армии и СССР, действительно открыто выражал подобное мнение.

Я не поленился и прочитал мемуры Гелена. Вот соответствующая цитата (здесь и далее перевод с английского мой): «К этому времени (*прим. автора: весна 1943 года*) я пришёл к выводу, что **русские располагали великолепно информированным источником в высшем германском командовании**. Канарис и я абсолютно независимо друг от друга неоднократно замечали, что противник быстро получал детальную информацию о происшествиях и решениях на высшем уровне, принимаемых германской стороной. В один прекрасный день Канарис прибыл в мою штаб-квартиру в Ангербурге и в ходе продолжительной беседы дал понять, кого он подозревал в предательстве. Мне кажется, что, даже пойдя на этот шаг, он не сообщил мне всего, что знал. Подозреваемым оказался человек, в отношении которого я и сам долгое время испытывал сомнения. **Русские так и не раскрыли эту тайну – ни сразу после войны, ни позже.** Я и сам окончательно поверил в это лишь спустя много лет после войны. Когда я уже являлся начальником службы Гелена в Западной Германии, в моём распоряжении оказалась определённая информация. То, что рассказал мне Канарис, касалось той роковой роли, которую сыграл конфидент Гитлера Мартин Борман как в последние годы войны, так и после её окончания. Борман, являвшийся личным секретарём Гитлера с начала 1943 года и начальником канцелярии Нацистской партии после полёта Рудольфа Гесса в Шотландию в мае 1941 года, с самого начала войны с

Россией был главным шпионом и советником Москвы. Нет никаких подтверждений время от времени появляющимся слухам о том, что Борман до сих пор (*прим. автора: это писалось в начале 70-х*) прекрасно себя чувствует и проживает под охраной до зубов вооружённых телохранителей где-то в непроходимых джунглях между Парагваем и Аргентиной. **В мае 1945 года он перебежал к русским и был переправлен в Советский Союз.** Я считаю, что на момент нашего разговора у Канариса не хватало доказательств. Наши подозрения во многом подтвердились, когда, независимо друг от друга, мы обнаружили, что Борман и его группа имели доступ к неподнадзорной сети радиопередатчиков и использовали её для посылки зашифрованных сообщений в Москву. Когда об этом сообщила служба радиоперехвата ОКВ, Канарис потребовал проведения расследования. Но ему было сказано, что Гитлер лично и самым категорическим образом запретил любое вмешательство: он якобы был заранее проинформирован Борманом об этой «радиоигре» с использованием фальшивых сообщений и одобрил её. Это всё, что нам было известно к концу войны. Канарис и я прекрасно понимали, что о слежке за Борманом – самым могущественным после Гитлера человеком в нацистской иерархии – не могло быть и речи. Ни одному из нас не удалось бы выдвинуть обвинение против рейхсляйтера и добиться успеха. Неприятие, которое Гитлер выражал по поводу моих разведотчётов, какими бы достоверными они ни оказывались впоследствии, являлось одним из факторов. Другим фактором было становившееся всё более неустойчивым положение Канариса и Абвера. Малейшее неосторожное движение могло положить конец как нашим расследованиям, так и, весьма вероятно, нам самим. Канарис объяснил мне суть его подозрений в отношении Бормана и сообщил о своей теории касательно причин, вызвавших предательство последнего. Он не исключал возможности того, что Бормана шантажировали, но всё же склонялся к тому, что действительным мотивом являлись огромные и неутолённые амбиции рейхсляйтера. Того мучили комплексы, вызванные его сложным положением, а также не давало покоя стремление в один прекрасный день стать преемником Гитлера. Теперь мы, разумеется, знаем, как хитро Борман добился дискредитации в глазах Гитлера своих главных соперников – Геринга и Геббельса. Лишь в 1946 году – когда я возглавил свою собственную разведывательную организацию – мне удалось заняться выяснением деталей загадочного спасения Бормана из берлинского бункера Гитлера и его последовавшего исчезновения. Через некоторое время я получил исчерпывающие доказательства передвижений Бормана после войны. В 1950-х годах мне передали два независимых отчёта из-за «железного занавеса», которые свидетельствовали о том, что **Борман являлся советским агентом и после войны проживал в Советском Союзе под отличным прикрытием в качестве советника Москвы. Там он и умер**» («The Service», с. 71). Иными словами, Канарис и Гелен считали, что именно Борман мог быть тем самым «Вертером» – загадочным суперагентом Москвы. Впрочем, о самом Канарисе, и о том, почему он мог пытаться «свалить» Бормана, мы поговорим чуть позже...

Покопавшись в имеющихся у меня источниках, я, в частности, выяснил, что в сентябре 1971 года Гелен рассказал чиновнику магистратуры Франкфурта, расследовавшему дело об исчезновении Бормана, что в «в 1946 или 1947 году один из его контактов, находясь в ГДР, видел еженедельный новостной киножурнал *Augenzeuge* с описанием спортивного события в Москве. Камера, снимая лица болельщиков, зафиксировала и Бормана». Гелен, правда, отказался повторить сказанное под присягой (с. 154 приложения к «I was Hitler's Chauffeur»). Означает ли последнее, что Гелен был не уверен в правдивости своих обвинений? Несмотря на то, что я пока не убеждён в его правоте, нельзя не отметить следующее. Во-первых, любой, прочитавший мемуары генерала Гелена, может убедиться в том, что этот человек дорожил своей репутацией и вряд ли стал бы делиться подобными сенсационными разоблачениями, не имея в руках весомых фактов. Да и за язык его никто не тянул: в конце концов, даже по мнению самого создателя БНД, Борман к тому времени был мёртв, и какие-либо обвинения в его адрес уже не могли иметь особого значения ни для бывшего рейхсляйтера, ни для его потомков, ни для Германии. Во-вторых, нежелание Гелена

открывать свои настоящие источники представителям западногерманских властей абсолютно понятно: будучи ответственным человеком, он никогда не стал бы подвергать даже малейшей опасности своих бывших подчинённых, работающих за «железным занавесом». Впрочем, как уже было сказано выше, я не стал бы торопиться и с полным принятием обвинений Гелена на веру. Дело в том, что после войны бывшие руководители гитлеровских спецслужб неоднократно обвиняли друг друга в сотрудничестве с теми или иными странами, являвшимися членами антигерманской коалиции.

Так, Вальтер Шелленберг прямо обвинил шефа гестапо Генриха Мюллера в том, что ещё в ходе войны тот, используя «радиоигры» с советской разведкой, начал работать на Сталина. Якобы уже в начале 1943 года пьяный Мюллер признавался Шелленбергу в своём восхищении стойкостью расстрелянных членов «Красной капеллы», утверждал, что «Сталин стоит на правильном пути» и призывал «скорее пойти с ним на компромисс». После этого довольно невероятного для двух злейших врагов-конкурентов застольного разговора (попробуйте представить себе Меркулова, по пьяному делу признающего Кобулову в симпатиях к фашизму и Гитлеру) Шелленбергу якобы «стало ясно, что Мюллер полностью изменил взгляды и больше не думает о победе Германии» («Мемуары», с. 346). Как будто он сам после Сталинграда об этой победе думал! Как бы то ни было, в 1950 году один из помощников Шелленберга – Вальтер Хаген – справедливо заметил, что «совершенно точно известно одно: после смерти Гитлера он (*Мюллер*) исчез из рейхсканцелярии вместе со своим близким другом Шольцем, и о них больше никогда не слышали» (с. 156 приложения к «*I was Hitler's Chauffeur*»). Подался ли Мюллер в Москву или – как утверждают другие – проживал в США, сотрудничал с ЦРУ и был советником Трумэна (опубликованы даже его дневники той поры, в подлинность которых лично я не верю)? Кто знает...

Но известно также, что сам Шелленберг после выхода из тюрьмы, по всей видимости, сотрудничал с английской разведкой. А обвинитель Бормана и создатель западногерманской разведки БНД – генерал Райнхард Гелен – сознательно сдался со всеми архивами американцам и много лет работал на ЦРУ. Иными словами, сам факт того, что тот или иной гитлеровский шпион или контрразведчик после войны работал на Москву, Вашингтон или Лондон, **совсем не означает, что это сотрудничество началось ещё до поражения Германии**. А столь уважаемый Геленом шеф Абвера адмирал Канарис вообще являлся предателем в течение всей войны и передавал англичанам (и многим другим) важнейшие военные секреты Рейха – вроде точной даты начала операции «Гельб» – 10 мая 1940 года. Но Гелен решил не ворошить прошлое и не трогать прах замученного нацистами старого разведчика, поскольку тот (по имевшейся у него информации) предавал Германию «правильным людям» – в отличие от «неправильных» большевиков.

Интересно, что П. Судоплатов, читавший и даже цитировавший мемуары Гелена («Служба» в русском переводе), предпочёл проигнорировать свидетельство западногерманского генерала-разведчика. Зато старый диверсант написал по этому поводу следующее: «Среди устойчивых мифов о работе советской разведки в годы войны, в особенности после нашумевшего сериала «Семнадцать мгновений весны», широко распространена версия о сотрудничестве Бормана с советской разведкой. Не раз опровергались слухи о том, что Борман тайно был вывезен в Москву и захоронен на одном из московских кладбищ» («Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы», с. 193).

По-видимому, Судоплатов имел в виду версию историка Бориса Тартаковского, утверждавшего, что маршал Ерёменко перед смертью в 1970 году якобы поведал ему, что Мартин Борман – советский агент (партийный псевдоним «Карл»), завербованный ещё в конце 20-х годов по рекомендации Эрнста Тельмана и будто даже лично встречавшийся в Москве с И.В. Сталиным. По словам Тартаковского, 1 мая 1945 года Мартин Борман сообщил по радио советскому командованию о своём местонахождении, и в условленное время был встречен в районе охваченной огнём рейхсканцелярии отрядом тяжёлых танков во главе с начальником военной разведки СССР генералом И. Серовым. Есть информация и о том, что на Лефортовском кладбище в Москве существует могила со скромной надписью:

«Мартин Борман» 1900–1973». Впрочем, «московскую версию» послевоенного существования Бормана «продвигали» и западные авторы: например, Хуго Беер (Hugo Beer) и Д. Марке (J.O.E.O. Mahrke).

Лично я не верю в то, что Мартин Борман **в ходе войны** действительно работал на Сталина или кого-либо ещё (конечно, помимо Адольфа Гитлера и, разумеется, себя самого). Прямой шантаж фигуры такого масштаба, как мне кажется, дело практически невозможное. Пойти в такой ситуации к Гитлеру и покаяться имело бы гораздо больше смысла, чем многие годы рубить сук, на котором было вполне удобно сидеть. Что касается амбиций, то они, разумеется, у Бормана имелись. Но мог ли он серьёзно рассчитывать на то, чтобы занять место Гитлера? По-моему, он прекрасно видел то, что понимали и другие: «Партия и гауляйтеры, – писал по этому поводу личный помощник Гитлера Линге, – были у Бормана в кулаке. Но, исчезни Гитлер, Борман – человек, практически неизвестный широким массам – оказался бы абсолютно бессильным» («With Hitler to the end», здесь и далее перевод с английского мой, с. 114.). Собственно, когда Гитлер покончил с собой, Борман не только не попытался захватить власть (вернее, то, что от неё оставалось), но и в точности выполнил распоряжения фюрера относительно того, как и кому её передать. Напомню: телеграмму адмиралу Деницу о назначении того на высшую должность в государстве послал именно Борман. Да и прорывался-то он после смерти фюрера, по словам Кемпки, именно на север, во Фленсбург – к Деницу («I was Hitler's Chauffeur», с. 149).

Но, как правильно пишет П. Судоплатов, «дыма без огня, как известно, не бывает». И... оговорил следующим откровением: «Хотя Борман никогда не сотрудничал с нами, он, так же как и шеф гестапо Мюллер, постоянно находились в сфере нашего внимания. Когда Борман был ещё никому не известным рядовым функционером нацистской партии и проживал в 1930 году в скромном пансионате под Веной, **с ним поддерживал «полезное знакомство» крупный нелегал нашей разведки Борис Афанасьев**. В сообщениях Афанасьева Центру давались развёрнутые характеристики и оценки личности Бормана, вносились предложения о его активной разработке. Но Афанасьев, к сожалению, «засветился» в ряде наших операций во второй половине 1930-х годов, и **его попытки перед самой войной восстановить полезные знакомства и бывшие связи в Германии и Швейцарии успехом не увенчались**. Все слухи о приезде Бормана в СССР в мае 1945 года – сплошные домыслы» (там же, с. 194).

Вполне возможно, что домыслы о проживании товарища «Карла» в Москве – такие же сказки, как и легенда о проживании Бормана в Лондоне. Но такая версия, выдвинутая бывшим английским разведчиком Кристофером Крейтоном (Christopher Creighton.), тоже существует. В своей книге «Op JB» он, в частности, утверждает, что Мартин Борман был похищен английской разведкой МИ-6 и переправлен в британскую столицу. Там ему якобы сделали пластическую операцию, и он прожил в Англии до 1956 года, после чего «наци номер два» переправили в Парагвай, где он и умер в 1959 году. По другим данным, Борман никуда из Англии не уезжал, а жил там вплоть до своей смерти в 1989 году. А многочисленные «встречи» с Борманом самых различных людей в Европе и Латинской Америке – это, мол, результат деятельности специально найденных британской разведкой двойников. Латиноамериканскую версию послевоенных приключений Бормана поддерживал и советский историк Лев Безыменский, считавший, что о бывшем нацисте заботился «империализм США». Как минимум одна из версий – «московская», «латиноамериканская» или «лондонская» – является, таким образом, полной выдумкой: если бы Борман и спасся, то никак не мог находиться в распоряжении трёх разведок одновременно. Более обширную информацию, касающуюся легенд о послевоенной жизни Мартина Бормана, можно найти в Интернете: например, по адресам http://www.hrono.ru/biograf/bio_b/borman.php и <http://www.peoples.ru/military/fascism/borman/interview.html>. Несмотря на весь мой скепсис в отношении легенд о послевоенных похождениях Мартина Бормана, я всё же решил провести свой личный короткий анализ имеющейся в моём распоряжении информации, касающейся обстоятельств его якобы имевшей место гибели при прорыве из горящей рейхсканцелярии.

Признаться, результаты меня удивили...

Борман: «жизнь» после «смерти»?..

Начну с того, что основными свидетелями якобы имевшей место гибели Мартина Бормана являлись бывший шофёр Гитлера Эрих Кемпка, бывший «батлер» фюрера Хайнц Линге и шеф гитлерюгенда Артур Аксман. Вот краткое изложение версии Кемпки, приведённое им в послевоенных мемуарах. В ночь с 1 на 2 мая 1945 года большинство находившихся в рейхсканцелярии и не покончивших жизнь самоубийством германских военных, эсэсовцев охраны, секретарш, стенографистов, врачей, медсестёр, обслуживающего персонала бункера, партийных и правительственных чиновников решили прорываться из советского окружения. Они вполне справедливо полагали, что вскоре могут оказаться в руках Красной Армии, и что, случись такое, им может не поздоровиться. Группа, состоявшая примерно из ста человек (в том числе тридцати женщин) во главе с Кемпкой (его эсэсовский чин оберштурмбаннфюрера соответствовал званию армейского подполковника) прорывалась на север – в направлении Фербеллин. Когда группа добралась до станции Фридрихштрассе, Кемпка отправился на разведку. Вернувшись, он предложил членам группы разбиться на более мелкие отряды и двигаться к месту сбора, назначенному у здания Адмиралтейства.

Примерно в 2.00 ночи 2 мая к группе присоединились Мартин Борман, одетый в эсэсовскую генеральскую форму обергруппенфюрера, госсекретарь Вернер Науман, адъютант Геббельса Швегерман и последний врач фюрера – Людвиг Штумпфеггер. Откуда ни возьмись, появились три танка Pz.III (по другим данным – три «тигра») и три бронетранспортёра дивизии СС «Нордланд» (была сформирована из добровольцев, приехавших в Германию из скандинавских стран) под командой оберштурмфюрера Хансена. Повинуясь приказу, эсэсовцы тоже прорывались на север. Было решено под прикрытием танков двигаться в направлении Цигельштрассе. Борман и Науман следовали за передовым «панцером», двигавшимся с небольшой скоростью. Они находились с левой стороны танка, за башней. Кемпка и Штумпфеггер следовали непосредственно за ними. В какой-то момент советские войска открыли по прорывавшейся группе бешеный огонь – «из всего, что у них было». «Через секунду, – описывал произошедшее Кемпка, – на броне танка неожиданно вспыхнул адский язык пламени. Находившихся передо мною Бормана и Штумпфеггера разбросало в стороны взрывной волной. В то же мгновение меня оглушило. Штумпфеггера бросило на меня, я полетел в сторону и потерял сознание» («I was Hitler's Chauffeur», с. 95).

Потеря сознания означала, что Кемпка был сильно контужен. Странно, впрочем, что он вообще умудрился запомнить какие-то детали произошедшего: ведь Кемпку – по его собственному признанию – временно ослепило, да и сам взрыв и момент контузии длились какие-то доли секунды... Когда бывший шофёр фюрера очнулся, он на некоторое время потерял зрение: из-за вспышки, контузии или комбинации того и другого. Прежде, чем он вновь обрёл возможность видеть, эсэсовец отполз от места, где он пришёл в себя, «метров на сорок». Было по-прежнему темно (за исключением света огней от пожара). По словам вскоре встреченного тяжело раненного в голову личного пилота Гитлера Георга Битца (он впоследствии умер), танк, рядом с которым находились Кемпка и Борман, взорвался от попадания бронебойного снаряда или фаустпатрона. Если в «панцере» действительно сдетонировал боезапас, то не совсем понятно, как Кемпка мог отделаться лёгким ранением в руку и контузией: после такого в лучшем случае остаются фрагменты тел. Из мемуаров шофёра Гитлера следует, что после взрыва и контузии **Кемпка больше Бормана не видел – ни живым, ни мёртвым**. Таким образом, **свидетелем гибели рейхсфюрера Кемпка быть никак не мог**.

Не видел его после взрыва и личный помощник Гитлера Хайнц Линге, прорывавшийся вместе с группой Кемпки. Вот что он, наблюдавший эту сцену со стороны, написал в своих воспоминаниях: «В танк попал фаустпатрон. Людей, оказавшихся поблизости, разбросало в разные стороны, как кукол. Я больше не видел Штумпфеггера и

Бормана. Я предположил, что они мертвы, что и **повторил не раз русским во время многочисленных допросов в будущем** » («With Hitler to the end», с. 210). **Ясно, что и Линге нельзя рассматривать в качестве свидетеля смерти Бормана** : всё, что он видел – это то, как «наци номер два» отбросило взрывной волной при попадании в танк фаустпатрона. Линге, кстати, ничего не говорит о сдетонировавшем боезапасе, а ведь на него нахавшего до этого пороху помощника Гитлера подобное зрелище должно было бы произвести незабываемое впечатление.

Зато Бормана якобы видел (но долго разглядывать не стал) шеф гитлерюгенда Артур Аксман, прорывавшийся с другой группой и случайно наткнувшийся на тела Бормана и Штумпфеггера. В декабре 1945 года – после задержания союзниками в Баварии – он показал следующее: «Мы (*прим. автора: с ним был его адъютант Гюнтер Вельтцин*) наткнулись на тела Мартина Бормана и его спутника доктора Штумпфеггера. Они лежали без движения, рядом друг с другом. Я нагнулся и рассмотрел их лица. **Я не видел никаких ран** . Сначала я подумал, что они без сознания или спят, но они не дышали. Тогда я решил – а сейчас ещё более уверен в этом – что они приняли яд. **Мы не стали задерживаться, чтобы проверить пульс и так далее** . В обстановке окружавшей нас непосредственной опасности, нам было не до собирания свидетельств для последующих исторических дебатов. Мы возобновили движение. **Было по-прежнему темно** , очень сыро и холодно. Насколько я помню, первые лучи солнца появились лишь часа через полтора, когда мы добрались до Веддинга» (с. 152 приложения к «I was Hitler's Chauffeur»).

Лично у меня возникают вопросы. Прежде всего, я не думаю, что танк, за которым прятались Кемпка и Борман, взорвался: тогда бы от них просто ничего не осталось. И уж точно Кемпка не отделался бы лёгким ранением и контузией, а на теле Бормана наверняка были бы заметны раны. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что Кемпка, Борман и их спутники после взрыва были по-прежнему полностью одеты. Дело в том, что при сильном взрыве наблюдается своеобразный феномен «раздевания»: взрывная волна буквально срывает с людей одежду и их тела оказываются полуголыми и даже полностью обнажёнными. Скорее всего, в танк действительно попал фаустпатрон, за которым не последовал взрыв боезапаса. По крайней мере, это подсказывает мой личный опыт стрельбы из советского противотанкового гранатомёта РПГ-7 (прямого потомка немецкого «фауста») по бронированным мишеням. Интересно, что шедший перед Борманом Вернер Науман (Werner Naumann) **вообще не пострадал** . Мало того, если верить англоязычной Википедии (ссылающейся на книгу известного историка Э. Бивора «Berlin. The Downfall. 1945»), вскоре после ночного эпизода Науман оказался в Аргентине – живым и здоровым. Как он туда попал – по-прежнему неизвестно. И это несмотря на то, что после обнаружения израильтянами ему пришлось вернуться в Германию. Там Наумана в 1953 году поймали англичане, державшие его в тюрьме несколько месяцев. Умер он лишь в 1982 году.

Следующий вопрос: каким образом погибшие (от взрыва одного фаустпатрона?) Борман и врач Штумпфеггер оказались после взрыва мирно лежащими рядышком («словно спали»), а не валялись как попало в исковерканном виде? Ведь их, по словам Линге, «разбросало словно кукол»... Как можно утверждать, что Борман был мёртв, если **никто даже не проверил его пульс, не осмотрел его тело и не почувствовал характерный запах цианида** ? Напомню: до смерти напуганный Аксман пробирался под жестоким огнём, среди развалин и валяющихся вокруг трупов, в темноте, дыму пожарищ и тумане. По его собственному признанию, ему было не до выяснения того, жив ненавидимый всеми партийный функционер или нет: надо было спасать собственную шкуру. Замечу также, что и Кемпка, и Аксман, и Науман – а также многие другие так прорвались в западные районы Германии. С чего бы вдруг «великий комбинатор» Борман, очухавшись после взрыва фаустпатрона, стал травиться посреди улицы, которую к тому же пока не контролировали советские войска? Он что, не мог это сделать раньше – в относительной тишине рейхсканцелярии (именно так поступила чета Геббельсов)? И если в Аргентине в итоге оказался Науман, то почему там же не «всплыл» Борман, обладавший несравненно большим

«админресурсом», финансовыми и техническими возможностями? Если труп Бормана в роскошной генеральской форме так остался лежать на видном месте посреди Фридрихштрассе, почему его не подобрали советские солдаты? Ведь каждый из них прекрасно знал, что неподалёку – нацистское «логово», а даже за мёртвого высокопоставленного фашиста нашедшего его труп солдата наверняка ждала награда.

Далее: почему мёртвого Бормана не откопали ещё в 1945 году – сразу после освобождения Берлина и показаний, данных Кемпкой и Аксманом? И вообще: **кто изачем его тогда – в мае 1945 года – закопал** ? Что за необходимость такая возникла – взять да зарыть поглубже человека, одетого не в какое-нибудь штатское платье, а в форму обергруппенфюрера СС? Чтобы не вонял?.. И это в ситуации, когда сотрудники СМЕРШ занимались в Берлине активным поиском живых и мёртвых фашистских главарей... К тому же, захоронением трупов наверняка занимались пережившие советский штурм мирные жители Берлина и военнопленные. Если бы они не обратили внимание советских властей на мёртвого эсэсовского генерала (что маловероятно), то уж как минимум кто-нибудь из них должен был запомнить сам факт подобного происшествия, попробовать найти какие-нибудь документы для идентификации погибшего и рассказать о столь примечательном случае после войны.

Самое же, с моей точки зрения, удивительное заключается в описании уже послевоенных «приключений» трупа якобы погибшего Бормана. Так, в 1972 году его тело (и тело Штумпфеггера) «вдруг» нашли при рытье котлована возле той самой автобусной станции в Берлине (Инвалиденштрассе в Западном секторе города), где его будто бы в последний раз видел Аксман. То, что это был именно Мартин Борман (а почему, собственно, заподозрили, что это был он: там что, больше скелетов не было?), установили с помощью проверки зубной карты и сделанной значительно позже – в 1998 году – экспертизы ДНК. Материал для проведения последней, кстати, предоставил крестник Гитлера – Мартин Борман-младший, ставший католическим священником. Тем, кто скажет, что против опознанных зубов Бормана и анализа ДНК «не попрёшь», я возражу: пролежавшие в земле несколько десятилетий челюсти Бормана (вернее, то, что от них осталось) дантист Гитлера Блашке опознал **по памяти** спустя почти тридцать лет после того, как в последний раз видел их во рту у живого Бормана (там же, с. 11).

Ещё более интересные подробности выяснились после прочтения книги **Джеймса Хэйворда** «Myths & Legends of the Second World War». Он, в частности, процитировал следующий комментарий доктора Рейдара Зогнаеса (Dr. Reidar Sognaes) – «известного американского одонтолога», который также исследовал зубы найденного в котловане скелета: «Так называемый «череп Бормана», фото которого несколько лет назад обошло страницы мировой прессы, на самом деле принадлежал товарищу Бормана по несчастью – Штумпфеггеру. Путаница с фотографиями двух черепов могла быть абсолютно случайной. Возможно, череп Штумпфеггера был просто выбран как лучше сохранившийся конкурировавшими друг с другом фотографами. Дело в том, что то, что впоследствии оказалось черепом Бормана, с первого взгляда напоминало **беззубый** комок грязи» (перевод с английского мой, с. 141). Историк Д. Хэйворд любезно поместил в своей книге фотографии обоих черепов. Честно говоря, они меня поразили: то, что оказалось «настоящим черепом Бормана», выглядит так, словно его обработали инструментом для шлифовки мрамора, потом обвалили в жидком бетоне и, наконец, закопали. «Лица» как такового просто нет: нос исчез, **зубы почти отсутствуют**. Лично мне непонятно, как эти немногие оставшиеся (и плохо сохранившиеся) зубы вообще можно было использовать для уверенного опознания человека, чьи останки пролежали в земле почти тридцать лет. При этом череп Штумпфеггера действительно выглядит вполне «фотогенично»: повреждения есть, но в целом идентификация не представляется невозможной.

Насчёт ДНК отвечу следующее: а почему, собственно, исключается возможность того, что скелет Бормана оказался на месте стройки не в мае 1945 года, а **значительно позже** ?.. И что **это вообще были кости «серого кардинала** » ? Мало, что ли, представителей его

семейства осталось лежать по германским кладбищам – в том числе и в родном городе рейхслайтера (оказавшемся, к слову, в составе ГДР)? Попутно отмечу, что в Германии, как и в большинстве других европейских стран, обычно проходят месяцы, а то и годы между появлением планов строительства в центре города (да ещё такого, как Берлин) и собственно началом работ. Соответственно, те, «кому надо», вполне имели время на то, чтобы подготовиться к рытью котлована нужным образом.

Словом, несмотря на всяческие решения германских судов – «считать мёртвым», «дело закрыть» и т.д. – мне вполне понятно по-прежнему не прекращающееся скептическое брюзжание израильтян, у которых к Мартину Борману имелись большие и вполне оправданные претензии. Судя по статье из энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945», изданной в 1985 году, не «пошли на поводу» у германских юристов и в Советском Союзе... Но, с моей точки зрения, не так важно, как, где и когда скончался военный преступник Борман, и каким образом его скелет оказался в упомянутом выше котловане. Более или менее безразлично мне и то, кто в конце концов мог «пригреть» столь одиозную личность. С точки зрения моей гипотезы о «козырной карте» гораздо более важным является то, что **факт его общения с советскими «органами» подтверждён П. Судоплатовым**. Важно для меня и то, что **прямо перед войной на связь с Борманом вновь пытались выйти агенты НКВД**. Подчеркну: я не очень верю в то, что Борман являлся советским (или ещё чьим бы то ни было) тайным агентом. Навряд ли он являлся и загадочным предателем «Вертером». Зато я вполне могу принять версию о том, что **своим агентом или ситуативным союзником, готовым ради захвата власти в Германии убить фюрера, его мог в течение какого-то времени считать И.В. Сталин**. И что Мартин Борман, пообещав (и, если так, то скорее всего неискренне) провести соответствующую акцию, потом мог элементарно не выполнить обещанного.

Не буду выдумывать обстоятельств, при которых могло начаться, продолжаться и закончиться «сотрудничество» Бормана и Сталина. Подчеркну лишь, что подобная операция – вполне в сталинском духе. Отметим также, что Борман не имел отношения к Вермахту и не представлял для СССР большой ценности в плане получения информации чисто военного характера. Согласно воспоминаниям Линге, на ежедневных военных совещаниях в ставке Гитлера Борман – «невероятный лицемер», «сминающий всех на своём пути» – начал появляться лишь в 1944 году («With Hitler to the end», с. 95). Почти то же самое сообщил и Эрих Кемпка: «Несмотря на своё влияние на Гитлера, Борман не принимал участия в ежедневных совещаниях, посвящённых военной обстановке, до января 1945 года. Даже Гиммлер первоначально не имел особых причин участвовать в этих встречах, но в конце концов получил допуск в качестве командующего Ваффен-СС» («I was Hitler's Chauffeur», с. 50). Гораздо проще в этом плане было завербовать офицеров из германских штабов – ОКВ, ОКХ или Люфтваффе (что, кстати, и было сделано). **Зачем же тогда Сталин пошёл на риск установления подобного контакта? Зачем советского шпиона Б. Афанасьева послали практически на верную гибель?** Ведь Борман вполне мог «пойти на контакт», организовав немедленную ликвидацию Афанасьева. Дело в том, что в случае поимки чекиста сотрудниками гестапо политические конкуренты Бормана не замедлили бы сообщить о компромете фюреру, и тогда «самому верному соратнику» пришлось бы туго: Гитлер предательства не прощал. То, что советский разведчик даже после (якобы) неудачной попытки напомнить Борману о давнем знакомстве, остался в живых – уже само по себе наводит на определённые размышления...

В качестве наглядной иллюстрации предлагаю рассмотреть следующий – «симметричный» – пример. Скажем, в середине 20-х к бывшему сексоту царской охраны по кличке «Сосо» из белогвардейского Парижа в большевистскую Москву присылают человека, который ещё в бытность «Сосо» обыкновенным грузинским бандитом курировал его весьма специфическую двойную деятельность. Но посланный интурист и его начальники забыли, что за прошедшие годы молодой, но непростой кавказец превратился в пламенного революционера. И что этот видный деятель «ордена меченосцев» давно к тому времени

перерос этап юношеских метаний в поисках быстрее пути к власти, известности и материальным благам. К тому же борьба бывшего провокатора «Сосо» за абсолютную власть на одной шестой части суши была пока далека от завершения: его окружали всяческие «любимцы партии», «железные феликсы» и прочие «несгибаемые ленинцы». Чуть подставиться – и не сносить головы: кругом одни подлецы и преступники... Что, как вы думаете, произошло бы с незванным гостем из старательно забытого прошлого бывшего бандита «Сосо»?.. Правильно: неосмотрительного «интуриста» или нашли бы в московской подворотне с проломленным черепом и вывернутыми карманами, или вообще бы не обнаружили.

Тот факт, что, по словам П. Судоплатова, НКВД якобы не смог выйти на связь с Борманом накануне войны, **вовсе не означает, что связь эта не была установлена (или что она вообще прерывалась)**. Во-первых, Иностранный отдел НКВД, как мы знаем, был не единственной спецслужбой, имевшейся в распоряжении вождя. То, что не удалось чекистам, вполне могло получиться у Разведупра или разведки ЦК ВКП(б). Последнюю, напомним, фактически лично контролировал сам Хозяин, и о подробностях её деятельности пока можно только догадываться. Да и сам П. Судоплатов вполне мог просто-напросто соврать. По моему личному мнению, при написании мемуаров разжалованный генерал-лейтенант ГБ преследовал следующие цели: 1) отмыть своё изрядно подмоченное долгой отсидкой имя; 2) подзаработать на старости лет; 3) облить грязью своих врагов – прежде всего Хрущёва, который и посадил его после падения Берии; 4) пустить историков и широкую общественность по ложному следу в ситуациях, когда у него имелись основания подозревать, что тайное всё равно станет явным. Именно к последней категории относится его сказка о специальном отряде диверсантов, якобы созданном Берией для борьбы с германскими провокациями: это подразделение, по моему убеждению, как раз и предназначалось для организации и проведения этих самых провокаций – только уже против самой Германии. Из той же серии и его попытки убедить читателя в том, что Сталин с Молотовым были уверены, что перед нападением немцы выдвинут какой-то ультиматум. Это, мол, автоматически привело бы к началу переговоров и дало бы время для подготовки Красной Армии к обороне страны. Постарался Судоплатов «навести тень на плетень» и в вопросе о том, кто в действительности являлся тайным информатором Рёсслера («Люси»): таким образом он попытался навести тех, кого интересует данная загадка, на ложный след.

В общем, кем бы ни был Мартин Борман – «честным фашистом», большевистским агентом влияния или помощником англичан – я бы не торопился ставить точку в настоящей истории его жизни и смерти (а также, не исключено, «жизни» после «смерти»). Важно отметить и следующее: прорываясь в ночь с 1 на 2 мая 1945 года из осаждённого Берлина, **он вполне мог направляться к англичанам или американцам. Но что бы произошло, если бы он, не желая того, всё же попал в руки Советов?** Думаете, наотрез отказался бы сотрудничать? Или что Сталин поспешил бы сообщить союзникам о факте поимки человека, отвечавшего за «золото партии»?..

Часть четвёртая ТАИНСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ?..

21 июня: «Сдать патроны!»

В начале данной работы я уже касался вопроса о необъяснимых, казалось бы, шагах советского руководства по демонстративному снижению боеготовности некоторых частей и соединений Красной Армии в последний предвоенный день. То же впечатление, кстати, складывается и у современных историков. М. Солонин, в частности, пишет: «В войсках западных приграничных округов начали происходить без преувеличения загадочные события, которые трудно охарактеризовать иначе как преднамеренное снижение боевой

готовности» («23 июня – «День М», с. 268). Приведённые в предыдущих главах примеры касались в первую очередь Западного Особого военного округа. Но то же самое происходило и в других округах.

Так, **В.С. Петров** в своей книге «Прошлое с нами» сообщает, что **утром 21 июня 1941 года** командир его батареи (*прим. автора: дело происходило в Киевском Особом военном округе*) получил приказ, «отменяющий состояние боеготовности дивизиона» (в котором тот находился **с апреля**) и разрешивший выходной день. Ради этого с субботы на воскресенье был даже перенесён строевой смотр. Только что назначенный новый командир артдивизиона объявил, что **«нужно быть готовым к выполнению любого приказа командования»**, после чего «вместе с командирами батарей отбыл в штаб и оттуда – на ужин в городской ресторан» (с. 71 и 76). Николай Осокин (сборник **А. Драбкина** «Огневой вал») рассказывает, что «за неделю до войны (*прим. автора: дело происходило в ПрибОВО*) выдали нам боевые секретные противогазы, медальоны (чёрные пластмассовые свинчивающиеся трубочки), в которые следовало вложить бумажку со своим званием, именем и отчеством. Были ограничены отпуска офицеров, увольнения личного состава» (с. 36). С другой стороны, через шесть дней всё вдруг поменялось: **«21 июня 1941 года**, получив разрешение своего непосредственного начальника, нового командира полка майора Попова, и оставив за себя начальника штаба дивизиона, я выехал из полкового лагеря в Казлу-Руда поездом в Каунас на выходной день». Осокин подчеркнул, что перед этим неожиданно предоставленным выходным «почти месяц не виделся со своей семьёй» (там же, с. 37).

В своей книге «Красная Армия в 1941 году» Р. Иринархов приводит целую подборку подобных фактов, касающихся Прибалтийского Особого военного округа:

«Генерал Кузнецов (*прим. автора: командующий ПрибОВО*) разрешил эвакуировать семьи военнослужащих из приграничных районов в глубь территории СССР, но **уже 20 июня** народный комиссар обороны приказал отменить это распоряжение и **вернуть семьи обратно**» (с. 406). Сразу отметим, что этот «отменяющий» приказ Тимошенко обернулся смертью и страданиями тысяч женщин и детей. Не думаю, что он пошёл на этот шаг просто так – по дурости или из-за полного безразличия...

«21 июня 1941 года, в 14 часов 30 минут, – продолжает Р. Иринархов, – командующий округом (*ПрибОВО*) отдал приказ о введении светомаскировки в гарнизонах и местах сосредоточения войск. А **уже к вечеру этого же дня** он получил очередной нагоняй из Генерального штаба РККА, в котором говорилось, что этим несогласованным с наркомом обороны указанием нанесён ущерб промышленности Прибалтики (!). Генерал армии Жуков потребовал от Кузнецова немедленно отменить это указание и дать объяснение народному комиссару обороны СССР» (там же). Не трудитесь искать «объяснение» этого удивительного приказа в жуковских «Воспоминаниях и размышлениях»: там на этот счёт ни «гу-гу». Тимошенко же мемуары писать не стал: видно, совесть не позволила... Интересно отметить и то, что противовоздушную оборону Прибалтики приводили в состояние повышенной боевой готовности практически одновременно с московской: выше уже говорилось о том, что **примерно в 14.00 21 июня** (по странному совпадению, это произошло практически сразу после получения немецкими штабами условного сигнала «Дортмунд») И.В. Сталин приказал привести ПВО Москвы в состояние «75% готовности».

Кроме того, подсказывает Р. Иринархов, в ПрибОВО «запрещалось начавшееся минирование на опасных участках обороны; у бойцов стрелковых дивизий, находившихся на границе, отбирались боеприпасы и сдавались на гарнизонные склады. Все эти мероприятия вызывали недоумение в войсках. Так, в документе 11-й армии отмечалось: «Вместо **ускорения сосредоточения частей армии** в оборонительные районы штаб округа дал указание вести **нормальную учёбу** в лагерях, и **ещё 21 июня** у красноармейцев отобрали патроны...» А **в ночь на 22 июня 1941 года командование армий вообще получило приказ от начальника штаба ПрибОВО на отвод войск от границы**» (там же). Надо же: с одной стороны, генерал Кузнецов и штаб его округа (пардон: фронта!) **ещё 18 июня**

предупреждали командиров своих мехкорпусов о вот-вот готовой начаться войне (об этом подробно писалось в моей книге «22 июня: никакой внезапности не было!») и **21 июня в обед** подняли уровень готовности ПВО (и так бывшей, согласно И. Буничу, на высоком уровне). С другой стороны, **уже после обеда 21 июня** с какой-то стати начали отвод войск с исходных рубежей для атаки... То, что всё это действительно происходило в Прибалтике в самый канун войны, подтверждают и те, кто подобные приказы выполнял (или, наоборот, игнорировал): «В тот же день (*прим. автора: 20 июня 1941 года*), – свидетельствует Иван Зеков (сборник А. Драбкина «Огневой вал»), – в лагере побывала группа работников штаба (*прим. автора: по-видимому, штаба округа*) во главе с генералом. На лесной поляне был собран командный состав частей, находившихся в этом лагере (*прим. автора: помимо двух артполков, в лагере у Казла-Руда базировались как минимум части одной стрелковой и одной танковой дивизии*). Генерал был немногословен, угрюм, сердит. Как видно, что-то не понравилось ему здесь.

– Ходят сплетни, – начал он, – будто Гитлер в ближайшее воскресенье (!) начнёт против нас войну. Так вот, брехне этой не верить! Никакого нападения немцев не ожидается. Наверное, читали заявление ТАСС от 16 (?) июня. И ещё скажу: **наши дипломаты договорились с немцами для смягчения обстановки на границе отвести с обеих сторон пехоту в тыл на пятьдесят километров**. Так что мы разрешаем комсоставу частей, находящихся в лагерях, в выходные дни выезжать на зимние квартиры к семьям. Учёбу личного состава вести по **обычным программам**. И ещё одно: прицельные устройства пушек сдать для проверки в окружную мастерскую в Риге» (с. 221).

Эта не очень длинная цитата ставит перед нами сразу несколько вопросов. Не будем останавливаться на том, по каким таким «необычным» программам велась боевая учёба в частях и соединениях Красной Армии до 20 июня 1941 года и в чём заключалась их «необычность» или «ненормальность»: с этим, думаю, уже давно наступила ясность. По-настоящему меня заинтересовало совсем иное. Во-первых, почему штаб округа, явно хорошо осведомленный о дате германского нападения, с одной стороны, предупреждал генералов о неминуемом начале войны (см. с. 48 мемуаров **П.А. Ротмистрова**, служившего начштаба в 3-м мехкорпусе того же Прибалтийского ОВО), а с другой стороны, сообщал командирам среднего и нижнего звена прямо противоположную информацию – мол, «не будет никакой войны»? Откуда взялись разговоры о якобы достигнутой дипломатами договорённости отвести войска от границы? **Кто, с кем и о чём конкретно договорился? Почему историкам ничего не известно о подобной договорённости?** Как объяснить, тем не менее, что советские войска выполняли (или, вернее, делали вид, что выполняли) требование немцев, никогда не выдвигавшееся официальным порядком, но зато озвученное в одной из ведущих американских газет – *New York Times* – ещё **15 июня 1941 года**? В другой работе цикла – «22 июня: никакой внезапности не было!» – я уже писал о том, что в этот день *New York Times* напечатала заметку Д. Бригхэма (Daniel T. Brigham) со следующим красноречивым названием: «Clash Is Expected Soon/Germans Are Expected to Attack Soviet First in Poland» («Столкновение ожидается в ближайшем времени/Считается, что немцы сначала нападут на Советы в Польше»). Ещё **14 июня 1941 года** швейцарский корреспондент газеты продиктовал по телефону в редакцию из Берна: «Местные дипломатические круги считают, что давнее соперничество между Россией и Германией достигло критической точки и что политические и военные события возможны в любой момент. Имеющиеся свидетельства указывают на военное столкновение – возможно, вдоль русско-германской разделительной линии в Польше – в течение следующих десяти (!) дней... Последние немецкие требования, по сообщению дипломатов нейтральных стран, включают **отход как минимум половины советских войск к востоку от границы; перебазирование военно-воздушных группировок из Брест-Литовска и Львова; увеличение поставок советского бензина, нефти и зерна, а также допущение немецких контрольных комиссий для наблюдения за отводом русских войск...**»

Можно, конечно, предположить, что появление данной информации в международной

прессе являлось очередным «выбросом» – частью развёрнутой ведомством Геббельса кампании дезинформации, набравшей обороты по мере приближения даты нападения. Но почему тогда министр пропаганды Рейха, комментируя Заявление ТАСС от 13 июня, написал в своём дневнике **16 июня 1941 года** буквально следующее: «Мы храним ледяное молчание» («The Goebbels Diaries. 1939–1941», с. 413)? **Кто же тогда с германской стороны это «ледяное молчание» нарушал? Кто вёл переговоры и достигал неких конкретных договорённостей с Хозяином?**

Понятное дело, что вконец запутавшиеся в этой непонятной им большой игре советские офицеры не всегда торопились выполнять преступные по сути приказы. Скажем, командир артполка Зекова майор Попов вечером собрал комсостав и «строго наказал орудийных прицелов не сдавать». И ещё: «никаких увольнений на выходной. Всем быть в своих подразделениях круглые сутки». Тем не менее, как мы помним из воспоминаний командира батареи Зекова Николая Осокина, тот всё же выехал вечером 21 июня в Каунас и встретил войну (в начало которой – как и Сталин И.В. – Осокин сначала не поверил) в постели с соскучившейся за месяц супругой.

Мало того, Зеков подсказывает, что **«с наступлением сумерек от границы в тыл потянулись колонны пехотных подразделений** . Всё-таки стрелковые части начали отводить, а в лагерях оставались танкисты, сапёры, артиллеристы . Такой оборот дела, – справедливо замечает Зеков, – многих обеспокоил. Хорошо, если немцы отведут свою пехоту. А если нет? Тогда наши вспомогательные части останутся без пехотного прикрытия и могут стать лёгкой добычей агрессора в первый же день войны (прим. автора: именно так и произошло). В 21.00 командир полка распорядился завести тягачи и отбуксировать пушки в соседний лес. Боевым расчётам приказал быть при пушках (прим. автора: выходит, что уже в 21.00 21 июня артполк Зекова был приведён в состояние повышенной боеготовности!). В лагере оставался штаб, взводы управления, связи и другие» (там же).

Итак, пока пехоту для отвода глаз перебрасывали на пятьдесят километров в тыл, механизированные корпуса (и механизированные артполки) на всём протяжении западных границ СССР делали прямо противоположное – выдвигались ещё ближе к границе , выполняя описанный мною в книге «22 июня: никакой внезапности не было!» приказ «из леса в лес». Тот, напомним, был получен всеми фронтами **17–18 июня** . Якобы «достигнутые дипломатами» договорённости никак не повлияли и на выдвижение к границе «глубинных» стрелковых корпусов. Движение это началось ещё **15 –18 июня** и некоторые дивизии «второй линии» как раз и достигли приграничья вечером 21 июня. Об этом я подробно писал в другой работе цикла «Большая война», посвящённой так никогда и не объявленным миру планам советского руководства. Предлагаю в этой связи вновь обратиться к воспоминаниям В.С. Петрова, касающимся последнего предвоенного вечера: «По дороге со стороны Хотячева показалась колонна. Зыпылённые пехотинцы шагали бодро. У монастыря головная колонна затянула песню... Пехотинцы дорожили своим именем, об этом можно было судить по их выправке. Мы смотрели на мерно покачивающиеся шеренги» («Прошлое с нами», с. 77).

То, что одновременно с подходом к границе дивизий «второй линии», передовые части Киевского Особого военного округа (к тому времени превращённого в Юго-Западный фронт) демонстративно отводились «назад», свидетельствует тогдашний заместитель наркома обороны К.А. Мерецков. Что касается приграничных частей, то ещё **в конце мая** Мерецков, «взяв на себя инициативу», «сообщил командарму-5 генерал-майору танковых войск М.И. Потапову (прим. автора: 5-я армия КОВО являлась ярко выраженным ударным войсковым объединением), что пришлю своего помощника с приказом провести опытное учение по занятию укрепленного района частями армии, с тем чтобы после учения **5-я армия осталась в укрепленном районе** » («На службе народу», с. 198). Конечно, «остаться в укрепленном районе» звучит вполне «оборонительно», но по сути может означать (и означало) прямо противоположное: «занять исходный рубеж для атаки». Важно подчеркнуть,

что сам замнаркома не имел полномочий на отдачу **такого** приказа: командованию округа и армии потребовалась официальная бумага из Москвы. В начале июня вышеуказанные учения по «занятию укрепрайона» – то есть сосредоточение стрелковых соединений ударной армии Потапова «у пограничных столбов» состоялось. Командир 15-го стрелкового корпуса 5-й армии **И.И. Федюнинский** подтвердил сей факт в своих мемуарах: «Вернувшись в штаб корпуса (*прим. автора: в начале июня 1941 года*), я позвонил командующему 5-й армией генерал-майору танковых войск М.И. Потапову. Попросил разрешения по два стрелковых полка 45-й и 62-й дивизий... вывести из лагерей в леса, поближе к границе, а артиллерийские полки вызвать с полигона. В этом случае войска будут находиться **в восьми километрах от границы, в густом лесу**. Командарм, подумав, согласился» («На Востоке», с. 222). Но тот же К.А. Мерецков пишет, что как минимум некоторому количеству стрелковых соединений перед самой войной пришлось «поворачивать оглобли»: «Передвижение соединений **из второго эшелона было разрешено**, но **по указанию Генштаба войскам КОВО пришлось оставить предполье и отойти назад**» («На службе народу», с. 202). Судя по всему, то же самое собирались делать и на будущем Южном фронте – в Одесском военном округе, но в последнюю минуту почему-то решили, что на советско-румынской границе такой маскарад не нужен: «До рассмотрения сходной инициативы Одесского военного округа дело не дошло. В результате **на практике войска этого округа были в канун войны, можно считать, в боевой готовности ...**» (там же).

Разумеется, демонстративный отвод от границы передовых стрелковых соединений приграничных округов был отмечен немцами. Дневник Гальдера за 23 июня 1941 года содержит следующую запись: «Командование группы армий «Север» считает даже, что такое решение (*прим. автора: «об общем отходе»*) было принято противником ещё за четыре дня до нашего наступления» («Военный дневник», т. 3, с. 33). Интересно, что советский редактор гальдеровского «Дневника» – генерал-лейтенант Жилин – сопроводил эту запись следующим комментарием: «**такого решения советское командование не принимало**» (там же, с. 35). Что ж, может, именно такого решения – об «общем отходе» и за четыре дня до немецкого нападения – Сталин и его военные действительно не принимали. Но ведь приказ об отводе как минимум части стрелковых дивизий (или полков) передового эшелона действительно имел место. Возникает резонный вопрос: **почему генерал-лейтенанту Жилину мучительно захотелось соврать?**

Если верить И. Буничу, «неожиданная» директива о демонстративном снижении боеготовности в некоторых соединениях именно в **период с 20 по 23 июня** поступила из Генштаба в приграничные округа **ещё 16 июня**. О частичном отводе пехотных дивизий «первой линии» ясно свидетельствуют те, кто эти приказы отдавал и выполнял. Почему же выдающийся партийный историк Жилин не упомянул об этом ни единым словечком?... Любопытно отметить, что начальник Генштаба сухопутных войск Рейха при этом не делает никаких комментариев по поводу загадочных «дипломатических договорённостей», о которых знал советский Генштаб и, соответственно, штабные офицеры советского ПриОВО (уже к тому времени превратившегося в Северо-Западный фронт, который и противостоял упомянутой выше немецкой группе армий «Север»).

Это может означать две вещи: либо Гальдер ничего об этом не знал; либо знал, но сделал вид, что не ведал, даже делая запись в своём личном дневнике, **поскольку загадочных «договорённостей» с германской стороны достигли совсем не дипломаты, уполномоченные на то фюрером и германским МИДом**. То есть если кто-то где-то и вёл секретные, ни в каких исторических работах не упоминающиеся переговоры, то Гальдер о них ничего не слышал. А вот в штабе советского Прибалтийского Особого военного округа о них почему-то знали. И даже отдавали вполне конкретные приказы по демонстративному и, скажем так, «неискреннему», отводу войск от границы. Откуда-то пронюхали об этих тайных консультациях и ушлые американские газетчики. Причём сделали это **14 июня 1941 года** – ещё до отданного нацистским руководством **15 июня** тайного распоряжения о выбросе «дезы» по поводу вот-вот готовых начаться советско-германских переговоров и о якобы

предстоящем приезде Сталина в Берлин (см. дневниковую запись Геббельса за 16 июня 1941 года, «The Goebbels Diaries. 1939–1941», с. 416). Чудеса, да и только...

В своей книге «22 июня. Анатомия катастрофы» историк Марк Солонин так и характеризует все эти вроде бы нелогичные перемещения советских войск вблизи границы: **«загадочные, и по сей день не поддающиеся однозначной интерпретации, внешнеполитические «игры» Сталина...», в результате которых «планы прикрытия так и не были приведены в действие»** (с. 85). Но продолжим «инвентаризацию» фактов о демонстративном снижении боеготовности приграничной группировки Красной Армии и ВВС накануне войны...

«Командующий 4-й армией генерал-майор Коробков, – пишет Р. Иринархов теперь уже о том, что происходило в Западном Особом военном округе, – хотел поднять по боевой тревоге 42-ю стрелковую дивизию, дислоцировавшуюся в Брестской крепости, но посоветовался с генералом Павловым (*прим. автора: командующим округом/фронтом*), а он не разрешил...» («Красная Армия в 1941 году», с. 413). «Командир 86-й стрелковой дивизии полковник М.А. Зашибалов хотел поднять дивизию по тревоге и выдвинуть её к границе – командир 5-го стрелкового корпуса генерал-майор А.В. Гарнов не разрешил...» (там же). **«Ещё 20 июня 1941 года** командиры авиационных соединений получили телеграмму командующего ВВС округа генерала И.И. Копца: **«Привести части в боевую готовность . Отпуска командному составу запретить, находящихся в отпусках отозвать»**. Но **21 июня этот приказ был отменён**, в результате на земле в первый же день войны от ударов противника была потеряна почти вся авиация округа» (там же). Напомню также, что сам Копец, которого **заставили** поступить столь преступным образом, увидев результаты нападения Люфтваффе на аэродромы авиации округа, застрелился. Совершенно очевидно и другое: останься Копец в живых, его бы поставили к стенке – как поставили Павлова и всех остальных его замов...

«Очень много неясных распоряжений и указаний, – делится Р. Иринархов ситуацией в Белоруссии, – полученных войсками округа перед началом боевых действий и не имеющих ответа по сей день:

- запрет на рассредоточение авиации перед войной (*прим. автора: на самом деле, вполне логичный приказ: рассредоточенную авиацию было бы потом трудно сосредоточить – для нанесения массированного «ответного удара»*);

- изъятие боекомплектов из дотов и танков и сдача их на склады;

- полученное перед войной указание на просушку топливных баков самолётов;

- приказ на изъятие с пограничных застав автоматического оружия;

- полученное в войсках сообщение о пролёте через границу больших групп самолётов и запрете ведения по ним огня (*прим. автора: вновь та же железная логика – надо было уберечь «сталинских соколов», только что разбомбивших немецкие аэродромы и возвращающихся домой, от огня своей собственной ПВО*).

«По чьей команде делалось это? – недоумевает Р. Иринархов. – Что это – предательство или чья-то вопиющая неграмотность?» (там же). О преднамеренном предательстве, разумеется, речь не шла. Были вполне грамотными в военном деле и те, кто все эти приказы отдавал – Тимошенко, Жуков, Мерецков и прочие. Дело, скорее, в том, что «шибко грамотным» и чересчур хитрым оказался сам «магистр ордена меченосцев» – товарищ Сталин И.В.

«Готовность – к 21 июня...»

В другой работе цикла я подробно говорил о том, что многие мобилизационные и организационные мероприятия Красной Армии были завязаны на **1 июля 1941 года**. К началу июля к границе должен был подойти последний стрелковый корпус «второй линии» приграничных военных округов. К **1 июля 1941 года** планировалось усилить тысячами противотанковых пушек, тяжёлых пулемётов и автомобилей недоукомплектованные

бронетехникой механизированные корпуса (именно таким образом был радикально усилен 21-й мехкорпус **Д.Д. Лелюшенко** : см. «Москва—Сталинград—Берлин—Прага», с. 12). На **1 июля** приходился и окончательный срок готовности формируемых моторизованных противотанковых артиллерийских бригад. Историк **В. Савин** считает, что **к началу июля** должны были стать боеготовыми и все вновь формируемые мехкорпуса. Тот же автор излагает суть приказа Народного Комитета Оборона № 070 от 22 февраля 1941 года, согласно которому осенний выпуск курсантов военных училищ переносился с 1 сентября на **1 июля 1941 года** («Разгадка 1941. Причины катастрофы», с. 207). Ещё 10 апреля 1941 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановил ввести новую систему авиационного тыла, не зависимо от строевых частей. Новая система обеспечивала свободу маневрирования боевых частей авиации, освобождая их от необходимости перемещения своих аэродромно-технических батальонов вслед за лётным эшелоном, сохраняла постоянную готовность к немедленному приёму самолётов и обеспечению их боевой работы. Переход на эту систему планировалось завершить к **1 июля 1941 года** («1941. Пропущенный удар», с. 97). К **1 июля** должно было закончиться строительство укрепрайонов на новой границе («23 июня – «День М», с. 238).

Марк Солонин в своей статье «Три плана товарища Сталина» (сборник «Правда Виктора Суворова. Окончательное решение», с. 57) приводит удивительный исторический документ. Так, 4 июня 1941 года нарком ВМФ Н. Кузнецов направил заместителю Председателя СНК (т.е. заместителю Сталина) Н. Вознесенскому докладную записку № 1146 следующего содержания: «Представляю при этом ведомость потребности наркомата ВМФ по минно-торпедному вооружению **на военное время с 1.07.1941 по 1.01.43**. Прошу Ваших указаний об увеличении выделенных количеств минно-торпедного вооружения, учитывая, что потребность в них на 2-е полугодие 1941 в/г составляет 50% от общей потребности на период до 1.01.43 г.» (ГАРФ ф. Р-8418, оп. 25, д. 481, л. 32–33).

В статье «ВИП-методом о планах 41-го» Кейстут Закорецкий свидетельствует, что «по «ПРОЕКТУ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК СССР «О МОБИЛИЗАЦИОННОМ ПЛАНЕ НА 1941 ГОД» (документ «Малиновки» – № 273) от **12 февраля 1941 г.** все плановые работы по нему должны были начаться **немедленно**, с расчётом окончания всех работ как в центре, так и на местах к **1 июля 1941 года**» (сборник «Новая правда Виктора Суворова, с. 135). Иными словами, **в начале февраля** советское руководство тайно привело в действие гигантский, чрезвычайно сложный, многоступенчатый, увязанный с работой транспорта, промышленности и сельского хозяйства, мобилизационный план, который должен был быть **окончательно выполнен к началу июля 1941 года**.

Другая важная дата – **10 июля 1941 года**. Именно к этому дню, по мнению многих военных историков, Красная Армия планировала закончить стратегическое развёртывание в целях нападения на Германию и её союзников. Именно к этому числу должны были прибыть и полностью разгрузиться в районах сосредоточения на линии Днепра и Западной Двины семь армий второго стратегического эшелона, перебрасываемые из внутренних военных округов с 13 мая 1941 года. Напомню: Резун-Суворов вполне справедливо предположил, что советскому командованию совсем не обязательно было дожидаться прибытия на место всех соединений этих армий, чтобы начать агрессивную войну. Входящие в них минимум 77 дивизий служили стратегическим резервом для развития ударов, нанесённых 171+ дивизиями первого стратегического эшелона, входившими в армии приграничных военных округов. Соответственно, решения о вводе в действие резервных армий на том или ином направлении принимались бы Москвой по итогам первых дней кампании. Отсюда и предположение Суворова о дате начала операции «Роза» – **6 июля 1941 года**.

Между прочим, много писалось о том, что в первые дни после нападения немцев сам факт нахождения в эшелонах сотен тысяч людей и гор военной техники отрицательно сказался на способности Красной Армии организовать эффективную оборону. И это, разумеется, чистая правда. Случалось, глубоко прорвавшиеся танковые клинья Вермахта заставляли эшелоны с войсками в чистом поле или на станциях во время разгрузки. Подобное

заканчивалось одним и тем же: в обстановке полной паники немцы устраивали настоящую бойню. С другой стороны, историки забывают, что, ударь Красная Армия первой, возможность гибко перенаправить ещё не разгруженные эшелоны со стрелковыми и механизированными корпусами на тот или иной участок фронта позволила бы сэкономить немало времени. Ведь в обстановке быстро развивающегося наступления – когда порой и два-три часа имеют решающее значение – лишний цикл разгрузки-погрузки означал бы как минимум два-три потерянных дня, и соответственно, упущенные возможности. А в случае удачного контрудара противника поздно подошедшие резервы вообще могут вызвать провал стратегического замысла «глубокой операции», приведя к полной потере инициативы. Но вернёмся к разговору о датах...

Дело в том, что существуют ещё несколько дат, неуклонно повторяющихся во многих советских документах той поры – это **19–21 июня 1941 года**. Прежде всего, как мы уже говорили, именно к **21 июня** были приведены в состояние полной боевой готовности и выведены в приграничные районы сосредоточения практически все боеспособные механизированные корпуса, артиллерийские полки и противотанковые артбригады первого стратегического эшелона: этому перемещению «стальной гвардии» «из леса в лес» я уже посвятил довольно много места в двух других книгах цикла «Большая война». Заметим, что и немцы проделали то же самое **практически в те же даты** со своими мотомеханизированными соединениями и артиллерией. Далее: именно в период **19–21 июня 1941 года** произошёл «переезд» уже созданных фронтовых управлений на передовые командные пункты. В тот же день – **21 июня** – должны были выехать в приграничные округа товарищи Жуков, Мерецков и Тимошенко, а также «сопровождающие их лица». Те, кто выехать успел (например, Мерецков), были вынуждены вернуться буквально через день: запланированный визит на границу **не был связан с нападением немцев и, соответственно, потерял смысл сразу после начала вторжения**. **21 июня** приграничные округа и флоты получили долгожданное распоряжение, развязывавшее руки в отношении самолётно-нарушителей. Об этом, в частности, свидетельствует Герой Советского Союза Ф.Ф. Архипенко: «...**За день до войны** пришла шифровка, разрешающая сбивать немецкие самолёты-разведчики» («Разгром 1941. На мирно спящих аэродромах...», с. 387).

Согласно таблице историка-«антисуворова» **Дэвида Гланца** (составленной по данным генерала Захарова), именно к **22 июня 1941 года** должны были прибыть в назначенные районы и разгрузиться войска нескольких армий 2-го стратегического эшелона – 16-й, 19-й, 20-й и 21-й («Колосс поверженный. Красная Армия в 1941 году», с. 164). Интересна судьба упомянутого выше приказа № 070 НКО: помните, согласно ему выпуск курсантов военных училищ переносился с осени на **1 июля 1941 года**? Так вот, В. Савин подсказывает, что «впоследствии выпуск был перенесён на **15 июня**, кроме того, выпускники немедленно направлялись в части, к которым были приписаны» («Разгадка 1941. Причины катастрофы», с. 207). Это означает, что в войска все эти десятки тысяч новоиспечённых сержантов и лейтенантов-«отпускников» (по выражению **К. Симонова**: см. с. 7 «100 суток войны») должны были прибыть аккуратно к **22 июня**. А вместе с юными «летёхами» к той же дате съезжались на границу и их старшие братья – мобилизованные из запаса командиры. «Несколько сот» этих офицеров, не знающих, где теперь – после «неправильного» начала войны – искать свои части, обнаружил на станции Шепетовка **24 июня 1941 года** знаменитый командарм **М.Ф. Лукин** (см. «Командарм Лукин», с. 33). Его 16-я армия, тайно прибывшая из Забайкалья после путаного четырёхнедельного путешествия, разгрузилась на Украине к **22 июня**. А на станцию Шепетовка он приехал не за «бесхозными» офицерами, а чтобы встретить входивший в его армию полнокровный («около 1300 танков») 5-й механизированный корпус генерал-майора Алексеенко.

В своей статье «Три плана товарища Сталина» Марк Солонин приводит выдержки из любопытнейшего Приказа № 00229 от **18 июня 1941 года** командования Прибалтийского Особого военного округа (ссылка на «Сборник боевых документов Великой Отечественной войны», № 34, Москва, Воениздат, 1953, – с. 11–12): «...Начальнику зоны противовоздушной

обороны к исходу 19 июня 1941 г. привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа (прим. автора: получается, что боеготовность ПВО Кузнецов начал повышать даже не в обед 21 июня – как упоминалось выше, а уже днём 19 июня)... Не позднее утра **20.6.41 г.** на фронтовой и армейские командные пункты выбросить команды с необходимым имуществом для организации на них узлов связи... Наметить и изготовить команды связистов, которые должны быть готовы к утру **20.6.41 г.** по приказу командиров соединений взять под свой контроль утверждённые мною узлы связи... Отобрать из частей округа (кроме механизированных и авиационных) все бензоцистерны и передать их по 50% в 3-й и 12-й механизированные корпуса. Срок выполнения **21.6.41 г.** » (сборник «Правда Виктора Суворова», с. 84). Напомню читателю, что 3-й и 12-й механизированные корпуса, насчитывавшие вместе не менее 1478 танков (включая минимум 136 Т-34 и КВ), – это основа «бронированного кулака» уже созданного к тому моменту (судя по тексту приказа) Северо-Западного фронта. Зачем им бензоцистерны? Ответ достаточно очевиден: **чтобы увеличить автономность мехкорпусов в первые дни наступательной операции.**

Приводит М. Солонин и выдержки из текста Приказа № 0033 от **18 июня 1941 года** («Сборник документов...» – с. 22–25), отданного во исполнение приказа командования фронтом командиром упомянутого выше 12-го мехкорпуса генерал-майором Шестопаловым Н.М.: «С получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части. Части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять... С собой брать только необходимое для жизни и боя». «Дальше, – пишет М. Солонин, – идёт указание начать в **23.00 18 июня** выдвижение в районы сосредоточения, причём все конечные пункты маршрутов находятся в глухих лесах» (там же). Напомню ещё раз, что аналогичные по содержанию приказы («из леса в лес») получили и тайно – передвигаясь исключительно ночью – **18–21 июня** выполнили сотни тысяч военнослужащих, входивших в нескольких десятков танковых и моторизованных дивизий, а также артполки и противотанковые артбригады первого стратегического эшелона Красной Армии.

М. Солонин в своей книге «22 июня. Анатомия катастрофы» цитирует доклад командира 7-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса Хацкилевича (Западный Особый военный округ) от 4 августа 1941 года: «...**20 июня 1941 г.** командир корпуса было проведено совещание с командованием дивизий, на котором **была поставлена задача о повышении боевой готовности**, т.е. было приказано окончательно снарядить снаряды и магазины, уложить в танки, усилить охрану парков и складов, проверить ещё раз районы сбора частей по боевой тревоге, **установить радиосвязь со штабом корпуса**. Причём командир корпуса предупредил, что эти мероприятия проводить без шумихи, никому об этом не говорить, учёбу продолжать по плану. Все эти указания были выполнены в срок. **22 июня в 2 часа** был **получен пароль** через делегата связи **о боевой тревоге со вскрытием «красного пакета»**. Через 10 минут частям дивизии была объявлена боевая тревога...» (с. 98). Удивительно! Оказывается, самое мощное механизированное соединение Красной Армии на Западном фронте (1131 танк, из них – 452 КВ и Т-34) **нарушило режим радиомолчания ещё 20–21 июня 1941 года!** Ещё удивительнее то, что так называемый «красный пакет» в 6-м мехкорпусе **вскрыли за два часа до начала войны** – и осуществили это вроде бы в нарушение запрещающего поступать именно таким образом приказа Сталина (мирно спавшего в 2 часа ночи на своей даче) и «предупреждающей» директивы Жукова—Тимошенко! Учитывая, что условный пароль вскрыть пакет с инструкциями на случай начала войны доставил делегат связи, приходится сделать вывод о том, что гонец из штаба фронта выехал **ещё раньше – скажем, примерно в 1.00 ночи 22 июня**.

Но это ещё не всё! Дело в том, что то же самое происходило на Юго-Западном фронте с другим «суперсоединением» Красной Армии – 4-м механизированным корпусом А. Власова (979 танков, из них 414 – КВ и Т-34). Об этом я узнал из статьи **Кирилла Александрова** «Планировался удар по Румынии в направлении нефтяных месторождений». Базируясь на показаниях генерала Власова, данных 7 августа 1942 года в Винницком лагере для

военнопленных, Александров сообщил следующее: **«20 июня** , выполняя приказ командующего (*прим. автора: 6-й армией*) генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко, Власов объявил в корпусе боевую тревогу, по которой поднял 8-ю танковую дивизию (в/ч № 5427) полковника П.С. Фотченкова и 81-ю моторизованную Калужскую дивизию (в/ч № 5454) полковника Варыпаева, приказав им начать выдвижение в установленные районы сосредоточения в районах Дубровицы и Янова (Львовская область). **21 июня** приказал соединениям корпуса продолжать движение **ещё западнеерайонов сосредоточения, установленных планом прикрытия госграницы** . 32-я танковая дивизия (в/ч 9656) полковника Е.Г. Пушкина начала выход из Львова **между двумя и тремя часами ночи 22 июня** » (сборник «Сверхновая правда Виктора Суворова», с. 186). Это означает, что **в штабе как минимум ещё одного – 4-го – мехкорпуса Красной Армии, базировавшегося на Украине, «красный пакет» был вскрыт в то же время – в 2.00 22 июня, что и в штабе 6-го мехкорпуса, находившегося в Белоруссии** . То, что самоубийственное желание идти наперекор приказам Сталина/Жукова/Тимошенко и вскрывать «красные пакеты» вдруг в одно и то же время (и ещё **до начала** «внезапной» войны) охватило командование двух самых мощных механизированных соединений Красной Армии на разных фронтах, **никак не могло быть совпадением** . Совершенно очевидно, что это одновременное вскрытие «красных пакетов» со сверхсекретными инструкциями на случай войны не могло являться самодеятельностью, а происходило по приказу из Москвы, отданному Сталиным Жукову и Тимошенко **до его отхода ко сну (примерно в 1.00 ночи 22 июня)** .

Р. Иринархов в своей книге «Красная Армия в 1941 году», цитируя воспоминания А.Л. Шепелева («В небе и на земле», Москва, 1974, с. 75), приводит ещё один релевантный факт, касающийся ВВС: «Готовились к войне и в Ленинградском военном округе, руководство которого ещё **в начале июня 1941 года** получило указание из Москвы о принятии самых неотложных мер по вводу в строй всех самолётов ТБ-3 1-го дальнебомбардировочного авиационного корпуса. Передававший это приказание заместитель главного инженера ВВС РККА генерал-майор А.В. Винокуров сказал: «...без промедления приступайте к делу. **20 июня 1941 года** все работы должны быть завершены. Предстоит выполнять очень ответственные задания» (с. 420). Наконец, уже к **19 июня 1941 года** были приведены в «предвоенную» степень готовности № 2 Северный, Балтийский и Черноморский флоты СССР. Согласно уже цитированным выше воспоминаниям тогдашнего наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова, в отличие от армейских начальников, морякам со «сдачей прицелов» голову не морочили. Максимум, что им приказали сделать, – это потратить пару часов на демонстративное сидение в театрах. Да и непонятная ночная директива Жукова/Тимошенко – «не поддаваться на провокации» – никак не касалась советского военноморского флота. Им «поддаваться на провокации» **разрешили** (см. «Накануне», с. 300), что и привело к срыву первых ударов Люфтваффе по советским базам. Никакой внезапности нападавшей стороне реализовать не удалось: к моменту подлёта германских бомбардировщиков, РКВМФ был уже приведён в «военную» степень готовности – № 1.

Пытаясь найти какое-то разумное объяснение всем этим действительно странным фактам, М. Солонин пишет: «Собирая вместе эти разрозненные обрывки исключительно важной информации, мы приходим к выводу, что **21–22 июня 1941 г.** происходили события, которые можно интерпретировать как «тайное и частичное» **введение в действие плана прикрытия** , состоявшееся **19–20 июня** » («23 июня – «День М», с. 264). Что ж, вполне возможно... Но ведь буквально на следующих страницах уважаемый историк приходит и к другому, казалось бы, парадоксальному, выводу: «В войсках западных приграничных округов начали происходить без преувеличения загадочные события, которые трудно охарактеризовать иначе, как **преднамеренное снижение боевой готовности** » (там же, с. 268).

Всё это говорит о том, что нельзя исключать и другое: **как демонстративное снижение боеготовности ряда частей и соединений приграничных округов, так и тайное повышение боеготовности большинства других с одновременным их выходом к**

границе (на исходные рубежи для атаки?), могли являться составными частями совсем другого плана, о котором нам просто ничего не известно .

Западный фронт: «самая короткая ночь»

Чтобы пролить дополнительный свет на малопонятные метания советского политического и военного руководства в период с вечера 21 до утра 22 июня, предлагаю попробовать проследить буквально по минутам, что происходило с процессом принятия решений в Западном Особом военном округе. При этом я буду ориентироваться преимущественно на показания, данные на допросах в НКВД бывшим командующим округом/фронтом генералом армии Павловым, а также на уцелевшие и опубликованные боевые документы Западного фронта и воспоминания очевидцев.

Начнём с последней предвоенной ночи – с 20 на 21 июня. Как мы уже говорили выше, в **2.40 утра 21 июня 1941 года** из штаба округа в Москву ушла шифровка, в которой было сказано: **«основная часть немецкой армии в полосе против Западного Особого военного округа заняла исходное положение»** . Как мы помним, это **известие о готовности Вермахта к нападению почему-то не вызвало в Москве ажиотажа** . Сталина никто не будил, срочное совещание в его кабинете никто не собирал, а Жукова с Тимошенко не усаживали писать «предупреждающие» директивы. Невзирая на совершенно очевидное намерение немцев напасть в ближайшие часы, как в штабе Западного ОВО (фронта), так и в Генштабе царило полное хладнокровие. Уже одно это, с моей точки зрения, совершенно однозначно говорит о том, что как в Москве, так и в Минске прекрасно знали о деталях германского плана, включая и точные дату/время удара, который **предполагал** нанести Гитлер.

Мало того, невзирая на сгустившиеся над округом тучи и постепенно нараставшее (особенно на уровне командиров приграничных частей и соединений) нервное напряжение, в течение дня 21 июня в некоторых частях сознательно и демонстративно (а иногда, как мы помним, и под присмотром прибывших из Москвы комиссий) были осуществлены демонстративные мероприятия по снижению боевой готовности. Напомню, что вечером того же дня генерал Павлов столь же показным образом отправился наслаждаться прекрасным. После спектакля с демонстративным просмотром «Свадьбы в Малиновке» (прерывавшегося не только аплодисментами, но и тревожными докладами разведчиков) командующий фронтом направился в штаб – ждать сигналов из Москвы. Точно таким же образом поступили и десятки (если не сотни) других военачальников на других фронтах, а также высшее руководство РКВМФ, флотов и спецслужб – НКВД и Разведупра. Началось «великое сидение», о котором я писал в начале данной работы. Подчеркнём в очередной раз, что, по собственному признанию Г.К. Жукова (а также как минимум десятка других мемуаристов), телефонная связь ВЧ с фронтами и флотами (а также окружных штабов с армейскими) работала устойчиво и без перерывов. Первые звонки наркома обороны и начальника Генштаба «на места» никак не могли раздаться ранее **22.45–23.00 21 июня** : согласно журналу посещений Сталина, они покинули совещание в кремлёвском кабинете вождя в 22.20 и просто не смогли бы добраться до своих собственных офисов и «сесть на телефоны» раньше указанного времени.

За первыми звонками Жукова и Тимошенко адмиралу Кузнецову и в управления фронтов последовали и официальные распоряжения Москвы, оформленные в пресловутую «предупреждающую» директиву Жукова. По поводу **первого** звонка в Минск Р. Иринархов сообщает: «Как вспоминал генерал И.И. Семёнов (в 1941 году начальник Оперативного отдела (*штаба*) округа), перед получением директивы о приведении войск в боевую готовность генерал армии Павлов разговаривал по ВЧ с маршалом Тимошенко, но какие он получил от него указания, так и осталось тайной» («1941. Пропущенный удар», с. 265).

«В «Журнале боевых действий Западного фронта», – пишет тот же автор, – зафиксировано, что зашифрованное распоряжение о приведении войск в боевую готовность

(прим. автора: «предупреждающая» директива № 1) поступило в округ в **00.45 22 июня** 1941 года, а в войска было передано без каких-либо изменений, только уже за подписью членов Военного совета ЗапОВО, в **2.25–2.35** » (там же). «В **1.00 22 июня** , – указывает историк, – генералы Павлов, Климовских и член Военного совета округа, находясь в штабе, получили во ВЧ указание наркома обороны: утром собрать начальников управлений и отделов – и странное предупреждение: «...будьте поспокойнее и не паникуйте... **ни на какую провокацию не идите** » (из протокола допроса бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова, Дело № Р-24 000) (там же, с. 266). Итак, это был уже **второй** ночной звонок Павлову из Москвы...

Несколько иначе это звучит в изложении самого Павлова: «В **1.00 22 июня** сего года по приказу народного комиссара обороны я был вызван в **штаб фронта** (прим. автора: после демонстративного посещения «культурно-массового мероприятия»; на самом деле, имея в виду первый звонок Тимошенко, Павлов появился в штабе как минимум на час-полтора раньше). Вместе со мной туда явились член Военного совета корпусной комиссар Фоминых и начальник штаба фронта генерал-майор Климовских. Первым вопросом по телефону народный комиссар задал: «Ну, как у вас, спокойно?» Я ответил, что очень большое движение немецких войск наблюдается на правом фланге: по донесению командующего 3-й армией Кузнецова в течение полутора суток в Сувалкский выступ шли непрерывно немецкие мотомехколонны. По его же донесению, на участке Августов—Сапоцкин во многих местах со стороны немцев снята проволока заграждения. На мой доклад народный комиссар ответил: «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, **может, что-нибудь и случится неприятное** , но смотрите, **ни на какую провокацию не идите**. Если будут отдельные провокации – позвоните» («23 июня – «День М», с. 249). Как видим, о **первом** звонке Тимошенко – который должен был раздаться где-то между 22.45 и 23.30 – бывший командующий Западным Особым военным округом по какой-то причине здесь ничего не говорит. Отметим также характер звонков из Москвы: нарком обороны пока явно «не проникся» до конца возможностью германского нападения.

Теперь поделюсь описанием очередной странной «несостыковки» той ночи. «К сожалению, – констатирует Р. Иринархов, – имеющиеся в архивах документы не дают возможности подробно разобраться в действиях руководящего состава армий ЗапОВО. Известно, что командующий 4-й армией генерал Коробков **около 1.00 22 июня под свою ответственность** приказал разослать во все подчинённые соединения и отдельные части опечатанные «красные пакеты» с инструкциями о порядке действий по боевой тревоге, разработанными по плану прикрытия РП-4 (ВИЖ, 1988, № 12, с. 15). Эти документы хранились в штабе армии и не вручались командирам соединений потому, что **не были утверждены округом** . Но командиры корпусов и дивизий **знали содержание документов** , так как были участниками их составления на своих рубежах обороны» («1941. Пропущенный удар», Москва, с. 266).

Возникает резонный вопрос: как мог Коробков сделать это «под свою ответственность» и якобы в преддверии германского нападения? Ведь, согласно сохранившимся боевым документам Западного фронта, шифровка с «предупреждающей» директивой Жукова была получена в **00.45, а в 1.00** Тимошенко специально ещё раз позвонил в штаб фронта и подчеркнул: «Смотрите мне там, не «подавайтесь»! К тому же на допросе Павлов показал следующее: «...в **3.30** народный комиссар обороны позвонил ко мне по телефону снова и спросил – что нового? Я ему ответил, что сейчас нового ничего нет, **связь с армиями у меня налажена и соответствующие указания командующим даны...**» («23 июня – «День М», с. 250). **Какие такие им были даны указания?..** Ведь из дальнейших показаний Павлова становится ясно, что приказ о введении в действие планов прикрытия он отдал «шибко самостоятельному» Коробкову лишь после начала военных действий: «**Примерно в 4.10–4.15** я говорил с Коробковым (прим. М. Солонина: командующий войсками 4-й армии) , который также ответил: «У нас всё спокойно». Через минут 8 Коробков передал, что «на

Кобрин налетела авиация, на фронте страшная артиллерийская стрельба». Я предложил Коробкову ввести в дело **«Кобрин 41 года»** (прим. автора: т.е. план прикрытия) и приказал **держать войска в руках, начинать действовать с полной ответственностью** (там же, с. 252).

То же самое Павлов сообщил и в отношении других армий фронта: «...Мне позвонил по телефону Кузнецов (прим. автора: командующий 3-й армией), доложив: «На всём фронте артиллерийская и оружейно-пулемётная перестрелка. Над Гродно до 50–60 самолётов, штаб бомбят, я вынужден уйти в подвал». Я ему по телефону передал ввести в дело «Гродно-4» (прим. М. Солонина: условный пароль плана прикрытия) и **действовать не стеснясь** , занять со штабом **положенное место ...»** (там же).

«Впрочем, – пишет М. Солонин, – сохранившееся в архивах (ЦАМО, ф.208, оп.2454, д.26, л.76) первое Боевое распоряжение командования Западного фронта состоит всего из двух фраз и **не содержит никаких упоминаний о плане прикрытия** : «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: Поднять войска и действовать по-боевому». На документе отметка: «Отправлен 22 июня 1941 г. **5 часов 25 минут** » (а не в **4.25** , как следует из показаний Павлова)» (там же, с. 253).

Мало того, о несостыковках между показаниями Павлова и реальным ходом событий говорят и другие источники. Р. Иринархов подсказывает: «...командующий 3-й армией (генерал Кузнецов) около **2.00 ночи 22 июня** по ВЧ получил приказ генерала Павлова: «Поднять войска по боевой тревоге, частям укрепленного района немедленно занять долговременные огневые точки и привести их в полную боевую готовность, по сигналу «Гроза» ввести в действие (прим. автора: так и не утверждённый) план прикрытия госграницы» (ссылка на К.Н. Галицкого, с. 35). Одновременно командующий округом сообщил, что по секретным средствам связи идёт передача важного документа (приказ НКО № 1 начал поступать в 3-ю армию около 3 часов утра, но в связи с нарушением связи получить его полностью так и не сумели), и предупредил, что, возможно, **немцы готовят провокацию** » («1941. Пропущенный удар», с. 267).

«В 10-й армии, – продолжает Р. Иринархов рассказ о событиях в Белоруссии, – ещё **20 июня 1941 года** генерал К.Д. Голубев на совещании с руководящим составом дал указание о повышении боеготовности войск. Распоряжение о подъёме войск (прим. автора: по боевой тревоге) в эту армию поступило по телефону лично от командующего округом в **2.30 22 июня** , приказавшего генералу Голубеву: «Вскрыть «красные пакеты» и действовать, как там указано» (ссылка на «Операции Советских Вооружённых Сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.)», Военно-научное управление Генерального штаба, т.1, 1958, с. 108). Переданный шифром приказ народного комиссара обороны № 1 был расшифрован в штабе армии уже после начала боевых действий» (там же, с. 268).

Напомню читателю, что именно в составе 10-й армии Западного фронта находился один из советских «суперкорпусов» – 6-й мехкорпус Хацкилевича, в котором **«22 июня в 2 часа был получен пароль** через делегата связи **о боевой тревоге со вскрытием «красного пакета»** . Соответственно, выехать тот самый делегат связи должен был как минимум за час до вручения пакета – то есть **примерно в 1.00** (именно в это время разослал такие же пакеты во вверенные ему части и соединения и «шибко самостоятельный» командарм-4 Коробков). Как могло самое мощное механизированное соединение не только Красной Армии, но и всего мира получить конкретные указания в отношении своих действий **раньше, чем его армейское начальство?** .. Подскажу вновь: то же самое и в то же время произошло и на соседнем Юго-Западном фронте со вторым советским «богатырём» – 4-м мехкорпусом генерала Власова.

А вот ещё один факт, касающийся загадочных событий на Западном фронте: «152-й корпусной артиллерийский полк (прим. автора: 4-го стрелкового корпуса 3-й армии Кузнецова)... – подсказывает Р. Иринархов, – дислоцировавшийся в Гродно, 21 июня был поднят по тревоге и получил распоряжение выдвинуться к деревне Сониче (7–8 км от

границы) и занять там огневые позиции. Около **23 часов** колонна полка двинулась в указанный район» («1941. Пропущенный удар», с. 23). **Как объяснить то, что 152-й арtpолк получил приказ выдвинуться к границе ещё до окончания совещания в сталинском кабинете и первого тревожного звонка наркома обороны Тимошенко Павлову (и, соответственно, Павлова командарму Кузнецову)?..** Историк Р. Иринархов упоминает и другой эпизод, относящийся к «хозяйству» Кузнецова: «21 июня, – пишет он, – генерал Кузнецов проверил состояние частей (27-й стрелковой дивизии уже знакомого нам 4-го стрелкового корпуса). Оценив сложную обстановку в полосе её обороны, командарм приказал два батальона 345-го стрелкового полка вывести из казарм на заранее подготовленные позиции на рубеж реки Нетта и Августовского канала, прикрыв это направление со стороны Сувалок. Об этом своём решении командующий 3-й армией не доложил в округ, опасаясь его отмены со стороны высшей инстанции» (там же, с. 33). Сообщая об удивительной (если не сказать невероятной) для сталинской Красной Армии смелости и самостоятельности командарма, приведшего якобы «без спросу» в движение по направлению к границе тысячи своих подчинённых и десятки тяжёлых орудий (а возможно, и многое чего другое) **зادолго до первого тревожного звонка** командующему фронтом из Москвы (и, соответственно, до предупреждения Павлова самому Кузнецову), Р. Иринархов ссылается на воспоминания К.Н. Галицкого. У меня, естественно, возникают вопросы и комментарии.

Например, такого рода: а что, если командарм-3 никуда не докладывал о своих приказах подчинённым ему частям и соединениям не потому, что был «шибко самостоятельным», а наоборот – потому что твёрдо следовал указаниям «высшей инстанции»? И что, соответственно, два батальона ещё 21 июня вышли к приграничной реке не для того, чтобы её «прикрыть» (ничего они в итоге не прикрыли), а чтобы изготoвиться к её форсированию... Напомню, что, по словам всё того же Р. Иринархова, соседи Кузнецова из 28-го стрелкового корпуса 4-й армии до 21 июня 1941 года проводили командно-штабное учение на тему «Наступление стрелкового корпуса с преодолением речной преграды». И что после окончания учения со столь характерной тематикой штаб упомянутого соединения сосредоточился на полевом командном пункте в районе Жабинки – т.е. в приграничном районе и «возле речной преграды» (там же, с. 25).

Думаю, что в том же ряду и пример смелых действий другого якобы «шибко самостоятельного» военачальника – генерала Захарова в Одесском военном округе: тот, напомню, уже **в 23.00 21 июня** «решительно» отдал приказ следующего содержания: «...1. Штабы и войска поднять по боевой тревоге и вывести из населённых пунктов. 2. Частям занять свои районы. 3. Установить связь с пограничниками» («Красная Армия в 1941 году», с. 420). «Командующему ВВС округа генерал-майору Ф.Г. Мичугину, – подсказывает Р. Иринархов, – было приказано немедленно, не дожидаясь рассвета, рассредоточить авиацию по полевым аэродромам» (там же). Уважаемый историк считает, что упомянутые «решительность» и «смелость» генерала, проявленные в ходе полного игнорирования приказов Москвы – это результат активной жизненной позиции. Мол, тот настолько сильно болел душой за своих подчинённых, что сознательно подставил голову под сталинский топор. Скажу честно: я в это поверить не могу. И уж точно я никогда не поверю в то, что подобная смелость у сталинских выдвиженцев могла проявиться практически одновременно и в столь массовом порядке. **Если бы советские полковники, генералы и маршалы действительно были такими смелыми, самостоятельными и решительными, катастрофы июня 1941 года (а также многих других последовавших за нею разгромов) не случилось бы.**

Подчеркну вновь: единственный вывод, который напрашивается у вашего покорного слуги, заключается в том, что целый ряд соединений (дивизий и корпусов) и объединений (армий) Красной Армии ещё до германского нападения начали выполнение каких-то заранее намеченных планов. М. Солонин (и многие другие) считают, что это были так никогда и не утверждённые планы прикрытия. Возможно, они и правы. Но тогда возникает резонный

вопрос: зачем Павлову понадобилось вводить эти планы прикрытия в действие **дважды** – то ли в 2.00–2.30 ночи (до начала войны), то ли в 4.00–5.00 утра (уже после нападения немцев)?.. Поскольку на этот мой вопрос ответить трудно, я задам второй: а что, если вся эта, развёрнутая якобы на свой страх и риск активность осуществлялась **согласно какому-то другому плану, о котором нам пока просто не известно?** .. И что так никогда и не утверждённые планы прикрытия просто более или менее соответствовали **общим чертам этого плана?**..

Вспомним ещё один фрагмент из показаний Павлова: «Всё, о чём доложили мне командующие (*прим. автора: о начавшихся немецких бомбардировках и артподготовке*), я немедленно и точно донёс народному комиссару обороны (*прим. автора: третий ночной разговор?*). Последний ответил: **«Действуйте так, как подсказывает обстановка»** («23 июня – «День М», с. 252). Вполне логичный ответ, если принять гипотезу о «козырной карте». Высшее военное руководство не может не видеть, что дело принимает совсем не тот оборот, что был обещан Сталиным, но послушаться (пока спокойно спящего) вождя не смеет. Во-первых, а вдруг Хозяин прав и это всё же «провокация» – то есть «фальш-старт» германского нападения, которое к утру сойдёт на нет и окажется «пшиком»? Во-вторых, они прекрасно понимали, что, если – не приведи Господь! – они, как говорят американцы, вдруг «нагадят на сталинский парад», то им не сносить головы. Отсюда – и неопределённые (до абсурда!) пожелания «держат войска в руках» и «действовать по обстановке».

Скоро – когда Сталин таки был разбужен и выдал первые «ЦУ» – Жуков и Тимошенко получили возможность убедиться в своей лакейской «мудрости» и умении угадывать пожелания Хозяина. **В4.20 утра** в Москву ушла шифровка штаба Западного фронта, извещавшая о воздушном и артиллерийском нападении немцев. «И вот, – пишет Р. Иринархов, – в Минске раздался (**четвёртый ?**) звонок, и взявшему телефонную трубку генерал-лейтенанту Болдину (командующий округом в это время вышел из кабинета) Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко сказал: «Товарищ Болдин, учтите, **никаких действий против немцев без нашего ведома не предпринимать.** Ставлю в известность вас и прошу передать Павлову, что товарищ Сталин не разрешает открывать артиллерийский огонь по немцам. Разведку самолётами вести не далее шестидесяти километров» («1941. Пропущенный удар», с. 271).

Как объяснить необъяснимое?..

Считаю, что ближе всего к разгадке тайны этих, казалось бы, необъяснимых событий подошёл Марк Солонин в своей статье «Три плана товарища Сталина». Вкратце его точка зрения заключается в следующем. Как минимум с марта 1940 года в Генштабе Красной Армии существовал план войны с Германией, который представлял собой план проведения грандиозной наступательной операции за пределами СССР. Начиная с сентября 1940 года все варианты оперативного плана предусматривали развёртывание главных сил Красной Армии в районе так называемого Львовского выступа для нанесения удара в общем направлении на Краков—Катовице. Якобы имевшее место ошибочное «предчувствие» Сталина в отношении южного (к югу от Припятских болот) направления возможного удара немцев здесь ни при чём: с самого начала речь шла о первом внезапном ударе Красной Армии. Стратегический замысел – ударить в место, наименее защищённое немецкими укрепрайонами и наиболее благоприятное для действий больших масс советских танков. Цель – отрезать Германию от источников нефти и продовольствия и, таким образом, обеспечить её неминуемое поражение из-за отсутствия стратегических ресурсов. «Скорее всего, – пишет М. Солонин о возможной первоначально планировавшейся дате советского вторжения, – речь шла о лете 1942 года». Именно к 1942 году он относит и загадочную запись, сделанную рукой Ватутина на рассекреченной части Доклада Генштаба Красной Армии от 11 марта 1941 г.: «Наступление начать 12.6». «В какой-то момент весны 1941 г., – развивает свою мысль М. Солонин, – Сталин понял, что «оттянуть» до лета следующего года не удастся, и нанести удар первым

возможно лишь в том случае, если Красная Армия начнёт наступление не позднее сентября 1941 года».

Он даже определяет временные рамки, когда было принято соответствующее окончательное решение приблизить дату нападения на Германию: не раньше 6 апреля 1941 г. – и не позже 24 мая 1941 г. Первая дата – день подписания договора о дружбе и взаимопомощи с путчистским правительством Югославии, что означало конец нормальных отношений с Германией и очередной прямой вызов Гитлеру. Была, что называется, «пройдена точка невозврата». 24 мая 1941 года – дата проведения самого загадочного совещания советского военного и политического руководства, по поводу повестки дня которого до сих пор ничего не известно. Многие историки, тем не менее, считают, что именно в этот день до командующих приграничными округами (фронтами) довели содержание бывших до сей поры абсолютно секретными оперативных планов. В другой своей работе – «23 июня – «День М» – М. Солонин несколько сужает рамки принятия упомянутого решения: теперь временной диапазон находится между 6 апреля и 5 мая 1941 года (с. 160). Последняя дата, по-видимому, выбрана в связи с тем, что именно в этот день в округа ушла некая – до сих пор засекреченная – директива Генштаба, которая, по мысли В. Суворова, как раз и ориентировала Красную Армию на подготовку к нападению на Германию и её союзников. В тот же день Сталин назначил себя премьером и произнёс знаменитую (и тоже до сих пор не найденную) «милитаристскую речь» перед выпускниками военных академий, основные тезисы которой, тем не менее, известны благодаря воспоминаниям десятков свидетелей. М. Солонин считает, что Сталину пришлось повторно приблизить дату удара по Германии, и что произошло это «в середине июня (где-то между 10-м и 20-м числами)» (там же, с. 280). Насколько я понимаю, уважаемый историк, изучивший журнал посещений Сталина и отметивший дни, когда в кабинете вождя собирались наиболее представительные контингенты высших военных, склоняется в пользу **18 июня**.

Я пришёл практически к тому же выводу. Правда, при этом я исходил из своей гипотезы о том, что советский «день М» был завязан на окончательно определённый фюрером день германского нападения (которое, согласно сталинскому плану, не должно было состояться). «Точка невозврата» для Гитлера, напомним, приходилась на 17 июня: именно этот день ещё 10 июня был определён Вермахту в качестве последнего, когда план «Барбаросса» ещё можно было отменить или перенести. Получив сигнал о подтверждении даты нападения, вечером 18 июня немецкие танковые и моторизованные соединения начали покидать районы выжидания и занимать исходные районы у границы. Это, разумеется, было зафиксировано советскими разведорганами: я привёл немало свидетельств этого в книге «22 июня: никакой внезапности не было!». Вечером того же дня – 18 июня – точно такие же действия начали совершать и советские мехкорпуса. Чуть позже – 19–21 июня – были окончательно созданы и выведены на передовые КП управления фронтов, приведены в состояние повышенной боевой готовности большинство частей и соединений приграничных округов, а также советский военно-морской флот.

Так или иначе, «скорректированная» дата советского удара «по Солонину» – в диапазоне с середины июня до конца августа 1941 г. «Вероятно, – утверждает историк, – предполагалось начать наступление Красной Армии **в последних числах июня 1941 г.** В рамках этого плана... днём начала открытой мобилизации был установлен понедельник, 23 июня 1941 г.» (сборник «Правда Виктора Суворова. Окончательное решение», с. 88). Я готов согласиться с мнением М. Солонина, который (вместе с К. Закорецким) и подтолкнул меня к тому же выводу: начало Большой войны должна была ознаменовать «Большая провокация», организованная самим же Сталиным. Организационной подготовке такой провокации именно в этот период – 22 июня 1941 года – я посвятил одну из глав данной работы.

Вместе с тем, я не согласен с М. Солониным в том, что потрясённым вождь мирового пролетариата оказался из-за «невероятного совпадения». Мол, Вермахт ударил как раз в тот момент, когда «сталинские соколы», сев в кабины импортных германских Ju-88 и родных

советских ДБ-3 и СБ, готовились взлететь в небо, чтобы отбомбиться по советским городам. Кстати, возможно, что и взлетели: я уже упоминал в предыдущих главах о довольно многочисленных фактах проведения советскими военно-воздушными силами загадочных ночных учений в ночь с 21 на 22 июня 1941 года. Ранее я приводил факты и того, что именно в эту ночь всяческие «экспериментальные/опытные/показательные» учения возле границы вдруг затеяли проводить не только авиаторы, но и представители других родов войск – например, артиллеристы и пехотинцы. Также из перечисленных мною фактов становится ясно и то, что происходили эти ночные «тренировки» с до сих пор неизвестной тематикой практически на всём протяжении советско-германской границы: в Прибалтике, Белоруссии и на Украине. Не попалось мне соответствующей информации о ночных манёврах советских ВВС и других родов войск в ночь с 21 на 22 июня 1941 года пока лишь в отношении самых северных и самых южных участков будущего противостояния – на границах с Норвегией, Финляндией и Румынией. Между прочим, если военные занимаются учениями, да ещё и в приграничье, то принимающие в них участие части и соединения **автоматически находятся в состоянии повышенной боевой готовности**. Во всяком случае, именно так обстояло дело во время моей собственной службы «под знамёнами» в середине 80-х. Скажем, если армии стран Варшавского Договора проводили совместные учения по отражению воздушного нападения НАТО, то все соединения ПВО в западных районах СССР «стояли на ушах» и часто спали не раздеваясь в течение как минимум недели. Но вернёмся к М. Солонину...

Прежде всего, сам же он и говорит: вероятность подобного совпадения – «всё равно, что во время дуэли попасть пулей в пулю противника». Это тем более невозможно, имея в виду, что чуть ли не вся Красная Армия (от Жукова с Тимошенко – до лейтенантов Петрова и Покрышкина) знала о дате и часто даже времени германского выступления. **Гораздо менее невероятной звучит моя гипотеза о «козырной карте»**. Разумеется, её вряд ли получится обосновать с помощью найденных в архивах документов: если они и были, их давным-давно уничтожили (или уничтожают сейчас – в процессе так называемой «оцифровки»). Несмотря на это, моя теория объясняет загадочные события, происходившие 20–22 июня 1941 года, с точки зрения, которая:

1) исключает «идиотизм», «доверчивость» и «душевный паралич» Сталина, якобы проявленные им накануне войны;

2) строится на обширном базисе косвенной информации. Считаю, что я достаточно убедительно продемонстрировал, что Сталин **вполне мог считать**, что имел «технические» возможности для устранения Гитлера. Предположение о существовании подобного плана полностью укладывается в «модус операнди» советского диктатора и его спецслужб, оно соответствует и повадкам партии большевиков в целом;

3) позволяет сделать допущение о том, что некое несчастливое для планов Сталина «совпадение» скорее всего действительно имело место, но было при этом гораздо менее невероятным, чем в версии, которой придерживается М. Солонин. Я предполагаю, что «невезучесть» советского деспота заключалась в следующем: **в последний момент сразу несколько планов по устранению Гитлера одновременно пошли наперекосяк**. Такое Сталину действительно было трудно предположить – особенно, если это произошло уже **после** получения донесения о том, что как минимум один из вариантов ликвидации фюрера «выстрелил», и оставалось лишь ждать скорых и приятных известий на этот счёт;

4) позволяет понять временную цепочку между ликвидацией Гитлера, задуманной Сталиным провокацией (или началом нападения Вермахта – что, по сути, послужило бы нечаянно оказанной немцами Сталину «услугой»), назначенным на 23 июня началом открытой фазой мобилизации и запланированным на конец июня «двойным ответным ударом» Красной Армии. Дело в том, что за смертью «бесноватого» наверняка последовала бы некая стратегическая пауза, в ходе которой новые правители Германии попытались бы «замять» инцидент на границе и предотвратить совсем не нужную им войну с рассерженным СССР. 120 дивизий ударного эшелона Вермахта при этом топтались бы на месте и/или начинали бы отвод войск от границы. Красная Армия тем временем спокойно провела бы

открытую фазу мобилизации, за 2–3 дня (начиная с 23 июня) довела бы численность приграничных частей и соединений до штатов военного времени и окончательно вывела бы 171+ дивизий первого стратегического эшелона на исходные позиции для нападения.

На эту мысль наводят и факты, свидетельствующие о том, что окончание (или начало) ряда мероприятий, проводимых в Красной Армии, были завязаны **не на 21 июня и не на 1 июля, а на дни между этими двумя датами**. Так, Р. Иринархов подсказывает, что «21 июня командование 47-го и 44-го стрелковых корпусов, 17, 50, 121 и 161-й дивизий получило распоряжение штаба округа (*ЗанОВО*) на передислокацию своих частей на запад, которая была назначена на **23 июня**» («1941. Пропущенный удар», с. 264). Ссылаясь на с. 11–12 «Сборника боевых документов Великой Отечественной войны» № 35, М. Солонин приводит «Приказ командующего Прибалтийского ОВО № 0052 от **15 июня 1941 г.**: «...Установку противотанковых мин и проволочных заграждений перед передним краем укрепленной полосы готовить с таким расчётом, чтобы в течение трёх часов минное поле было установлено (*прим. автора: насколько я в курсе, никаких минных полей в ПрибОВО так и не установили*)... Проволочные заграждения начать устанавливать немедленно... **С первого часа боевых действий** организовать охранение своего тыла, а всех лиц, внушающих подозрение, немедленно задерживать и устанавливать быстро их личность... **Самолёты на аэродромах рассредоточить и замаскировать в лесах, кустарниках, не допуская построения в линию, но сохраняя при этом полную готовность к вылету.** Парки танковых частей и артиллерии рассредоточить, разместить в лесах, тщательно замаскировать, сохраняя при этом возможность в установленные сроки собраться по тревоге... Командующему армией, командиру корпуса и дивизии составить календарный план выполнения приказа, который полностью выполнить **к 25 июня с.г.**» («23 июня – «День М», с. 265).

Как это ни странно, но я пришёл к примерно той же дате: 22 июня – «провокация»; 23 июня – объявляется открытая фаза мобилизации, за два-три дня (как и планировалось мобпланом) приграничные дивизии доводятся до штатов военного времени; к 1 июля – закончены последние приготовления, касающиеся соединений 1-го стратегического эшелона, а большая часть войск 2-го уже разгрузилась в западных округах. В зависимости от обстановки, Красная Армия смогла бы нанести полновесный внезапный удар **начиная уже примерно с 26 июня**. Стали бы ждать выходных?.. Думаю, гораздо большее значение имел бы **момент начала отвода германских войск от восточной границы**, а также его темпы.

С кем велись переговоры накануне войны?..

С чего я вообще взял, что переговоры по «улаживанию инцидента» таки должны были состояться? Дело в том, что, помимо Мартина Бормана, Сталин, по моему мнению, мог общаться с ещё одной группой «заинтересованных лиц». Именно для них, напомним, советские генералы с адмиралами тоскливо потели в театрах и клубах, а целые пехотные дивизии усердно поднимали пыль на приграничных дорогах, отходя на пятьдесят километров в тыл. Я предполагаю, что существует связь между Сообщением/Заявлением ТАСС от 13 июня, статьей-«требованием» в New York Times от 15 июня (и, вполне возможно, похожими статьями в других ведущих изданиях мира), показушным снижением боеготовности многих приграничных частей и соединений Красной Армии 20–21 июня и полной уверенностью Сталина в том, что **только он** может начать войну между СССР и Германией. Я, разумеется, не знаю, кто были эти загадочные «собеседники» (и были ли они вообще), но предположить могу. **Моя ставка – на немецких генералов**. Поясню логику данного вывода.

Во-первых, существует огромный массив фактов, подтверждающих, что в среде германского генералитета всегда существовала то более, то менее активная оппозиция нацистскому режиму в общем и Гитлеру в частности. Документально известно как минимум об одном – условно «западном» – «крыле» заговора. Это крыло, включавшее на разных

этапах таких людей, как Канарис, Бек, Гальдер, Шахт (а также многие другие видные фигуры германского истеблишмента), предприняло по крайней мере две попытки убийства фюрера. Обе – подложенная 13 марта 1943 года в самолёт Гитлера бомба (не взорвалась) и состоявшийся взрыв в «Вольфшанце» 20 июля 1944 года – вполне достоверно показаны в американском фильме «Валькирия». Гораздо меньше известно о тех немецких офицерах, которые сотрудничали с советскими спецслужбами. Тем не менее, после проведённой нами «инвентаризации» сталинских разведактивов, имевшихся в его распоряжении в Германии накануне и в ходе войны, мы знаем о том, что существовали как минимум две группы немецких офицеров, так или иначе помогавших СССР. Это – упомянутая Резуном-Суворовым группа «Викинг» и загадочный информатор Рёслера («Люси») – уже упоминавшийся суперагент «Вертер», которого с довольно неуклюжим (а потому подозрительным) старанием пытался прикрыть бывший главный диверсант НКВД П. Судоплатов. Не исключено, правда, что была и ещё одна группа (и даже группы), о которых мы не знаем и не узнаем никогда. Напомню: практически всё, что нам известно о сталинских агентах, стало достоянием гласности благодаря провалам, предательству и выборочному открытию архивов (в первую очередь немецких).

В ходе моих собственных изысканий у меня возникли некоторые соображения по поводу личности загадочного переговорщика Сталина. Отправной точкой послужила следующая мысль: если 21 июня, демонстративно снижая боеготовность некоторых соединений Красной Армии, Сталин выполнял некое предварительное условие, поставленное кем-то по ту сторону границы, **то этот «кто-то» должен был иметь возможность удостовериться в том, что Советы действительно следуют некоей тайной договорённости**. Проще говоря, тайный участник секретного переговорного процесса должен был иметь прямой доступ к информации одной из германских разведывательных служб, обладавших «активами» в советских приграничных районах. Думаю, в данном случае речь не идёт о сравнительно небольших Отделе «Иностранных армий востока» Вермахта, отделе военно-морской разведки, разведке Люфтваффе (*Forchungs Amt*), «Иностранном политическом бюро» Розенберга и разведотделе германского МИДа: в то время их возможности блекли в сравнении с мощью двух других шпионских гигантов – СД (*Ziherheitgedienst*) и Абвера.

Понятно, что, захоти СД – Гейдрих, Мюллер и Шелленберг – пойти на контакт с большевиками, они имели бы самые широкие возможности для этого. Тем более, что в последние два года перед войной между ведомствами, за которые отвечали Гиммлер и Берия, были установлены вполне официальные связи, увенчавшиеся плодотворным и вполне взаимовыгодным сотрудничеством, которое не прекращалось вплоть до начала военных действий (а возможно, и после него). В книге «22 июня: никакой внезапности не было!» более подробно говорится о том, что «братские» организации тесно работали, скажем, в деле уничтожения польской интеллигенции. Именно НКВД сделал фашистам царский подарок, передав в руки гестапо несколько тысяч германских (и не только) коммунистов – тех, которых чекисты не успели истребить сами в 1937–1938 годах. Представители карательных структур (в том числе и высшие руководители) фашистского Рейха и коммунистического СССР активно обменивались своим весьма специфическим опытом, ездили в гости друг к другу, дарили друг другу пыточные инструменты и регулярно сиживали за праздничным столом, поднимая тосты за Гитлера, Сталина и победу германского оружия над британским империализмом. Разумеется, СД обладала достаточно разветвлённой сетью агентов в СССР – и не только в приграничных районах. Соответственно, они вполне могли оперативно зафиксировать частичный отвод пехотных частей от границы и засвидетельствовать «культпоходы» советских генералов и адмиралов вечером 21 июня 1941 года. Однако есть и одно большое «но»: я не верю в то, что Гиммлер и его приближённые (в первую очередь Гейдрих) пошли бы на прямое предательство фюрера уже в 1941 году. И не только потому, что на пряжках их ремней было начертано «Верность – мой девиз». Просто тогда никто из них не думал, что восточная авантюра «бесноватого» выйдет им боком. Нехорошие мысли в

отношении потерявшего нух вождя стали появляться у эсэсовцев значительно позже – в 1943 году. Поэтому, если бы таинственными переговорщиками Сталина действительно были Гиммлер и/или его люди, то целью общения с большевиками могло быть лишь вождение последних за нос. По сути, если бы секретные контакты, увенчавшиеся успешным обманом Сталина и разгромом Красной Армии летом 1941 года, являлись со стороны СД преднамеренной провокацией, то можно было бы говорить **о самой грандиозной по своим масштабам и достигнутым результатам шпионской операции в истории человечества**. Но если бы таковая действительно имела место и к ней приложило бы руку ведомство Гейдриха, то его подчинённый – уже известный нам мемуарист и бывший начальник политической разведки СД Вальтер Шелленберг, не замеченный в особой скромности при описании личных заслуг перед *Фатерляндом*, непременно растрезвонил бы об этом триумфе на весь мир. Как скоро в его воспоминаниях о подобной операции не упомянуто ни единым словом, то я бы смело исключил Гиммлера и «его команду» в качестве кандидатов на роль тайных переговорщиков советского вождя в мае–июне 1941 года. Что ж, в таком случае остаётся Абвер...

«Троянский конь» во главе «Чёрной капеллы»

«...Особым коварством, лицемерием и жестокостью...» – именно такими чертами, согласно **Советской Военной Энциклопедии** (том 4, с. 65), характеризовалась деятельность руководителя военной разведки фашистской Германии (в просторечии Абвер) адмирала Фридриха Вильгельма Канариса. Без особой любви обошлась с ним и **Большая Советская Энциклопедия**: «организатор международных военных провокаций и диверсий...» (том 11, с. 939). Не дали ему в указанных энциклопедиях никакой скидки и за участие в заговоре против Гитлера в 1944 году: оказывается, делал это Канарис исключительно из-за «приближающегося поражения фашистской Германии» (там же). Надо же, а я-то думал, что участником заговора против Гитлера бывший моряк являлся как минимум с 1938 года... Ну да ладно: какие там «послабления» шефу Абвера! И всё же: подобный пафос – «с особым цинизмом...» – как-то плохо сочетается с тем, что было написано о повешенном нацистами (в два приёма, на струне от рояля – чтобы помучился) адмирале в западной исторической литературе.

Возьмём, например, уже упоминавшуюся книгу на эту тему – русский перевод работы Ричарда Бассета – «Главный шпион Гитлера». В Англии её впервые опубликовали в 2005 году. Уже на этапе введения становится понятным главный посыл книги: Канарис был большим другом демократического Запада. В особенности же он старался помогать бастиону европейского парламентаризма – Британской империи. «Ныне, – констатирует Бассет, – напечатано многое, способное помочь желающим обратить внимание на связи между Канарисом и его оппонентом в Британской службе безопасности сэром Стюартом Мензисом (*прим. автора: по словам Бассета, многие считали Мензиса незаконным сыном короля Эдуарда VII*). Нет сомнения, что они сотрудничали в целях установления взаимопонимания между Британией и Германией с негласного одобрения Черчилля, и в 1943 году это могло привести к более раннему окончанию войны» (с. 16). По ходу книги выяснится, что шанс этот был упущен из-за «неразумного» требования о безоговорочной капитуляции, выдвинутого союзниками на конференции в Касабланке. Поспособствовали этому и происки врагов немцев: в частности, американского министра финансов – злопамятного еврея Генри Моргентау. Согласно Бассету член кабинета Рузвельта призывал не только уничтожить промышленность послевоенной Германии, но ещё и кастрировать всех немецких мужчин в возрасте до сорока лет (там же, с. 213). «Черчилль, – подчёркивает Бассет, – прекрасно осознавал, в каком долгу Англия находится перед Канарисом, а также то, что адмирал действительно являлся центральной фигурой возможных контактов между Германией и Британией не только в 1940-м, но и в 1943-м» (там же, с. 21).

Доказывая это, он, правда, использует не самые, скажем так, беспристрастные

источники: «В самом конце 1940 года... Мензис вызвал двойного агента Абвера Душко Попова по кличке «Трицикл» в свой загородный кабинет... Коснувшись главной темы, «Си» (*прим. автора: так Стюарта Мензиса называли подчинённые*) продолжал: «Мы знаем, что Канарис, Дохняный и Остер (*прим. автора: начальник штаба Абвера*) – отнюдь не нацисты. Их можно назвать честными офицерами и германскими патриотами. В 1938-м Черчилль разговаривал с Канарисом... и мне может захотеться продолжить начатый Черчиллем разговор» (там же, с. 23). Таким образом, Бассет ненавязчиво подталкивает нас к следующей мысли – мол, встреча двух шпионских «царей» таки могла состояться (это якобы произошло в солнечной Испании).

По мнению Бассета, существует достаточно оснований, чтобы утверждать: «Кроме того, Абвер играл роль защитника антифашистских конспираторов. Являясь единственным исключением из жестоких ограничений расовых законов Третьего рейха, он спас множество евреев. Более того... Канарис также вмешивался, чтобы спасти людей от айнзатцкомманд СС (*прим. автора: нацистский аналог советских отрядов особого назначения НКВД*), которые следовали за фронтом и действовали в тылу» (там же, с. 27). И это, скорее всего, правда. Но также является правдой и то, что один из главных нацистских преступников – Генрих Гиммлер – «под занавес» тоже спас из лагерей и переправил в Швейцарию тысячи евреев. Тем не менее, на снисхождение союзников глава СС не рассчитывал, в плену находиться не пожелал и покончил жизнь самоубийством. А Вальтер Шелленберг, собственно и организовавший прилёт в столицу Третьего рейха (!) высокопоставленных американских евреев для ведения соответствующих переговоров с главным эсэсовцем, хоть и не был повешен, но всё же получил полновесный срок по приговору Нюрнбергского трибунала. Спасение евреев поспособствовало разве что его досрочному освобождению по болезни, от которой он скоро и скончался, не дожив даже до 45 лет. Возможно, впрочем, что гораздо больше ему помогло сотрудничество с британской разведкой.

«У Канариса, – признаёт Бассет, – ушло несколько больше времени, чем у многих других, чтобы понять, чем на деле являются нацисты. Но убедившись, что они ведут страну к гибели – как физической, так и духовной, – он уже не отклонялся от политики систематического подрыва режима изнутри и упорно искал взаимопонимания с Западом» (там же). Далее следует совсем уж пафосное утверждение: «С тех пор (*прим. автора: после речи Гитлера на параде в Гросс-Борне летом 1938 года*), словно новообращённый, Канарис считал своей обязанностью противодействовать Гитлеру не столько снаружи, сколько изнутри его логова. Судьба назначила его наблюдать за режимом и даже предотвращать некоторые его эксцессы. Он начал вести дневник (*прим. автора: к этому дневнику мы ещё вернёмся*). В то же время он сохраняет организацию, которая может продемонстрировать существование достойной Германии, способной к независимым действиям в условиях гангстерского государства. Эта организация будет проникнута этикой европейской цивилизации. Небольшой, но эффективный Троянский конь среди преступного режима, оплот чести и достоинства в сгущающейся тьме морального разложения» (там же, с. 161). Надо сказать, что эта самая «этика европейской цивилизации» никак не помешала Канарису в ходе войны отправить в советский тыл тысячи агентов Абвера, часто одетых – вопреки не только «этике», но и вполне конкретным международным законам – в советскую форму. И действовали эти «рыцари света» отнюдь не по-рыцарски. А, скажем, небезызвестный Отто Скорцени чудом избежал сурового приговора союзного трибунала как раз за переодевание своих подчинённых в американскую форму во время германского наступления в Арденнах в декабре 1944 года.

Как и положено в случае «новообращённого» столь высокого ранга (напрашивается аналогия со св. Павлом), после войны всплыли и соответствующие заветы мученически убиенного пророка. Бассет сообщает: «Секретные директивы» (*Канариса*) были перечислены в конце войны полковником Лахузенем (*прим. автора: глава диверсантов Абвера*). Цель их состояла в предотвращении войны при любых обстоятельствах:

1. Создание в недрах «Абвера II» секретной организации с целью консолидации

антинацистских сил и подготовка к тайным действиям против системы, которые возможны в будущем.

2. Систематическое удаление фанатичных шпионов СД и нацистов из Абвера.

3. Защита лиц, которым угрожают гестапо, СД, НСДАП или Министерство иностранных дел.

4. Отсутствие деятельности «Абвера II» (саботаж) при создании видимости активной работы» (там же)».

После этого уже не вызывают удивления следующие высказывания Бассета: «В лице Канариса у Лондона был не агент, но верный союзник» (там же, с. 206) и «адмирал... более, чем любой другой немец, помог разрушить нацистскую Германию» (там же, с. 323). Поражает и другая информация, сообщённая британским историком: так, с началом Второй Мировой войны «...Канарис обращался к одному генералу за другим с простым заключением: «От Гитлера нужно избавиться!»» (там же, с. 201). При этом, **ни один из упомянутых генералов – включая и тех, кто не соглашался с Канарисом, – не донёс на него в гестапо**. Излишне говорить, что подобное было бы просто немыслимо в сталинском СССР даже в 1938 году – в разгар уничтожения военных – и в середине октября 1941 года – когда сталинский режим едва не рухнул. Я, например, не в силах представить себе начальника Разведупра генерала Голикова, который ездил бы к Шапошникову, Тимошенко и Жукову, убеждая их: «От Сталина надо избавиться!» Если верить всему, написанному Бассетом (а лично я не торопился бы это делать), то может сложиться мнение, что руководитель одной из самых жёстких и эффективных спецслужб Третьего рейха был эдаким «рыцарем без страха и упрека» и занимался не столько шпионской деятельностью в интересах нацистской Германии, сколько спасением Британской империи (и, соответственно, европейской цивилизации).

Вместе с тем, несмотря на несколько скептическое отношение к столь идеализированному образу старого шпиона (всё наверняка было значительно сложнее), у меня не вызывает сомнений то, что Канарис действительно примерно с конца 30-х был убеждённым врагом нацизма. Он неоднократно сообщал британскому правительству (а также многим другим странам) о планах Гитлера. Например, глава Абвера сообщил противнику о предстоявшей высадке немецких войск в Норвегии и о дате начала операции «Гельб» на Западе. Канарис являлся одним из активных сторонников отстранения Гитлера от власти и несколько раз пытался достичь сепаратного мира с западными союзниками (а также, возможно, с СССР). Подтверждается информация и о том, что адмирал по мере сил старался спасти противников фашизма и подлежащих заключению в концлагерь евреев и поляков. В 1943 году он был смещён со своего поста – **фактически за проигранную военной разведкой Рейха шпионскую войну**. После покушения на Гитлера в 1944 году Канарис был арестован по подозрению в предательстве, и в апреле 1945 года казнён эсэсовцами. Почему же, несмотря на то, что адмирал совершенно очевидно являлся далеко не самым «отъявленным» германским военным деятелем той поры, в СССР он оказался не «выдающимся борцом с нацизмом», а «коварным провокатором»? Почему, как подсказывает Бассет, «у Москвы... не имелось иллюзий относительно Канариса»? На каком основании «Советы рассматривали его как **опаснейшего противника**» в то время, как Абвер практически проиграл НКВД и английской разведке вторую половину войны? Откуда в Советском Союзе появилось мнение о том, что «адмирал был **самым опасным разведчиком мира, способным манипулировать международными промышленными и капиталистическими интересами**» (там же, с. 273)?

И это при том, что глава Абвера, несмотря на все свои симпатии к англичанам и твёрдый антибольшевизм, по словам Бассета, «скептически относился к возможности победы Германии над Советским Союзом»... «Я убеждён, – отмечал Канарис в своём меморандуме, адресованном ОКВ, – что эта кампания против России, в которой фюрер видит ответ на все проблемы, лишь переутомит Германию и разрушит немногие оставшиеся шансы на мир» (там же, с. 250). Это подтверждает и Вальтер Шелленберг: «21 июня 1941 года – на

обеде у Хорхера, в котором приняли участие Гейдрих и я, – Канарис **ещё раз** попытался пробудить в Гейдрихе скептическое отношение к чересчур оптимистическому настроению, царившему в штаб-квартире фюрера» («Мемуары», с. 216). Хорошо известно, что вовлечение СССР в войну на стороне союзников являлось заветным желанием англичан в 1940–1941 годах: они вполне справедливо полагали, что схватка двух европейских хищников даст им как минимум возможность перевести дух. Почему же Канарис, прекрасно зная о советских военных приготовлениях на границах Рейха, не просто выступал против войны с СССР, но ещё и делал это **21 июня 1941 года** – когда Вермахт вышел на исходные позиции для атаки и изменить (вроде бы) ничего было уже нельзя? Чего он пытался достичь, пытаясь «пробудить сомнения» в начальнике РСХА – своём бывшем флотском протезе, а теперь архивраге Гейдрихе?.. Впал в отчаяние от бессилия воспрепятствовать началу конфликта? Потому ли, что, как пишет Бассет, «перед нами шпион, веривший, что полная победа нацистской Германии окажется катастрофой для всего мира, а **чрезвычайно ловкое балансирование поможет противнику и в то же время спасёт Германию от полного краха**» (с. 205)?

К тому же ещё совсем недавно он считал конфликт с СССР неизбежным. «Зимой 1940 года, – свидетельствует Бассет, – Канарис несколько раз приезжал в Берн и посредством мадам Шиманской (*прим. автора: спасённая Абвером жена польского аристократа; по просьбе англичан её супруг, оказавшийся в советском плену, был выдан Британии; это, по утверждению Бассета, являлось «неслыханным случаем» в отношении «польского офицера, попавшего в советские руки*») сообщал англичанам, что Германия «несомненно рано или поздно вступит в войну со своим партнёром по договору – Россией. Он также намекал, что **немецкая оппозиция стремится завершить войну с Британией путём смещения Гитлера**» (с. 204). Что связывает все эти весьма противоречивые факты? Возможно, разгадку как раз и надо искать в том, что **Канарис являлся весьма противоречивым человеком**.

Теодор Гладков в своей книге «Тайны спецслужб III рейха» цитирует следующую характеристику, данную адмиралу бывшим оберштурмбаннфюрером СС Вильгельмом Хеттлем – «умным и наблюдательным человеком, который часто по долгу службы встречался с Канарисом»: «Очень редко личность исторического значения оценивается столь противоречиво, как это имеет место с эксцентричной фигурой адмирала Вильгельма Канариса, шефа немецкой военной разведки. За рубежом существовало широко распространённое мнение, что он не имел никакого отношения к преступлениям национал-социализма, будучи левым (*прим. автора: Канарис совершенно точно не являлся «левым» в общепринятом понимании этого слова; скорее, он был консерватором, ненавидившим как фашизм, так и коммунизм*) по своим убеждениям. Друзья предпочитали видеть в нём некоего духовного лидера оппозиционного гитлеризму движения и мученика, павшего в борьбе против нацистов. Некоторые немцы, не согласные ни с той, ни с другой оценкой, клеймили его как предателя своей родины, несущего определённую ответственность за поражение Германии в войне. Кто же из них прав и какая из оценок является более справедливой?» (с. 150). «Увы, – отвечает на этот вопрос Хеттля Теодор Гладков, – **почти все ответы на почти все свои загадки и тайны маленький адмирал унёс с собой в неведомую никому могилу** ... Адмирал Канарис никогда и ни с кем не был откровенен до конца, посему не следует слишком уж полагаться на воспоминания людей, по их мнению, хорошо знавших адмирала (прежде всего имеется в виду книга Ганса Берндта Гизевиуса «До горького конца. Записки заговорщика») ... По представлению автора, **главной чертой и характера, и поведения адмирала являлась именно противоречивость** ...» (там же). Суммируя сказанное, можно констатировать, что Канарис являлся вполне приличным человеком, исповедовавшим «европейские ценности» и не хотевшим войны. Будучи патриотом Германии, адмирал, тем не менее, **не считал предательством свою посильную борьбу против нацизма**. Вся его жизнь свидетельствует о том, что глава Абвера был способен на совершение неординарных поступков, которые частенько скрывал даже от самых близких ему людей.

Бассет приводит следующий интересный эпизод: 20 июля 1944 года после неудачной попытки покушения на Гитлера в его ставке полковник фон Штауффенберг прилетел в Берлин и позвонил Канарису. Тот, «узнавший его по голосу», в ответ на известие о том, что «фюрер мёртв», произносит: «Мёртв? О боже! Кто это сделал? Русские?» (там же, с. 316). Бассет замечает, что Канарис отреагировал таким образом исключительно из соображений конспирации. Лично у меня возникает вопрос: если конспираторы боялись гестапо, зачем вообще «цареубийца» фон Штауффенберг звонил опальному адмиралу, наверняка находившемуся под надзором СД? А если позвонил, то почему не использовал заранее обусловленные фразу или слово – что-то вроде «над всей Испанией безоблачное небо» или, скажем, «Дортмунд»? Или наоборот: если оба собеседника имели основания верить в смерть фюрера и не боялись открыто обсуждать это по почти наверняка прослушиваемой линии, то чего было вообще ломать комедию?.. Тем более, что сам Штауффенберг симпатизировал тем самым русским и выступал за активное сотрудничество «постнацистского» правительства Германии с СССР (см. **Ганс Моммзен**, «Germans against Hitler», с. 125). Его позиция не являлась секретом для главных заговорщиков (включая, по-видимому, и Канариса) благодаря частым дискуссиям, посвящённым выработке курса послевоенной политики страны. Но давайте поверим Бассету: конспирация так конспирация... И постараемся понять: а почему, собственно, **«русские»**? Почему не англичане, не евреи и не поляки? В конце концов, по словам Бассета, именно чешские боевики из британской SOE уничтожили Гейдриха, который «по совместительству» руководил протекторатом Чехии и Моравии (там же, с. 264). И уничтожили, если верить Бассету, чтобы спасти всё того же Канариса от близкого ареста... Напомню также, что **в 1944 году советские службы охотились не на Гитлера, а на тех, кто мог после его устранения стать новым главой Рейха**. Об этом, в частности, писал П. Судоплатов, описывая неудачное покушение НКВД на германского посла в Стамбуле фон Папена – одного из упомянутых «претендентов на престол». К описываемому моменту быстро деградировавший «бесноватый», с которым за стол сепаратных переговоров не сел бы даже самый убеждённый антикоммунист, вполне устраивал Сталина. Засланные в Германию как до войны, так и после её начала советские боевики-диверсанты получили «отбой». Мало того, не исключено, что, узнав Советы о деталях генеральского заговора, то они бы ещё и попытались ему воспрепятствовать! Конечно, отправленный в отставку Канарис мог и не знать о подробностях покушения на фон Папена. А если и знал, то вполне мог и не сообразить, зачем в того бросали гранату... Но всё равно: **почему «русские»**?

В этой связи приведу следующее свидетельство офицера-танкиста **Ханса фон Люка**: «Примечательно, однако, одно обстоятельство, которое мне самому стало известно лишь недавно (*прим. автора: после войны*), но из надёжного источника. Когда командир нашего корпуса обергруппенфюрер Зепп Дитрих (группа армий «В») узнал о покушении на Гитлера, он первым делом поинтересовался: «Кто? **СС или армия**?» («На острие танкового клина», с. 322). Заметим, что бравый генерал-фронтовик, вояка-эсэсовец, далёкий от берлинской политической кухни, инстинктивно ограничил круг покушавшихся исключительно немцами (и при этом почти попал в точку!), а вот на иностранцев даже не подумал...

Ещё один интересный факт: оказывается, уже в 1940–1941 годах под ногами Канариса «горела земля»: СД напала на его след. «...Гейдрих, – пишет Бассет, – подобно ястребу, продолжал следить за Канарисом и Абвером. **К моменту нападения на Советский Союз он уже вёл следствие по измене Абвера в связи с нападением на Югославию**. Молодой Шелленберг... после немецкой оккупации этой страны обнаружил копию телеграммы, которую британский военный атташе не успел уничтожить, оставив её в брошенном здании посольства. Эта депеша гласила: «Люфтваффе произведёт массовую бомбардировку столицы, как сообщает наш преданный друг «Франц-Иосиф». Поставьте в известность правительство Югославии» (там же, с. 256). То, что Канарис был к тому времени под подозрением, подтверждает и сам Шелленберг: «Во время беседы с Гейдрихом в его охотничьей хижине я услышал от него несколько очень критичных замечаний о военной разведке и её шефе адмирале Канарисе. Он сказал буквально так: «У меня такое ощущение,

что Канарис выдал врагу срок начала нашего наступления на Западе – 10 мая 1940 года. Но я не хотел бы сейчас обращаться к фюреру со своими подозрениями, ещё не время. Но придёт день, когда Канариса постигнет возмездие за всё зло, причинённое им режиму. До той поры надо ждать и собирать документы» («Мемуары», с. 165). **Эти обстоятельства, о которых Канарис не мог не догадываться, тоже вполне могли подталкивать его к принятию радикальных и неожиданных решений.** Каких? Сначала перечислим ряд очень любопытных фактов...

Прежде всего, Бассет подсказывает, что у адмирала имелось право прямого доступа к Гитлеру: «Как любой руководитель секретной разведки, он (*Канарис*) **имел право доступа к руководителю государства в любое время**. Но в случае с Канарисом эта привилегия трактовалась **на редкость великодушно**» («Главный шпион Гитлера», с. 118). Проще говоря, адмирал и, возможно, его помощники имели возможность оказаться рядом с фюрером в течение довольно ограниченного времени – скажем, в течение суток – после соответствующего запроса. Дальше ещё интереснее: «...Абвер, – сообщает британский историк, – являлся единственной в Третьем рейхе организацией, свободной от арийских законов, запрещавших евреям поступать на государственную службу» (с. 119). Это значит, что в одном помещении с «бесноватым» мог оказаться представитель нации, которую тот решил полностью уничтожить. Думаю, что даже сегодня, если опросить военнослужащих израильской армии, то окажется, что больше половины из них пожертвовали бы собой, чтобы избавить мир от «наци номер один». Не будем забывать и о том, что в Абвере перед войной «числились 30 000 человек, из которых 8000 были офицерами» (там же, с. 187).

В составе этой могучей по любым меркам организации с огромным бюджетом имелось и специальное силовое подразделение – печально известный полк «Бранденбург», названный так по месту расположения его казарм **в предместье Берлина**. «Это, – рассказывает Бассет, – был прообраз нынешних сил особого назначения. Владеющие несколькими языками, весьма мобильные, подготовленные к операциям на вражеской территории, солдаты этого подразделения показали себя достойными противниками НКВД... и даже САС... «Бранденбург» «мог позже сформировать потенциальное **ядро вооружённого восстания против Гитлера**» (там же, с. 122). Подчеркну: это написал самый что ни на есть «серьёзный» историк, который провёл немало времени в английских и германских архивах. Наконец, Бассет подтверждает, что доверительные рабочие отношения с советскими спецслужбами накануне войны существовали не только у СД: оказывается, **Абвер обменивался информацией с советской разведкой в период между сентябрём 1939-го и январём 1941 года** (там же, с. 278). Контакты эти не прервались и после начала операции «Барбаросса»: «Канарис, – делится очередным сенсационным фактом английский автор, – **распорядился, чтобы его агенты сохраняли связь с Советским Союзом**» (там же, с. 283). Читатель вправе задать резонный вопрос: а к чему ты, собственно, Терехов-Мелехов, клонишь? Что ж, настала пора изложить гипотетическую картину, иллюстрирующую развитие и бесславный конец операции «козырная карта»...

Как побили «козырную карту»: версия автора

Сразу оговорюсь: обосновывая свою гипотезу, я был вынужден оперировать исключительно косвенными доказательствами. Вдобавок, мои предположения – это продукт рассуждений любителя. Мне наверняка не удалось избежать упущений, упрощений и ошибок, без которых, скорее всего, обошёлся бы профессиональный историк, занимающийся соответствующей тематикой много лет. Тем не менее, сейчас – спустя полтора года после первой несмелой догадки – я, несмотря на ещё остающиеся сомнения, всё же в гораздо большей степени склонен верить именно в своё объяснение загадочного спокойствия Сталина и его приближённых в ночь с 21 на 22 июня 1941 года.

Прежде всего, сейчас я практически полностью уверен в том, что у тогдашнего правителя Советского Союза (а возможно, и у его последователей в более поздний период)

существовали тайные планы физического устранения политического и военного руководства той или иной страны, в отношении которой у большевиков имелись далеко идущие планы. Показательно в этом плане признание П. Судоплатова о готовившемся, но так и не состоявшемся покушении на Керенского. Его, напомним, должна была совершить группа боевиков-нелегалов, базировавшаяся в окрестностях Парижа. Главной же задачей советских диверсантов под руководством князя Гагарина являлось нанесение удара по штаб-квартире НАТО (тогда она находилась в Фонтенбло) в случае военного столкновения блока с СССР («Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950-е годы», с. 523). Правда, Судоплатов использует при описании задачи группы эвфемизм – «уничтожение систем связи и тревоги в случае обострения ситуации или начала военных действий». Забыл он упомянуть и о том, что подобное мероприятие имело бы шансы на успех **исключительно в случае внезапного нападения СССР на блок НАТО**. Дело в том, что руководителей НАТО наверняка убивали бы не после начала войны – когда члены соответствующих командных и штабных структур военного блока оказались бы укрыты в надёжных и хорошо охраняемых подземных бункерах, а **до её начала**. По сути, одновременные теракты против десятков натовских генералов и полковников в собственных квартирах, домах и автомобилях и означали бы то самое «начало военных действий», являясь давно опробованным советско-гитлеровским вариантом «объявления» войны.

Важно отметить и то, что устранение авторитарного диктатора – гораздо более эффективное в плане немедленных последствий дело, чем ликвидация свободно избранного лидера. В странах с устоявшимися демократическими институтами существуют вполне прозрачные и часто неоднократно опробованные механизмы преемственности власти. Также в таких странах, как США, Великобритания и Франция, всегда имелся (и имеется) гораздо более глубокий «пул» кандидатов на высшую должность, чем в авторитарных странах, подобных фашистской Германии и коммунистическому СССР. Именно вследствие наличия большой, сильной и конкурентной национальной элиты смерть Рузвельта и убийство Кеннеди, несмотря на вызванный ими психологический шок, не привели к «тектоническим сдвигам» во внутренней или внешней политике США. На смену этим выдающимся государственным деятелям пришли пусть и менее харизматичные, но вполне компетентные люди. Диктаторы же, подобные Сталину и Гитлеру, обычно делают всё для устранения или изгнания возможных конкурентов. Если у Гитлера, по крайней мере, имелся официальный преемник – Герман Геринг, то о возможном сталинском «наследнике» вообще никто и никогда не слышал. Смерть советского вождя в 1953 году вызвала многомесячную ожесточённую борьбу за власть, увенчавшуюся расстрелом Берии и опалой Молотова, Маленкова и многих других «сталинских соколят». Уверен: смерть Гитлера накануне войны привела бы к тем же последствиям. Отпихивая, убивая и предавая друг друга, на вершину властной пирамиды пытались бы забраться не самые достойные, а самые подлые и беспринципные. В этом, собственно, и заключается суть (а также основная слабость) всех деспотий. Поэтому древняя восточная поговорка – «Бей по голове – остальное само развалится» – правдива именно в отношении режимов, базирующихся на власти и авторитете одного человека.

Несколько труднее предположить, когда именно у Сталина и/или его «органов» впервые появилась мысль о создании и заблаговременной подготовке «козырных карт» (я уверен, что подобные планы существовали не только в отношении Гитлера). Вполне возможно, что о «несимметричном» способе борьбы с «капиталистическим окружением» в Москве задумались ещё в 20-х годах. В любом случае, подготовка к тайному устранению фюрера должна была начаться не позже второй половины 1940 года. Напомним, что уже осенью этого года НКВД занимался созданием «гостиничных баз» в окрестностях Берлина для переброски боевиков из СССР и других европейских стран (там же, с. 179). В частности, «некоторых оперативников», «не подготовленных ни с точки зрения основ разведработы, ни с точки зрения владения искусством радиосвязи» (проще говоря, обыкновенных диверсантов), перебросили в Германию **из Италии**. Понятно, что там они не просто

загорали на пляжах: это может свидетельствовать о том, что **существовал и план ликвидации Муссолини**.

Если говорить о чисто технической стороне дела, то лично я вижу несколько ключевых моментов. Прежде всего, учитывая чрезвычайную важность «мероприятия», о нём мог знать лишь самый ограниченный круг советских руководителей. Не думаю, что в детали плана были посвящены военные – например, Жуков, Тимошенко, Кузнецов, а также подавляющее большинство членов Политбюро и правительства. Вполне возможно, что о самых «интимных» подробностях «железного аргумента» не знали даже непосредственные руководители НКВД, Разведупра и Коминтерна. Во всяком случае, я не могу иным образом объяснить тот факт, что после несомненной неудачи «проекта» Берия, Голиков, Меркулов, Деканозов и Димитров не были уничтожены в качестве ненужных свидетелей и классических «козлов отпущения». Считаю, что непосредственной подготовкой вариантов покушения могли заниматься сотрудники особой спецслужбы ЦК ВКП(б), подчинявшейся непосредственно Сталину. Между прочим, мы не знаем не только о том, что произошло после 22 июня 1941 года с руководителем этой спецслужбы. Историкам и широкой публике неведомы даже **имена** – настоящие или вымышленные – начальников этой сверхсекретной организации на разных этапах её существования! Я уж не говорю об именах её зарубежных агентов...

В детали «козырной карты» могли быть посвящены лишь самые верные и проверенные партийные «подельники» вождя – скажем, Молотов и Берия (не исключаю также, что Поскрёбышев, Мехлис и некоторые другие). НКВД, ГРУ и Коминтерн могли участвовать в подготовке и проведении «мероприятия» лишь в качестве подручных и, возможно, координаторов. В роли такового, например, мог выступать «чекистский» посол в Берлине Деканозов, являвшийся по сути начальником огромной объединённой резидентуры всех спецслужб СССР, действовавшей на территории Германии. Впрочем, другим вариантом могло быть создание в этих организациях специальных временных отделов для проведения именно этой операции чрезвычайной важности, которые подчинялись и докладывали не своим непосредственным руководителям, а кому-то ещё – например, всё тому же загадочному начальнику спецслужбы ЦК ВКП(б). Согласно П. Судоплатову, такое практиковалось: скажем, его подчинённый Эйтингон после войны привлекался этим сверхсекретным ведомством для работы в Китае (там же, с. 395). При этом сам Судоплатов – непосредственный начальник Эйтингона в НКВД – понятия не имел о том, чем занимался сотрудник его организации в течение длительных командировок в Синьцзян. Интересно, что **приказы в это время диверсант Эйтингон получал от «сотрудника аппарата Сталина»** (там же).

Учитывая важность **гарантированной** ликвидации Гитлера, её должны были готовить как минимум три группы агентов. На эту мысль, в частности, наталкивает всё тот же П. Судоплатов, поведавший о том, что для устранения Троцкого были разработаны два известных широкой публике и абсолютно независимых друг от друга плана. Когда неудачей закончился первый, сработал второй. Не исключаю, что имелся и третий план, о котором Судоплатову было попросту неизвестно. Что ж, Гитлер являлся гораздо более важной целью, чем Лев Троцкий. Это требовало ещё большей – **абсолютной по результату и срокам исполнения («Ни днём раньше, ни днём позже!»)** – уверенности в успехе. Поэтому я исхожу из того, что у Сталина имелись как минимум три – тоже никак не связанных друг с другом – варианта устранения «бесноватого». Также уверен, что будущие непосредственные убийцы Гитлера либо не подозревали об отведённой им роли, либо были готовы пожертвовать собой. Вполне возможно (но не обязательно), что все они не имели прямого отношения к Сталину, СССР и коммунизму. Мало того, они могли и не знать о том, кто их настоящие «спонсоры». В случае чего, подобное обстоятельство помогло бы отвести вполне возможный порыв германского «народного гнева» от Страны Советов. Тактика же, при которой шпионы одного государства выдают себя за агентов совершенно другой страны, – обычное дело в деятельности спецслужб всего мира. Итак, возможные «кандидаты» в

убийцы, скорее всего, являлись бы представителями еврейской нации, германского генералитета или ненавидящих фашистский режим социал-демократов. Все они вполне могли «проглотить» легенду о том, что финансовую и техническую помощь им оказывала, скажем, британская разведка. Все они могли быть заинтересованы в предотвращении ненужной и даже, по мнению многих немцев, самоубийственной войны Германии с Советским Союзом. Представители как минимум одной категории «кандидатов в исполнители» – европейские евреи – наверняка не возражали бы и против превентивной агрессии Красной Армии. Для них подобное вторжение наверняка представлялось бы не «концом европейской цивилизации» (в гробу бы они такую «цивилизацию» видели), а вполне действенным способом избежать неминуемой смерти в концлагерях.

Круг имевших каждодневный доступ к фюреру или – в случае отравления или заражения патогеном – к его близким, жилищу, собаке, личным вещам и пище мог, помимо высших партийных, государственных и военных чиновников, включать прислугу, поваров и сотрудников кухни, портных, врачей, ветеринаров, секретарей-стенографистов, связистов, офицеров ставки, личных пилотов и шофёров, охрану из числа солдат СС, адъютантов, друзей, близких к нему женщин, членов семьи и старых соратников по партии. Не будучи профессиональным «гитлероведом», я наверняка упускаю из виду кого-то ещё. Глубокое изучение распорядка дня и привычек фашистского диктатора, а также истории его практического участия в процедурах управления государством могло позволить советским агентам с высокой вероятностью предсказать шаги фюрера непосредственно перед началом вторжения и, соответственно, степень «гарантированности» его устранения. Например, если в момент начала войны предполагалось присутствие Гитлера в Растенбурге, то шанс на ликвидацию мог получить один из пилотов его «Кондора» или диверсанты, «оседлавшие» ведущую в нужный район Восточной Пруссии железную дорогу и готовые взорвать или расстрелять спецпоезд *Amerika* с фюрером и его свитой. До подобного плана ещё в XIX веке додумались, например, террористы-народовольцы. Несмотря на принятые меры предосторожности, вполне компетентную охрану и «любительский» статус покушавшихся, царя спасло только чудо. Для проведения подобной – по сути «войсковой» – операции, кстати, вполне могли пригодиться уже упоминавшиеся советские диверсанты, сосредоточенные в Берлине и его окрестностях накануне войны. К слову, по свидетельству историка Анны Нельсон, член «Красной капеллы» германский коммунист Джон Зиг с 1937 года занимал ответственную должность в Имперских железных дорогах и работал на ключевой берлинской станции «в самом сердце германской столицы, в нескольких кварталах от местонахождения нацистской верхушки» (см. «Red Orchestra», с. 95).

Если попробовать порассуждать на тему участия в операции «козырная карта» Канариса, то в голову приходит следующий сценарий. Будучи руководителем Абвера, адмирал должен был являться одним из первых высших военных, узнавших о начавшемся стратегическом сосредоточении ударной группировки Красной Армии на советско-германской границе. Судя по дневникам Гальдера, первые доклады военной разведки о возможных враждебных намерениях Советского Союза появились в начале апреля 1941 года. В мае, как свидетельствуют документы, приведённые И. Хофманом, первоначальные опасения Кейтеля и Йодля превратились в уверенность. Эта уверенность – по крайней мере частично – передалась и Гитлеру. Впрочем, я не знаю, разделял ли на этом этапе опасения упомянутых генералов сам Канарис. Во всяком случае, он не мог не прислушиваться к мнению других военачальников Вермахта (например, Гальдера – его товарища по антигитлеровскому заговору), которые в ту пору – а иногда и после войны – довольно скептически относились к **способностям** Красной Армии вести успешные наступательные действия против Германии уже в 1941 году (в мирные намерения восточного соседа в долгосрочной перспективе никто из них, по-моему, не верил).

Также вполне возможно, что Канарис – как и многие другие в Германии и, судя по статьям в *New York Times*, в мире – считал военные приготовления СССР не подготовкой к наступлению, а **ответом** на явно агрессивное германское развёртывание. Это тем более

возможно, учитывая что **активная подготовка Вермахта и Красной Армии к нападению друг на друга началась практически одновременно – примерно в феврале 1941 года**, когда Вермахт получил первые конкретные приказы по развёртыванию на востоке, а в СССР был принят и начал осуществляться мобплан «М-41». Иными словами, обеим сторонам было бы довольно трудно определить, кто именно «начал первым» и, соответственно, должен первым «отыграть назад». То же самое могли говорить немцам в ходе неформальных контактов и советские представители: «Да, готовимся, а что же вы хотели?..»

Следует отметить, что возможностей для подобных контактов имелось великое множество: обе страны по-прежнему считались чуть ли не союзниками и между ними осуществлялось широкомасштабное сотрудничество по многим линиям – военной, экономической, политической и разведывательной. Если же «постеснялись» сказать в лицо (в том числе и лично – на всевозможных дипломатических приёмах с участием в том числе высших политических и военных руководителей Рейха) – что ж, на это всегда имелись прикормленные нейтральные (и не очень) журналисты, способные в любой момент озвучить то, что было необходимо довести до желаемого адресата.

В какой-то момент Канарис вполне мог решиться пойти на прямой контакт с советскими спецслужбами и попробовать предотвратить военный конфликт между двумя странами, которого, как мы помним, он не хотел – несмотря на вполне справедливо приписываемые ему симпатии по отношению к Англии и ненависть к большевизму. Самый поздний срок для установления подобного контакта – это **середина июня**. 13 июня в Германии было обнародовано «миролюбивое» Заявление ТАСС, а уже 15 июня в *New York Times* появилась интереснейшая заметка швейцарского корреспондента газеты. В ней, напомним, были фактически изложены «претензии» немцев и их немедленные требования: **отвести половину советских войск от границы, перебазировать авиацию с приграничных аэродромов в глубь страны, допустить германских контролёров для наблюдения за выполнением этих требований, увеличить поставки стратегических материалов и продовольствия из СССР в Германию**. За этим обменом мнениями в «виртуальном пространстве» вполне могли последовать тайные консультации, в ходе которых уполномоченные переговорщики немецкого генералитета (или исключительно главы Абвера) и СССР где-нибудь в нейтральной Швеции или Швейцарии достигли некоего «джентльменского соглашения». Суть тайной договорённости могла сводиться к следующему: если в Германии произойдёт событие, которое исключит возможность её нападения на Советский Союз (скажем, физическая ликвидация Гитлера или отстранение фюрера от власти), то СССР выполнит все вышеупомянутые требования. Впрочем, последовательность этих шагов могла быть и совершенно иной: возможно, именно советская сторона должна была сначала продемонстрировать своё миролюбие и начать отвод войск.

Говоря о моей гипотезе, нельзя обойти стороной и вопрос о семьях комсостава приграничных округов. Я, разумеется, имею в виду то, что как минимум в ряде случаев Москва запретила или отменила их эвакуацию. Дело в том, что тысячи ни в чём не повинных советских женщин и детей могли сознательно использоваться Сталиным и его подручными в качестве дополнительного аргумента, способного убедить противоположную сторону в серьёзности советских намерений. По сути, речь могла идти **озаложниках**. На данный момент конкретные улики у меня имеются в отношении лишь Прибалтийского Особого военного округа: их предоставил Р. Иринархов. В своей книге «Красная Армия в 1941 году» он, в частности, сообщает: «Генерал Ф.И. Кузнецов разрешил эвакуировать семьи военнослужащих из приграничных районов в глубь территории СССР, но уже **20 июня** народный комиссар обороны приказал отменить это распоряжение и **вернуть семьи обратно**» (с. 406). Прекрасно знавший о дате возможного германского нападения, а также хорошо осведомлённый о не самых мирных планах собственного руководства, командующий округом принял вполне логичное решение: вывезти семьи в тыл – от греха подальше. Но нарком Тимошенко, явно руководствуясь указаниями свыше, тут же потребовал прекратить эвакуацию и тем самым обрёл на страдания и смерть тысячи не успевших уехать женщин и

детей. В общем, вполне можно понять его решение не писать мемуары: гордиться нечем...

В подтверждение тезиса об использовании семей комсостава в качестве заложников можно отметить, что уже после получения «предупреждающей» директивы Жукова – в **2.25 ночи** 22 июня 1941 года – в военные советы 8-й и 11-й армий поступила «уточняющая» директива Кузнецова: «...5. Семьи начальствующего состава 10, 125, 33 и 128-й стрелковых дивизий перевозить в тыл **только в случае перехода границы крупными силами противника** » (там же, с. 441). Понятно, что и в этот раз командующий округом выражал волю Москвы: ведь там по-прежнему не верили, что немцы начнут войну в отсутствие ликвидированного фюрера и считали, что перед таинственным германским контрагентом по переговорам надо ещё какое-то время продолжать ломать комедию. Конкретика же в отношении упомянутых дивизий ПрибОВО наверняка отражала их роль в происходившем накануне войны спектакле с «отводом» части пехотных соединений «первой линии».

Я, кстати, подозреваю, что вопрос о семьях комсостава был поднят отнюдь не немецким участником тайных переговоров. Будучи уже в общем знакомым с образом действий советского диктатора, практически уверен: **превращение в заложников тысяч членов семей советских командиров являлось его инициативой** . В конце концов, **это ему ничего не стоило** . При этом он даже мог считать, что не подвергает членов чужих семей какой-либо опасности: ведь, по его мнению, **немецкое нападение не должно было состояться** . А если бы таковое и произошло, что ж: «Краскомы будут лучше драться, зная, что за спиной остались их жёны, матери и дети!» Понятно, что в Москве не рассчитывали на то, что после начала германского вторжения командиры Красной Армии будут частенько забывать о своих прямых обязанностях и заниматься импровизированной эвакуацией семей вместо организации отпора «герману». Так или иначе, лично меня история с семьями комсостава не удивила: давно известно, как именно Сталин И.В. и его холуи относились к собственному народу. Хотя всё это и напоминает скорее методы ведения внешней политики в период раннего Средневековья, ничего удивительного в этом очередном сталинском преступлении не было. В конце концов, большевики с первых месяцев своего нахождения у власти регулярно брали в заложники тысячи собственных совершенно ни в чём не виновных сограждан и так же тысячами их расстреливали. Делали же они это, напомню, по инициативе и при непосредственном понукании «самого человеческого человека» – Ленина В.И. Вдобавок, Сталин с Берией были кавказцами, а в этом регионе обмен заложниками в качестве дополнительных политических гарантий являлся обычной практикой даже в XIX веке.

Напоследок отмечу, что распоряжения о запрещении эвакуации скорее всего не носили «повального характера», а отдавались выборочно – в отношении семей комсостава тех частей и соединений, которые находились в «первой линии» и имели наибольшую вероятность быть замеченными агентами СД или Абвера. Вполне возможно, что более ценным кадрам эвакуировать семьи позволяли, а вот «простым кнехтам» – нет. Скажем, Р. Иринархов подсказывает, что «18 июня 1941 года начальник Белорусского погранокруга генерал-лейтенант Богданов принял решение об эвакуации семей военнослужащих из приграничных районов» («1941. Пропущенный удар», с. 146). Уважаемый историк ничего не сообщает об отмене этого приказа...

В том, что касается переговоров с Канарисом (или кем-то другим с немецкой стороны), то я не думаю, что они каким-то образом повлияли на советские планы устранения Гитлера. Если бы тайный диалог, неожиданно начавшийся перед самой войной, действительно имел место, то в глазах Сталина и его приближённых он был бы всего лишь неким «бонусом» и дополнительной гарантией того, что **при любом раскладе войну начнёт именно советская сторона** . Иными словами, помимо минимум трёх первоначальных планов ликвидации «бесноватого», появился **ещё один – четвёртый** . То, что Сталин пошёл на односторонний отвод части советских войск от границы и прочие демонстративные мероприятия по снижению боеготовности группировки первого стратегического эшелона, **подтверждается как германскими, так и советскими источниками** . А тот факт, что начальник германского Генштаба Гальдер, судя по его дневниковым записям, был явно – в отличие от

советских штабистов – не в курсе происходившего, тоже вполне понятно. Ведь в данном случае речь шла о чрезвычайно опасной игре не с «родственными» англичанами, а с одним из двух опаснейших хищников Европы. Далеко не все соучастники Канариса по антигитлеровскому заговору согласились бы на «сделку с дьяволом против сатаны» и пошли бы на государственную измену и устранение Гитлера ради предотвращения войны с СССР. Думаю даже, что, узнав о таких планах, кое-кто из них обязательно попытался бы им воспрепятствовать. Поэтому, кто бы из имевших возможность влиять на события немцев ни являлся тайным собеседником Советов, в такой ситуации он полагался бы исключительно на самых доверенных из своих подчинённых. Абвер – с его огромными ресурсами, традиционно антинацистскими взглядами и твёрдой верой в правильность получаемых от руководства приказов – вполне мог справиться как с выполнением своих обязательств по гипотетической сделке, так и по контролю за честностью намерений другой стороны.

Именно в этом, как я думаю, и заключался главный просчёт Сталина. Вождь большевиков действительно совершил огромную ошибку. Но заключалась она не в том, что он якобы верил Гитлеру и не верил своей разведке. Этот человек вообще никогда и никому не верил, что и позволило ему столь долго удерживаться на вершине властной пирамиды. **Самая большая ошибка Иосифа Виссарионыча заключалась в том, что в данной конкретной ситуации он переоценил свои хитрость, коварство и действительно огромные возможности. В то же время он, наоборот, радикально недооценил возможности и умственные способности противной стороны.** То, что Геббельс называл «крестьянской хитростью», сыграло с вождём СССР злую шутку: он обманул самого себя...

Его, разумеется, можно понять. К лету 1941 года Сталин вполне мог окончательно поверить в свою непогрешимость. В конце концов, до этого момента у него неизменно получалось перехитрить, казалось бы, самых коварных и подлых оппонентов. Он обвёл вокруг пальца своего учителя – Ленина, который, несомненно, был гораздо более образованным и умным человеком, чем он сам. Ильич отправился к праотцам с тоскливой мыслью о том, что «замечательный грузин», раз уж забравшись в ленинский курятник, передует всех остальных «птенцов» – «старых большевиков». Так оно и вышло: к концу 40-х в живых и на свободе оказались считанные единицы когда-то могущественных «ленинцев». Бухарин, Каменев, Троцкий и тысячи прочих «старых борцов» канули в Лету или догнивали в лагерях. Я, кстати, в отличие от многих авторов, ничуть не сожалею об их кончине: они более чем заслужили подобную участь своими преступлениями против народов СССР. Единственным достойным конкурентом Хозяина на мировой арене был, пожалуй, «царственный брат» Адольф. Но и того он, воспользовавшись моментом, подставил столь виртуозным образом, что Гитлер против своей воли начал Вторую Мировую войну. При этом сталинский СССР не только до поры до времени оставался сторонним наблюдателем новой мировой бойни (как и планировал Сталин), но ещё и практически без боя заgrabастал территории, эквивалентные всей кайзеровской Германии накануне Первой Мировой войны. Бывшие заклятые враги – США и Великобритания – весной 1941 года буквально упрашивали его сделать то, за что ещё год назад были готовы объявить священную войну – вторгнуться в Европу и «освободить» её от фашизма. За это они обещали ему (и даже уже авансом оказывали) всяческую помощь. Как тут не возомнить себя самым хитрым и удачливым подлецом планеты... Тем более, что в июне 1941 года ему противостоял уже однажды успешно обманутый противник, у которого было в разы меньше танков, самолётов, подлодок, орудий и много ещё чего другого. Чья промышленность ещё и не начинала переходить на военные рельсы, а единственный источник нефти можно было отсечь быстрым и мощным ударом по весьма слабому противнику – Румынии. У которого, наконец, уже имелся могущественный враг на Западе – Британская империя, за спиной которой маячили США, а среди высших военных давно зрел заговор, с которым сам «бесноватый», даже зная в общих чертах о давно готовящейся измене, не мог ничего поделать. И, наконец, в кармане вождя имелась огромная фига – операция «козырная карта», которую он готовился с триумфом показать всему миру в ближайшее время. Разве могло что-то пойти не так?!

Могло. И пошло. По моему предположению, агенты неизвестного немецкого переговорщика, конечно, зафиксировали посланные Сталиным «миролюбивые» сигналы. Они наверняка отметили и демонстративный отвод от границы некоторых пехотных соединений, и непонятные советским военнослужащим (а потому большей частью проигнорированные) приказы – о сдаче боеприпасов, «профилактике» прицелов, «просушке» баков самолётов и т.д. Не могли они не заметить и повального увлечения весёлым и прекрасным, охватившего советских командиров вечером 21 июня. Но, думаю, командующие приграничными округами и флотами зря скучали на спектаклях и концертных программах. Ведь практически одновременно те же самые агенты немцев могли наблюдать и мероприятия, имевшие, скажем так, «противоположный вектор». А к ним, напому, относились: поднятие по тревоге 18–21 июня 1941 года и выдвижение в приграничные леса – фактически на исходные рубежи для атаки – механизированных корпусов, артиллерийских полков и отдельных противотанковых артбригад; продолжавшуюся переброску в те же приграничные районы тыловых стрелковых корпусов «второй линии»; разгрузку на линии Днепра и Западной Двины эшелонов с тайно прибывавшими армиями второго стратегического эшелона и многое-многое другое. Как и в случае с немецким развёртыванием, скрыть подобные мероприятия было попросту невозможно. Да Сталин наверняка и не рассчитывал на это. Всё, что ему было нужно, это запутать своего таинственного собеседника по ту сторону границы на пару суток – до момента ликвидации фюрера, которая должна была произойти (и, как первоначально казалось, действительно произошла) в течение 21 июня. Но вышла промашка: **немецкий участник тайной сделки понял, что его пытаются цинично и нагло обмануть**. Ему, разумеется, были понятны и возможные последствия этого обмана: если бы его сторонники выполнили свою часть «джентльменской договорённости» и устранили Гитлера, Красная Армия получила бы практически идеальные условия для нанесения внезапного удара по Германии и захвату всей Европы. Поэтому неизвестный собеседник Сталина решил, что «сделка недействительна», и ранним утром 22 июня план «Барбаросса» начался так, как и планировалось.

Но передумавший устранять Гитлера немецкий заговорщик оказался не единственной и даже не главной проблемой Сталина. Гораздо большей незадачей стало то, что одновременно и без ведома вождя пошли наперекосья **все остальные планы** устранения «бесноватого». Что могло произойти? Думаю, речь может идти о трёх одинаково возможных версиях случившегося (вернее, «не случившегося»). Так, таинственный заговорщик мог не только вскрыть факты, подтверждавшие неискренность советской стороны в деле выполнения «джентльменской договорённости». Он вполне мог напасть и на след «параллельных» операций советских спецслужб и в последний момент воспрепятствовать их проведению самым решительным образом – проще говоря, уничтожить подозреваемых. Если заговорщиком являлся Канарис, то подобное вполне было бы по силам его организации. Да и чересчур жалостливым в таких ситуациях адмирал никогда не был. Вторая версия, на мой взгляд, может заключаться в том, что советским намерениям могло помешать чрезвычайно редкое стечение обстоятельств – например, авиационная или автомобильная катастрофа, болезнь или другое событие, в результате которого **одновременно** пострадали бы ключевые фигуры **всех** вариантов плана. В рамках этой версии я не стал бы исключать и ещё одну возможность: участники независимых друг от друга заговоров, условно буквально «толпившиеся» на одном и том же маленьком «пятячке» возле Гитлера, могли элементарно **помешать друг другу**. Такое не раз случалось в истории «родственных» спецслужб, и происходило подобное как раз из-за незнания того, чем заняты «братья по оружию». Наконец, третья версия заключается в том, что причиной неудачи могло стать как вмешательство германских контрразведчиков, так и неудачное стечение обстоятельств.

Получал ли (как я думаю) Сталин первое – «обнадеживающее» – донесение о том, что как минимум один план развивается успешно? И если да, то стал ли он жертвой сознательного обмана или произошло простое недоразумение? По моему мнению, оба варианта имеют право на жизнь. Так, администрированный тем или иным образом патоген

мог оказаться неэффективным. В конце концов, как следует из многочисленных жалоб Геббельса в его дневнике, в Берлине в то время стояла невыносимая жара. Холодильники же и кондиционеры даже в относительно «продвинутой» Германии в ту пору являлись относительной редкостью. А если принять во внимание то, что «цареубийца» был скорее всего ограничен в возможности выбирать время и обстоятельства «администрирования», то вполне можно предположить, что условия хранения болезнетворных бактерий или токсина были нарушены и – даже уже употреблённая фюрером – отравы или сыворотка не подействовала так, как планировалось. Возможно, впрочем, что определённое недомогание всё же имело место, и именно это послужило поводом для второго «обнадеживающего» донесения в Москву. Надо учитывать, что посылавший его наверняка хотел верить в то, что сообщал. И что он (или она) никак не мог знать, что дело в итоге ограничится, скажем, очередным расстройством желудка, которые после отравления газами во время Первой Мировой столь часто мучили Гитлера. Второй вариант заключается в том, что покушавшийся сознательно дезинформировал Сталина. На это он вполне мог пойти в случае, если к нему применялся шантаж (давно проверенное средство из арсеналов многих спецслужб) или если он в последний момент – по тем или иным причинам – передумал совершать давно задуманное политическое убийство. Наконец, сигнал Сталину мог быть послан по настоянию таинственного немецкого заговорщика – скажем, адмирала Канариса – после поимки покушавшегося агентами Абвера. Такой поворот событий – тоже совсем не редкость в истории спецслужб.

Хочу подчеркнуть, что я пока исключаю вероятность того, что о возможном покушении на Гитлера и, соответственно, его предотвращении знали **сам фюрер и его охрана**. Во-первых, по вполне понятным причинам, таинственный собеседник Сталина не стал бы торопиться докладывать Гитлеру о том, какую услугу он оказал германскому Рейху и лично его главе. Во-вторых, мне кажется, что, зная фюрер о подобном, он должен был бы поведать об очередном предотвращённом преступлении «жидо-большевистских комиссаров» всему миру. Да и такие мемуаристы, как Вальтер Шелленберг, наверняка не удержались бы от очередного повода для хвастовства. Если же за всем этим стояли Абвер и его начальник Канарис, то соответствующая история могла навсегда остаться тайной: разглашать даже несостоявшееся сотрудничество со Сталиным старому адмиралу **было бы совсем не с руки**. Возможно, кое-что на эту тему имелось в его уничтоженных дневниках. В этом плане интересна следующая информация, приведённая британским историком Ричардом Бассетом: «Русские арестовали секретаря Канариса фройляйн Шварте и засыпали её вопросами по поводу исчезнувшего дневника адмирала. Вдова Шредера, у которой хранилась копия дневника, сообщила, что она сожгла его на Линбург-Хит после событий 20 июля. **Дневник был наследством адмирала и мог приоткрыть различные подробности его действий. Многие из них, несомненно, могли настолько же смутить победителей, насколько шокировали побеждённых**» («Главный шпион Гитлера», с. 323). Вполне возможно, что ещё одной «шокирующей подробностью» сожжённых дневников адмирала могла оказаться правда о том, кто на самом деле являлся тайным источником Рудольфа Рёсслера («Люси»). Источник этот, напомним, после начала войны с СССР сам вышел на представителей советской разведки в Швейцарии и с опозданием в каких-то два дня сообщал в Москву о планах высшего немецкого военного руководства и об их изменениях. Подчеркну также, что загадочный архипредатель «Вертер» так и остался неизвестным истории.

Так вот, **источником этим вполне мог являться сам адмирал Канарис и/или его подчинённые**. Дело в том, что, «кинув» Сталина накануне войны, адмирал, тем не менее, не мог быть удовлетворён тем фактом, что, помешав Хозяину обмануть немцев, он, **совсемне желая того, поспособствовал феноменальным первоначальным успехам нацистов и, наоборот, невиданному ранее в истории войн поражению Красной Армии**. Поэтому известный своей противоречивостью Канарис вполне мог решить попытаться «уравновесить» содеянное им и помочь СССР. Поскольку в Москве его вполне справедливо считали «коварным манипулятором» и «самым опасным разведчиком мира» (ещё бы!), то

назвать себя резиденту ГРУ Шандору Радо («Доре») он, разумеется никак не мог. Если Сталин не верил английской и американской разведкам, то как он мог поверить (по крайней мере, на начальном этапе) столь мастерски «обманувшему» его «главному шпиону Гитлера»?!

К моему удивлению, к тому же выводу – **что «Вертер» трудился в Абвере – пришло и американское ЦРУ**. Об этом, в частности, поведали в своей книге К. Эндрю и О. Гордиевский: «В Германии, – пишут они, – у Рёсслера было четыре важных агента, которым он присвоил псевдонимы «Вертер», «Тедди», «Анна» и «Ольга». Хотя точно установить скрывавшихся за этими псевдонимами людей не удалось, исследователи ЦРУ пришли к выводу, что это, по-видимому, были генерал-майор Ганс Остер, антифашист, начальник штаба Абвера, повешенный позже вместе со своим шефом адмиралом Канарисом за участие в покушении на Гитлера в июле 1944 года; Ганс Берндт Гизевиус, ещё один сотрудник Абвера, бывший немецким вице-консулом в Цюрихе; Карл Герделер – гражданский руководитель консервативной оппозиции Гитлеру, также казнённый после покушения, и полковник Фриц Бетцель – начальник отдела оценки разведданных юго-восточной группы армий в Афинах» («KGB. The Inside Story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev», с. 225). К слову, ЦРУ занималось делами давно минувших дней не из-за любви к истории, а чтобы выявить оставшихся советских агентов в постнацистской Европе...

Если это так, то становится понятным, как Рёсслер («Люси») смог относительно легко выйти на Шандора Радо («Дора») – резидента ГРУ в Швейцарии: если кто-то и знал, кто именно работает на советскую разведку в той или иной стране, то это, несомненно, было руководство Абвера. В совсем другом свете предстаёт и рассказ генерала Гелена о том, как в 1943 году к нему приехал Канарис и попытался убедить его (а потом и Гитлера) в том, что «архипредателем» являлся Мартин Борман. Дело в том, что нападение – лучший способ защиты. И адмирал, ясно понимавший, что следователи СД основательно «сели ему на хвост», элементарно попытался сбить всех с толку. Если это и удалось, то лишь на время: вскоре Канариса отправили в отставку за фактический провал работы Абвера, в 1944 году арестовали по подозрению в государственной измене, а в апреле 1945 года повесили. Не знаю, почему он позволил себя арестовать и не попытался скрыться: возможно, опасался (и вполне справедливо) репрессий в отношении многих тысяч сотрудников Абвера. Технических возможностей уйти у него, разумеется, хватало... Почему не застрелился? Как мне кажется, совсем не потому, что был слободушным человеком... В любом случае, не думаю, что его возможное появление на скамье подсудимых в Нюрнберге было бы в интересах как англичан, так и Советов.

В поисках «неизвестного элемента»

В науке часто случалось так, что существование того или иного элемента периодической таблицы Менделеева сначала предсказывалось чисто теоретически. Лишь значительно позже – иногда спустя десятилетия – «зарезервированное» место заполнялось очередным вновь открытым веществом с экзотическим названием и порой столь же необычными свойствами. Примерно таким же образом я подошёл и к поиску (пока, к сожалению, безуспешному) того самого непредсказуемого «стоп-события», которое задевало бы людей из ближайшего окружения Гитлера и которое должно было произойти 20–21 июня 1941 года. Именно оно, как я предполагаю, пустило под откос план «козырная карта». Как уже говорилось выше, этим незамеченным историческим катаклизмом могла стать авиационная, железнодорожная или автомобильная катастрофа, необъяснимая вспышка смертельного заболевания, странное самоубийство, внезапный арест или бесследное исчезновение. Как мне кажется, **Гитлер мог и не подозревать о том, что ему в очередной раз крупно повезло и что он находился на волоске от смерти**. Такое порой показывают в фильмах ужасов: страшный ядовитый паук медленно подкрадывается к ничего не подозревающей жертве, зрители вжимаются в кресла, ожидая смертельного укуса... Но в

последний момент жертва делает неосторожное движение, и на жуткого волосатого арахноида неожиданно падает Большой оксфордский словарь. Раздаётся характерный хруст, а зрители дружно переводят дыхание...

Пытаясь обнаружить свой «новый элемент», я для начала прочитал так называемую гитлериаду – то есть воспоминания секретарши Гитлера Кристи Шрёдер, его водителя (и по совместительству начальника автопарка) Эриха Кемпки и личного помощника («батлера») Хайнца Линге. Все они были – кто в большей, а кто в чуть меньшей степени – близки к фюреру и пользовались его полным доверием. В свою очередь, несмотря на многочисленные недостатки вождя и часто очевидную преступность его приказов, они несомненно являлись преданными помощниками «бесноватого». Кемпка и Линге находились с ним до самого конца: именно им пришлось заниматься кремацией тел Гитлера и его жены Евы Браун после их одновременного самоубийства 30 апреля 1941 года в «фюрер-бункере».

В воспоминаниях указанных свидетелей неизбежно присутствуют часто противоположные мнения по поводу того или иного аспекта жизни Гитлера и членов его окружения. Например, Линге считал, что фюрер был прекрасно осведомлен о якобы «сумасшедшей» миссии Рудольфа Гесса («With Hitler to the end», с. 97), а Кемпка наоборот – «не имел сомнений» в том, что полёт Гесса оказался для Гитлера полным сюрпризом («I was Hitler's Chauffeur», с. 42). Криста Шрёдер умерла, будучи уверенной в том, что фюрера и его подругу (а потом и жену) Еву Браун связывали чисто платонические отношения («He was my chief», с. 133). Линге же утверждает, что их связь была вполне «нормальной», и что порой он находил вполне очевидные доказательства этого, убирая в спальне фюрера («With Hitler to the end», с. 59). Интересно отметить полную убеждённость, с которой оба мемуариста высказывали свои в целом противоположные мнения. Далее: Шрёдер утверждала, что у Гитлера с детства было одно яичко. У второго, по-видимому, не произошло «выпадение», и этот в общем-то вполне устранимый физический недостаток не исправили хирургическим путём, пока Адольф был подростком. Некоторые женщины, по предположению Шрёдер, могли смеяться над этим дефектом, что, в свою очередь, могло привести впечатлительного Гитлера к добровольному отказу от секса («He was my chief», с. 126). Наличие у фюрера этого физического изъяна фактически подтвердила и переводчица СМЕРШа Елена Ржевская, присутствовавшая при медицинском освидетельствовании обгорелых останков Гитлера и его супруги («Берлин. Май 1945», с. 184). Тем не менее Линге, никогда, по его собственному признанию, «не видевший Гитлера обнажённым», считал, что с гениталиями у фюрера было всё в порядке. На допросе в СССР – когда советские следователи поинтересовались, что ему известно по этому поводу, – бывший «батлер» Гитлера рассмеялся им в лицо, и за этот смех его якобы даже побили. Наконец, рассказ Кемпки о том, что произошло с Фегеляйном (герой войны, эсэсовец-кавалерист, офицер связи Гимmlера со ставкой фюрера, был женат на сестре Евы Браун, бежал из «фюрер-бункера» незадолго до самоубийства «бесноватого», был пойман и расстрелян за дезертирство по личному приказу Гитлера), радикально отличается от того, что поведали Линге и некоторые другие источники. В целом, за исключением «генитального» аспекта жизни фюрера германской нации, в спорных моментах я склонен больше верить скорее утверждениям Линге, чем Шрёдер и Кемпки. В частности, я думаю, что, сколько бы яичек ни было у «бесноватого», имевшегося «арсенала» ему вполне хватало для поддержания нормальных сексуальных отношений с женщинами.

Тем не менее все три книги воспоминаний, несмотря на их неизбежную субъективность, вместе рисуют довольно целостный портрет Гитлера как личности и политика. Я, например, не знал о том, что у Гитлера имелся незаконнорождённый сын – Жан-Мари Лорет (Jean-Mari Loret) – от француженки Шарлотты Лобжуа (Charlotte Lobjoie), с которой он познакомился во время войны во Франции, когда ей было восемнадцать. В этом был практически уверен Линге («With Hitler to the end», с. 139) и почти уверена Шрёдер («He was my chief», с. 126). Шрёдер лично встречалась с вероятным потомком фюрера, и в какой-то момент вроде бы даже уловила сходство в манерах Жана-Мари и его предполагаемого отца (там же, с. 135). Любопытной оказалась информация о том, что, не будучи красавцем,

Гитлер производил вполне определённый эффект на многих женщин, буквально «таявших в его присутствии». И это – несмотря на постоянный тяжёлый запах изо рта и мучивший его метеоризм. В связи с последним важно отметить, что в течение многих лет фюрер ежедневно пользовался специальными таблетками, подавлявшими образование газов в кишечнике. Так и непонятно, кто прописал, изготавливал и приносил ему эти пилюли, содержавшие, как оказалось, стрихнин, постепенно накапливавшийся в организме (а также, по словам Шрёдер, «ещё один вредный ингредиент»). По крайней мере, доктор Морель, скандально известный своими «подкрепляющими» витаминными инъекциями, согласно его личному признанию Э. Кемпке, был здесь ни при чём. Гитлер якобы начал принимать это лекарство задолго до появления Мореля, которого многие руководители Третьего рейха считали **иностранном агентом-отравителем** («I was Hitler's Chauffeur», с. 34). Гитлер, кстати, это мнение не разделял и не отдал Мореля «на съедение» гестапо. Заслуживает внимания и довольно редкая для того времени «анти табачная» позиция главного нациста. Он не только бросил курить сам, но и подумывал о законодательном запрещении курения как очевидно вредной привычки. Фюрер, правда, не решился сделать это во время войны.

Как уже говорилось, воспоминания бывших соратников Гитлера не могли быть полностью свободными от их субъективного отношения к «шефу». По их собственным признаниям, при жизни Гитлер являлся для них эдаким добрым, внимательным, щедрым и весьма харизматичным «дядей», которому они ревностно служили, несмотря на неизбежные издержки чрезмерной близости к фюреру. К таковым, например, относились потерянное Кристой Шрёдер в бетонных бункерах здоровье, а также развод, навязанный Эриху Кемпке против его воли (его жена оказалась бывшей проституткой; интересно, что даже после развода они сохранили близкие отношения и вновь поженились после войны). Понятно также, что, несмотря на всё то зло, которое «бесноватый» принёс народам Европы (и о котором они якобы большей частью узнали лишь после окончания войны и последовавших разоблачений), до самой их смерти Гитлер оставался для них пусть трагической и противоречивой, но всё же великой политической фигурой.

Со страниц воспоминаний на нас смотрит весьма неординарная личность. Так оказывается, что Гитлер являлся большим знатоком архитектуры и живописи. Это утверждение, впрочем, плохо сочетается с его в целом отрицательным отношением к современной живописи, которую он считал «дегенеративной». Да и гитлеровские строительные «шедевры» (которые, кстати, поразительно напоминают некоторые сталинские «девелопменты») совсем не обязательно говорят о тонком архитектурном вкусе. В любом случае, не вызывает сомнений, что Гитлер обладал творческой жилкой и питал слабость к «прекрасному» (какой бы смысл он ни вкладывал в это понятие). Его отличали прекрасная память на детали (а также, как и Сталина, редкая злопамятность), пристрастие к секретности и огромная работоспособность. Он не доверял аристократам, но в то же время, как это нередко случается у выскочек, имел комплекс неполноценности в отношении знатных персон. Пожалуй, Гитлер испытывал искреннюю симпатию к простым рабочим. Его тянуло к общению с людьми искусства и знаменитыми спортсменами. К последним относился и боксёр Макс Шмелинг («With Hitler to the end», с. 51), через которого, по словам П. Судоплатова, НКВД планировал подобраться к Гитлеру на «дистанцию пистолетного выстрела». Напомню, что в какой-то момент чекисты отказались от покушения: Сталину стало невыгодно устранять «бесноватого».

Не занимать было Гитлеру и личной храбрости, являвшейся, по-видимому, результатом фаталистической уверенности в том, что его «бережёт Бог». «Он верил, – подтверждает этот факт Линге, – и часто говорил об этом, что его бережёт «провидение» («With Hitler to the end», с. 12). Все трое мемуаристов привели конкретные примеры спокойного отношения Гитлера к опасности, проявленного в самых различных ситуациях. Упоминались, скажем, его поездки на линию фронта в открытом автомобиле во время вторжения в Польшу и отказ прервать совещание в районе Запорожья, даже когда ему доложили о прорыве советских танков. Вопрос о храбрости заслуживает отдельного разговора. Скажем, меня поразил

рассказ Кемпки о том, как Гитлер фактически лично оккупировал Прагу (а заодно и всю страну!), прибыв в замок Градчаны во главе всего лишь сапёрной роты эсэсовцев и небольшого эскорта военнослужащих Вермахта («I was Hitler's Chauffeur», с. 48). При этом правительство и народ Чехословакии, обладавшие всем необходимым, чтобы отбиться от наглых притязаний фюрера, сдались нацистам без единого выстрела. Как парализованные, они начисто забыли о мощнейших укреплениях на границе, сильной и вполне боеспособной армии, а также о могучей военной промышленности, впоследствии исправно работавшей на Третий рейх в течение всей войны. Как вполне справедливо заметил Вальтер Шелленберг, в то время «было бы преувеличением, употребляя слово «вермахт» (по-немецки «военная мощь». – *Прим. перев.*), говорить о подлинной военной мощи Германии – в действительности силы, которыми она располагала, были слишком слабыми для серьёзных военных действий» («Мемуары», с. 63). Когда чехи – как тогда, так и сегодня – жалуются на мюнхенское предательство союзников, не следует забывать о том, что предательство по отношению к своей стране совершили прежде всего они сами. Найдись в тот непогожий день среди десятков тысяч чешских военнослужащих и полицейских (по выражению Гейдриха, приведённому Шелленбергом, последние представляли собой «превосходный человеческий материал», и он «всех их взял бы в войска СС» – там же, с. 72) один-единственный настоящий патриот с твёрдым характером и заряженным пулемётом «Шкода» – и мир был бы избавлен от ужасов Мировой войны и нацистских лагерей смерти. Но получилось иначе: Гитлер бросил невероятный вызов судьбе, и ему столь же невероятно повезло. И так ему везло практически всё время – вплоть до июльского заговора 1944 года. Впрочем, даже тогда, будучи раненым, он всё же чудом уцелел, несмотря на взрыв нескольких килограммов взрывчатки, оставленных буквально в метре от его ног.

Найдутся читатели, которые усмехнутся при упоминании слова «удача». И они, конечно, окажутся во многом правы: «везёт», как правило, тем, кто всю жизнь старается работать на «удачу», а не полагается на «провидение». Абсолютно прав был русский полководец А. Суворов, который, по преданию, в ответ на высказывания недоброжелателей в отношении его полководческих талантов сказал что-то вроде: «Раз повезло, два повезло, но всё время-то везти не может!» Именно так – более или менее «закономерно» – до поры до времени везло и Сталину, упорно шедшему к главной цели своей жизни – абсолютной власти над всё большей частью человечества. Особенно явственно признаки индивидуального везения проявляются во время войны. Вы никогда не встретите военного, принимавшего участие в боевых действиях, который не верит в то, что кому-то на войне судьба улыбается (и к таким вполне сознательно тянутся другие), а кому-то – нет (и от таких шарахаются, как от проклятых). Скажем, не удивительно ли, когда пилот взорвавшегося на высоте нескольких километров бомбардировщика приходит в себя уже на земле – живым, здоровым и... с нераскрывшимся парашютом?..

Поскольку мне уже сорок шесть, я отношусь к рассказам об удачливости того или иного человека вполне серьёзно. Мало того, пятнадцать лет назад, учась в бизнес-школе Университета Миннесоты, я даже подумывал о научном исследовании на тему о роли, природе и возможных закономерностях удачи в бизнесе – в применении как к отдельным предпринимателям, так и к огромным корпорациям. К моему удивлению, американский профессор-статистик отнёсся к подобному намерению абсолютно серьёзно и даже всячески поощрял меня заняться данным направлением. Больше всего меня удивило то, что вопрос о везении оказался вполне «научным» в понимании высококвалифицированного эксперта и заслуженного исследователя. К сожалению, в то время у меня были несколько иные приоритеты (надо было зарабатывать на жизнь), а потому до изучения феномена удачи руки так и не дошли – во всяком случае, пока. Но интерес, как говорится, остался...

Когда я читаю о человеке, которому, несмотря на постоянно бросаемые вызовы судьбе, в течение полутора десятков лет практически всё время невероятно везло, я не могу не думать и о том, что кому-то – скажем, его оппонентам – одновременно столь же чудовищно **не везло**. И что, соответственно, в какой-то момент таким «симметричным неудачником»,

неосторожно связавшимся с «бесноватым», мог оказаться «отец родной» – Сталин И.В. А заодно с ним – и вся Страна Советов, которую авантюризм зарвавшегося в своей самонадеянности вождя едва не «подвёл под монастырь». Внимательно я отнёсся и к такому, казалось бы, вздорному утверждению Кристи Шрёдер о том, что накануне 20 июля 1944 года Гитлер якобы «чувствовал» готовившееся на него покушение генералов. Не склонен я смеяться и по поводу следующего высказывания бывшей секретарши фюрера: «Он (*Гитлер*) обладал чувствительностью медиума и магнетизмом гипнотизёра» («He was my chief», с. xviii). Дело в том, что подобные предчувствия (как вполне рациональные, так и абсолютно, казалось бы, беспочвенные) частенько являются частью «клинической картины» чрезвычайного везения того или иного человека. Правда, в какой-то момент пресловутый «внутренний голос» может начать подсказывать совсем «не то». Обычно это означает: более на удачу рассчитывать не стоит. Нетрудно догадаться, что тот или иной везунчик, как правило, оказывается последним, до кого доходит, что удача повернулась к нему спиной. И, соответственно, пытается игнорировать этот печальный факт – вплоть до полной потери всего, что его невероятное везение принесло до начала полосы неудач. Наполеон, Гитлер и многочисленные любители азартных игр – яркое подтверждение действенности этого правила. По этой причине гораздо более «везучими» оказываются те любимцы удачи, которые стараются на неё, по возможности, полагаться как можно реже. И которых жизнь периодически – видимо, чтобы не забывали об обратной стороне везения – бьёт по голове.

Несмотря на большое количество интересных фактов, сообщённых авторами «гитлериады», я не нашёл в их воспоминаниях того, что искал – хотя бы короткого упоминания о некоем странном событии, произошедшем накануне 22 июня 1941 года с людьми, имевшими прямой или опосредованный доступ к Гитлеру. Как оказалось, ни Шрёдер, ни Линге, ни Кемпка **вообще не упомянули о последних предвоенных днях ни одним словом**. Впрочем, даже в отсутствие прямых признаков существования «неизвестного элемента», в мемуарах бывших соратников Гитлера оказалось немало косвенной информации, так или иначе говорящей в пользу моей гипотезы.

В первую очередь, из свидетельств личного помощника, секретарши и шофёра фюрера следует, что **его устранение никак нельзя было считать невозможным**. Вот что написал по этому поводу Линге, который в интересующий нас период проводил с Гитлером больше всего времени: «После моего возвращения из плена в России я был удивлён утверждениями – которые повторяются до сих пор – о том, что было практически невозможно приблизиться к Гитлеру, чтобы убить его. Это неправильно. **Любой, обладающий хитростью, умением и решимостью, мог уничтожить Гитлера в любой из многочисленных удобных моментов, имевшихся для этого**» («With Hitler to the end», с. 12). Понятно, что, если кто и обладал в те времена всеми перечисленными качествами в полной мере, то это были сталинские спецслужбы... Бывший шофёр Гитлера Кемпка сообщает интересный штрих в отношении тех самых «моментов». Оказывается, фюрер любил время от времени проехаться по ночному Берлину в скромном «Фольксвагене» – дабы спокойно проинспектировать архитектуру города («I was Hitler's Chauffeur», с. 24). Важную информацию на этот счёт можно найти и в воспоминаниях Кристи Шрёдер, процитировавшей affidavit (заверенное заявление) бывшего личного адъютанта Гитлера Отто Гюнше от 26 марта 1982 года: «...**Никогда не существовало приказов проверять сумки персонала гитлеровской штаб-квартиры при входе и выходе из ставки, «фюрер-бункера» и жилых блоков сотрудников**. После покушения 20 июля 1944 года не работавшие в «фюрер-бункере» посетители должны были сдавать свои пистолеты охране из РСД, а их папки и портфели проверялись» («He was my chief», с. 93). **Иными словами, вплоть до середины 1944 года любой из сотрудников гитлеровского окружения или его гостей мог (сознательно или невольно) пронести с собой всё, что угодно, – включая оружие, бомбу или пробирку с патогеном.**

Линге поясняет и основную причину удивительно философского отношения «бесноватого» к вопросам личной безопасности: «Он не опасался покушений на свою жизнь... Когда кто-нибудь поднимал вопрос о его безопасности, он обычно говорил: «Ни

один германский рабочий не причинит мне вреда». Он не верил и в то, что на него может покушаться кто-то ещё – по крайней мере, до 1944 года. Он отвергал все очевидные меры предосторожности как чрезмерные... Он верил (и часто говорил об этом), что его бережёт «провидение» и что одного лишь присутствия телохранителя из СС было достаточно, чтобы отпугнуть любого потенциального убийцу. **Более серьёзно он относился к возможности его насильственного устранения зарубежными противниками ...»** («With Hitler to the end», с. 12). Что ж, считаю, что Гитлер был абсолютно прав, опасаясь угрозы из-за рубежа... Согласен я и со следующим утверждением Линге: «Разумеется, любому, кто захотел бы уничтожить Гитлера «лицом к лицу», пришлось бы пожертвовать своей жизнью. Желających пойти на такое не нашлось, и это, по-видимому, было единственной причиной того, что Гитлер дожил до дня своего самоубийства в апреле 1945 года» (там же, с. 13). Правда, Линге ошибается в том, что желающих пожертвовать собой не нашлось: их вполне хватало как минимум среди оперативников советских спецслужб. Как мы уже знаем из воспоминаний П. Судоплатова, в 1942–1943 годах НКВД не стал устранять Гитлера не из-за отсутствия «комсомольцев-добровольцев» (таких только в Берлине и его окрестностях ещё с весны 1941 года прятались десятки), а потому, что товарищ Сталин решил, что теперь «бесноватый» полезнее ему живым (пусть и не до конца здоровым).

Сообщает Линге и о том, что тов. Сталин был не одинок в своём желании покончить с главным нацистом: «Известных попыток покушения на жизнь Гитлера, – рассказывает он, – буквально единицы. В некоторых случаях он был на волосок от гибели... Незадолго перед войной (*прим. автора: видимо, в 1939 году*) адъютант принял для Гитлера букет роз от кого-то из толпы. После того как адъютант пожаловался на загадочное недомогание, букет был подвергнут тщательному осмотру, и обнаружилось, что шипы обработаны ядом. Это «цветочное» покушение привело к тому, что впоследствии всех цветов и прочих объектов следовало касаться исключительно в перчатках... Как-то Гитлеру, известному своей любовью к собакам, поднесли щенка. По неизвестной причине, животное было вне себя от ярости и искусило одного из членов эскорта» (там же). Впрочем, читая про отравленный букет и чрезмерно агрессивного щенка, трудно поверить в то, что покушавшиеся рассчитывали на гарантированный успех. А если так, то сомнительно, что за ними стояли серьёзные шпионские конторы – скорее, это были «любительские» покушения германских граждан, сводивших с фюрером личные счёты. То же самое можно сказать и о следующем эпизоде, описанном Линге: «В окружении (*Гитлера*) было запрещено пробовать пищу, присланную из-за границы. Несмотря на запрет, в 1944 году я не устоял и отведал подаренных фруктов. Результатом стало жестокое отравление, диагностированное доктором Морелем – персональным врачом Гитлера, которое приковало меня к постели на несколько недель. Личный врач каждый день осматривал Гитлера, а рейхсляйтер Альберт Борман (*прим. автора: родной брат Мартина Бормана; интересно, что братья терпеть не могли друг друга*) был обязан ежедневно пробовать не только пищу, но и воду» (там же, с. 14).

С течением времени Гитлер, по-видимому, почувствовал, что не может больше полагаться на «провидение» в той же степени, что и раньше. Линге отметил и это: «Гитлеру всегда везло (за исключением его ранений, полученных 20 июля 1944 года), но с течением времени он постепенно становился всё более осторожным» (там же, с. 13). Интересно отметить, что германский рабочий Эльзер, подложивший в конце 1939 года бомбу с часовым механизмом в мюнхенской пивной, где должен был выступать Гитлер (тот чудом избежал смерти: погибли лишь несколько «старых борцов»), не только не был расстрелян, но ещё и содержался в относительно комфортных условиях и изготавливал взрывные устройства по заказу фюрера до самой своей смерти (наступившей, по-видимому, не в результате казни эсэсовцами, а от английских авиабомб). «...Остаётся загадкой, – вполне справедливо замечает Линге, – почему Эльзер, которого Гитлер должен был бы стремиться уничтожить, оставался в живых почти до самого конца в обстановке, когда все мужчины и женщины, имевшие хоть какое-то отношение к графу фон Штауффенбергу, были перевешаны как животные... Немецкий коммунистический лидер (*Эрнст*) Тельман и Эльзер были для него

«людьми с характером», в которых он видел то, что вызывало его восхищение» (там же, с. 18).

Я не знаю, удастся ли мне или кому-то другому когда-нибудь обнаружить прямые доказательства подготовки, попытки осуществления и провала операции «козырная карта». Российские генералы от науки до сих пор упорно отпираются даже от давно ставшего очевидным факта подготовки Сталиным агрессии против Германии летом 1941 года. Как можно догадаться, ещё упорнее (с пеной на губах и криком, переходящим в тяжёлый хрип) они отрицали бы правильность моей теории. Ведь, если правдивость гипотезы Резуна-Суворова подтверждается тысячами независимых свидетельств, то информация о тайной операции, подобной «козырной карте», могла бы стать достоянием гласности исключительно в результате доброй воли российского руководства и хранителей российских архивов. Но полагаться на эту самую «добрую волю» я бы – по вполне понятным причинам – не стал. Даже если бы таковая и имелась, то слишком уж наивно было бы надеяться на то, что старавшийся не оставлять бумажного следа Сталин не побеспокоился об уничтожении документов, проливающих свет **на такое** . Как мне кажется, остаётся рассчитывать на то, что со временем будут обнаруживаться косвенные доказательства. **И искать их, по моему мнению, сподручнее в германских архивах** . В свете того, что случилось с Иоахимом Хофманом и некоторыми другими немецкими историками, поддержавшими Суворова, я бы не стал ожидать спокойной реакции тамошних «левых» на успешные результаты подобных поисков. Наконец, остаётся надежда на то, что после опубликования этой книги откликнутся ещё живые участники событий или их потомки... Впрочем, вполне возможно, что гипотеза о «железном аргументе» – всего лишь продукт моего воображения. Но торопиться отказываться от неё я бы не стал – по крайней мере до того момента, пока кто-нибудь не предложит концепцию, способную «объяснить необъяснимое» более элегантным образом.

Помогла бы повышенная боеготовность?..

Отдельно хочу остановиться на следующем. Дело в том, что единственными конкретными последствиями «предательства» таинственного собеседника Сталина стали отвод какого-то количества пехотных соединений от границы и временное снижение уровня боеготовности отдельных элементов приграничной группировки **буквально на несколько часов** . Утром 22 июня направившихся к жёнам командиров вернули бы в части посыльные, доложившие о ночных «провокациях». Даже полный крах операции «козырная карта» не привёл бы к катастрофе, если бы при осуществлении этой авантюры не ставилась на кон судьба всей кадровой Красной Армии и, по существу, самого СССР. Дело в том, что из-за «железной уверенности» вождя в успехе его шпионских затей **Красная Армия так или иначе не готовилась к стратегической обороне** . А потому таки состоявшееся «внезапное» нападение Вермахта **всё равно привело бы к катастрофе** . Я, например, не думаю, что советской стороне сильно помогло бы приведение в полную боевую готовность **всех** войск первого стратегического эшелона ещё вечером 21 июня. Тем более что существует множество свидетельств того, что значительная часть частей и соединений приграничных округов так или иначе были подняты по тревоге (как правило, без «официального» её объявления) **как минимум за два часа до германского нападения** . Во всяком случае, именно такой вывод можно сделать в отношении фронтовой авиации (см., в частности, «Разгром 1941. На мирно спящих аэродромах...», – с. 346–350) и самых сильных мехкорпусов Красной Армии – 4-го и 6-го. В Одесском военном округе приведение авиации в полную боевую готовность вообще произошло **одновременно** с объявлением аналогичного состояния в частях Люфтваффе на Восточном фронте – **в 23.00 по Москве** (см. «Красная Армия в 1941 году», с. 420).

Разумеется, если бы им отдавали адекватные ситуации приказы, лётчики-истребители и зенитчики нанесли бы Люфтваффе 22 июня несколько бо льший урон (впрочем, он и так оказался немалым), и в первый день войны было бы уничтожено вдвое-втрое меньше

советских самолётов. Были бы вовремя эвакуированы семьи комсостава, а немецкие орудия, ударившие по казармам в цитадели Бреста, не смогли бы сразу уничтожить сотни красноармейцев. В войсках было бы несколько меньше паники, а среди представителей командования фронтов и армий – больше организованности и порядка. Но изменило бы это исход приграничных сражений? Не думаю...

Это всё равно не компенсировало бы то, что:

1) три миллиона военнослужащих, горы боевой техники и гигантские военные запасы скапливались на самой границе и времени на их отвод назад не было. Иными словами, **нельзя было за несколько часов сделать то, на что требовались несколько недель, а то и месяцев** ;

2) как минимум половина из этих трёх миллионов военнослужащих Красной Армии к началу войны находились на марше или в вагонах: они не имели возможности ни организованно вступить в бой, ни готовиться к обороне на линии «старой границы»;

3) гигантская советская группировка вообще не готовилась к стратегической обороне и, как уже было сказано, сделать за несколько часов то, что надо было осуществлять с начала апреля – то есть **построить глубокоэшелонированную систему обороны** , – всё равно бы не удалось;

4) у Красной Армии **отсутствовали планы обороны как таковые** . Поэтому после начала войны она и не пробовала обороняться (или отходить для организации прочной обороны), а всё время пыталась наступать – вплоть до конца июня;

5) несмотря на прекрасное техническое оснащение и хорошую индивидуальную подготовку бойцов и командиров, Красная Армия (как, впрочем, и все остальные армии мира той поры) значительно уступала немцам в тактическом плане, а также в умении координировать действия больших войсковых объединений и различных родов войск: **всё это пришло лишь со временем** .

Историки, рассказывающие о том, как Люфтваффе уничтожили в первый день войны 1200 советских самолётов (цифра эта, как вполне убедительно показал М. Солонин в своей книге «Разгром 1941. На мирно спящих аэродромах...», многократно завышена: действительно огромные потери ВВС понесли при последующем «перебазировании» в тыл, когда тысячи зачастую полностью исправных самолётов были просто оставлены немцам), как-то забывают, что сами советские лётчики в основном **остались живы** (а это главное!), и что даже после первых «внезапных» ударов 22 июня у ВВС Красной Армии и Военно-Морского Флота только на Западе имелись **ещё девять-десять тысяч боевых самолётов** , да ещё как минимум столько же – в глубине страны. В частности, вообще не пострадали элита ВВС – флотская и дальняя бомбардировочная авиация, а также истребительные корпуса ПВО, защищавшие главные мегаполисы страны. 22 июня практически не понесли потерь сменившие места дислокации (переехавшие «из леса – в лес») советские механизированные части и соединения, а в распоряжении Жукова и Тимошенко по-прежнему имелось в несколько раз больше танков и орудий, чем у напавших немцев. К Днепру и Западной Двине подтягивались гигантские резервы – миллион военнослужащих второго стратегического эшелона, у Красной Армии сохранялось многократное техническое превосходство над противником, а на границах с Финляндией и Румынией вообще было относительно спокойно.

Приграничные сражения первой недели войны были вчистую проиграны советской стороной не только из-за того, что делали немцы, но и из-за того, что **не делала Красная Армия** – в том числе и в течение как минимум трёх предвоенных месяцев, когда германское развёртывание на границе уже не являлось секретом и, при желании, можно было **хоть немного** побеспокоиться об отражении нашествия. Даже после «внезапного» нападения у руководства СССР имелись возможности для того, чтобы постараться эффективно распорядиться остающимися громадными ресурсами и хотя бы **снизить масштабы катастрофы** . По тем или иным причинам это не было сделано. Практически вся пятимиллионная кадровая армия погибла, разбежалась или попала в плен. Вдобавок, ни в

чём не повинных людей ещё и оплевали именно те, кто несёт прямую ответственность за потворствование авантюризму большевистского вождя и его поделщиков. В первую очередь я имею в виду Г.К. Жукова. Виктор Суворов прав: **«маршал победы» – один из самых циничных и бессовестных лжецов в советской истории. Он заслуживает не памятников, а презрения.**

Эпилог

В заключение я хотел бы призвать читателей подвергать сомнению всё, что нам сообщают «серьёзные» историки. И это касается не только темы Второй Мировой войны. Как оказывается, историческая наука – совсем не та строгая дева, которой мы её себе представляли. Как и её суровая подруга Фемида, эта фемина может регулярно и довольно легко терять свою беспристрастность и холодный вид: всё зависит от предложенного за ночь гонорара. Стоит лишь слегка копнуть практически любую историческую сказку «для простых», которые нам с вами вдалбливали в головы в школах и университетах, и из этих симпатичных могилок исторической правды начинает ощутимо пахнуть. И не стоит себя обманывать в отношении того, что «как надо» историю переписывали только большевики и исключительно в Советском Союзе. Последователи той или иной «национальной» исторической науки способны извращать правду в ничуть не меньшей степени. Последствия же этого одинаковы для всех народов, ради «блага» которых им же и скормливают ту или иную ложь об их порой совсем не «славном» прошлом.

Историческая правда – это иммунная система той или иной нации. Если российский, украинский или, скажем, немецкий народ не могут найти в себе силы посмотреть на своё реальное отражение в беспощадном зеркале минувших событий, если у них нет сил и смелости увидеть себя такими, как они есть (или, вернее, «были»), им суждено повторять те же ошибки и в будущем. Каков же выход? Он одновременно прост и сложен: **надо больше читать.** Читайте книги, в которых отражаются различные (и даже противоположные) точки зрения. Будьте сами себе «суворовы»! Анализируйте и подвергайте сомнению любые догмы. В особенности же будьте осторожны в отношении тех «священных коров», про которых нам твердят: «Не трогать!» И не обращайтесь на звания, должности, седины и солидную манеру речи: большая часть самых бессовестных врунов от истории как раз и оказываются солидно выглядящими и веско рассуждающими академиками, «членами» и лауреатами. Как правильно сказал когда-то Мюнхаузен-Янковский: «Самые большие глупости произносятся с самым умным выражением лица»...

Библиография

1. **Chris Bellamy.** «Absolute War». London, Pan Books, 2007, ISBN 978-0-330-48808-2.
2. **Joachim Hoffmann.** «Stalin's War of Extermination. 1941–1945». Thesis & Dissertations Press, Capshaw (Alabama), 2001, ISBN 0-9679856-8-4.
3. **Anne Nelson.** «Red Orchestra». Random House, New York, 2009, ISBN 978-1-4000-6000-9.
4. **И. И. Людников.** «Дорога длиною в жизнь». Высшая школа, 1985.
5. **«Начальный период войны»,** под общей редакцией **С.П. Иванова.** Москва, Воениздат, 1974.
6. **Виктор Суворов,** «День М», Москва, АО «Всё для вас», 1994.
7. **Игорь Бунич.** «Операция Гроза. Кровавые игры диктаторов», «Фатальная ошибка Сталина». ЭКСМО, Москва, 2010.
8. **Виктор Суворов.** «Разгром». АСТ, Москва, 2010.
9. **Д. Ортенберг.** «Июнь—декабрь сорок первого». Москва, Советский писатель, 1986.
10. **Н.Г. Кузнецов.** «Накануне», «Курсом к победе». Москва, Воениздат, 1991.

11. **Г.К. Жуков.** «Воспоминания и размышления». Москва, АПН, 1969.
12. **А.Г. Головкин.** «Вместе с флотом». Воениздат, Москва, 1979.
13. **П.А. Судоплатов.** «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930– 1950 годы». Москва, Олма-Пресс, 1998.
14. **А. Колпакиди и А. Север.** «Разведка в Великой Отечественной войне». Яуза-Эксмо, 2010.
15. **Р. С. Иринархов.** «Красная Армия в 1941 году». ЭКСМО, Москва, 2009.
16. **М. Солонин.** «Разгром 1941. На мирно спящих аэродромах...». Москва, Яуза-Пресс, 2011.
17. **Д. Хазанов.** «Сталинские соколы против Люфтваффе». Москва, Яуза-ЭКСМО, 2010.
18. **Артём Драбкин.** Сборник «Мы дрались на Ил-2». ЭКСМО, Москва, 2010.
19. **Р. Иринархов.** «1941. Пропущенный удар», Москва, Яуза-ЭКСМО, 2011.
20. **И.Х. Баграмян.** «Так начиналась война». Воениздат, Москва, 1971.
21. **Марк Солонин.** «23 июня – «День М». Москва, Яуза-ЭКСМО, 2010.
22. **И.И. Азаров.** «Осаждённая Одесса». Одесса, Маяк, 1975.
23. **Марк Солонин.** Статья «Три плана товарища Сталина», сборник «Правда Виктора Суворова. Окончательное решение». Москва, Яуза-Пресс, 2009.
24. **Энциклопедия «Великая Отечественная война 1941–1945».** Советская энциклопедия, Москва, 1985.
25. **Б.М. Шапошников.** «Воспоминания. Военно-научные труды». Воениздат, Москва, 1982.
26. **Елена Ржевская.** «Берлин, май 1945». Москва, Советский писатель, 1967.
27. **Пауль Карель.** «Восточный фронт». ЭКСМО, 2003.
28. **«The Goebbels Diaries. 1939–1941»**, translated and edited by Fred Taylor, Sphere Books Limited, London, 1983.
29. **Вальтер Шелленберг.** «Мемуары». Минск, Родина-плюс, 1998.
30. **Ричард Бассет.** «Главный шпион Гитлера». Москва, АСТ-Хранитель, 2006.
31. **Теодор Гладков.** «Тайны спецслужб III рейха». Москва, Яуза-Пресс, 2010.
32. **David E. Murphy.** «What Stalin knew. The Enigma of Barbarossa». Yale University Press, 2005, ISBN 0-300-10780-3.
33. **Виктор Суворов.** «Ледокол». Москва, «Новое время», 1993.
34. **New York Times**, архив.
35. **Р. С. Иринархов.** «Киевский особый». Минск, Харвест, 2006.
36. **Кейстут Закорецкий.** Статья «ВИП-методом о планах 41-го», сборник «Новая правда Виктора Суворова», Москва, Яуза-Пресс, 2009.
37. **«Краткий очерк истории Краснознамённого Киевского военного округа. 1919–1969».** Киев, 1969.
38. **У. Ширер.** «Взлёт и падение III рейха». Москва, ЭКСМО, 2003.
39. **Charles D. Winchester.** «Hitler's War on Russia». Osprey, Oxford, 2007, ISBN 978-1-84603-195-3.
40. **«The Economist».** «A special report on China's place in the world». 4 декабря 2010.
41. **Кейстут Закорецкий.** «Третья мировая война Сталина». Яуза-Пресс, Москва, 2009.
42. **Марк Солонин.** «22 июня. Анатомия катастрофы». Яуза-ЭКСМО, Москва, 2009.
43. **К.А. Мерецков.** «На службе народу». Москва, Высшая школа, 1984.
44. **Antony Beevor.** «Stalingrad». Penguin Books, London, 1999, ISBN 0-14-024985-0.
45. **Christa Schroeder.** «He was my chief». Frontline Books, London, 2009, ISBN 978-1-84832-536-4.
46. **Heinz Linge.** «With Hitler to the end». Frontline Books, London, 2009, ISBN 978-1-84832-544-9.
47. **Кейстут Закорецкий.** Статья «Загадка директивы (без номера) один», сборник «Правда Виктора Суворова. Окончательное решение». Москва, Яуза-Пресс, 2009.

48. **Эдуард Радзинский.** «Сталин. Жизнь и смерть». Вагриус, Москва, 2003.
49. **Simon Sebag-Montefiore.** «Stalin. The Court of the Red Tsar». Phoenix, London, 2004, ISBN 978-0-7538-1766-7.
50. **Ф. Гальдер.** «Военный дневник». Том 3. Москва, Воениздат, 1971.
51. **Виктор Суворов.** «Самоубийство». Москва, АСТ, 2006.
52. **Christopher Andrew and Oleg Gordievskiy.** «KGB. The inside story of its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev». Hodder and Stoughton, London, 1990, ISBN 0-340-48561-2.
53. **Erich Kempka.** «I was Hitler's Chauffeur». Frontline books, London, 2010, ISBN 978-1-84832-550-0.
54. **Hugh Sebag-Montefiore.** «Enigma. The Battle for the Code». Phoenix, London, 2002, ISBN 0-75381130-8.
55. **Reinhard Gehlen.** «The Service». World Publishing, New York, 1972, ISBN 0-529-04455-2.
56. http://www.hrono.ru/biograf/bio_b/borman.php
57. <http://www.peoples.ru/military/fascism/borman/interview.html>.
58. **James Hayward.** «Myths & Legends of the Second World War». The History Press, UK, 2009, ISBN 978-0-7524-5237-1.
59. **В.С. Петров** «Прошлое с нами» Политиздат Украины, 1977.
60. Сборник «**Огневой вал**», составитель **А. Драбкин.** Яуза-ЭКМО, Москва, 2009.
61. **П.А. Ротмистров.** «Стальная гвардия». Москва, Воениздат, 1984.
62. **И.И. Федюнинский.** «На Востоке». Военное изд-во, 1985.
63. **Д.Д. Лелюшенко.** «Москва—Сталинград—Берлин—Прага». Москва, Наука, 1987.
64. **Владислав Савин.** «Разгадка 1941. Причины катастрофы». Москва, Яуза-ЭКМО, 2010.
65. **Дэвид Гланц.** «Колосс поверженный. Красная Армия в 1941 году». Москва, Яуза-ЭКМО, 2008.
66. **К. Симонов.** «100 суток войны». Смоленск, Русич, 1999.
67. **В. Муратов, Ю. Городецкая (Лукина).** Командарм Лукин. Киев, Воениздат, Киевский филиал, 1990.
68. **Кирилл Александров.** Статья «Планировался удар по Румынии в направлении нефтяных месторождений», сборник «Сверхновая правда Виктора Суворова». Москва, Яуза-Пресс, 2010.
69. **Советская Военная Энциклопедия,** том 4. Москва, Воениздат, 1977.
70. **Большая Советская Энциклопедия,** том 11. Москва, Воениздат, 1973.
71. **Hans Mommsen.** «Germans against Hitler». I.B. Tauris, London, 2009, ISBN 978-1-84511-852-5.
72. **Ханс фон Люк.** «На острие танкового клина». Москва, Яуза-ЭКМО, 2006.

Приложение

Листовка об объявлении мобилизации с 23 июня 1941 г.

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северокавказскому и Закавказскому военным округам.

На основании статьи 49 пункта 4. Конституции СССР Президиум Верховного Совета СССР объявляет мобилизацию на территории военных округов — Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северокавказского и Закавказского.

Мобилизации подлежат военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно.

Первым днем мобилизации считать 23 июня 1941 года.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР А. ГОРНИН.